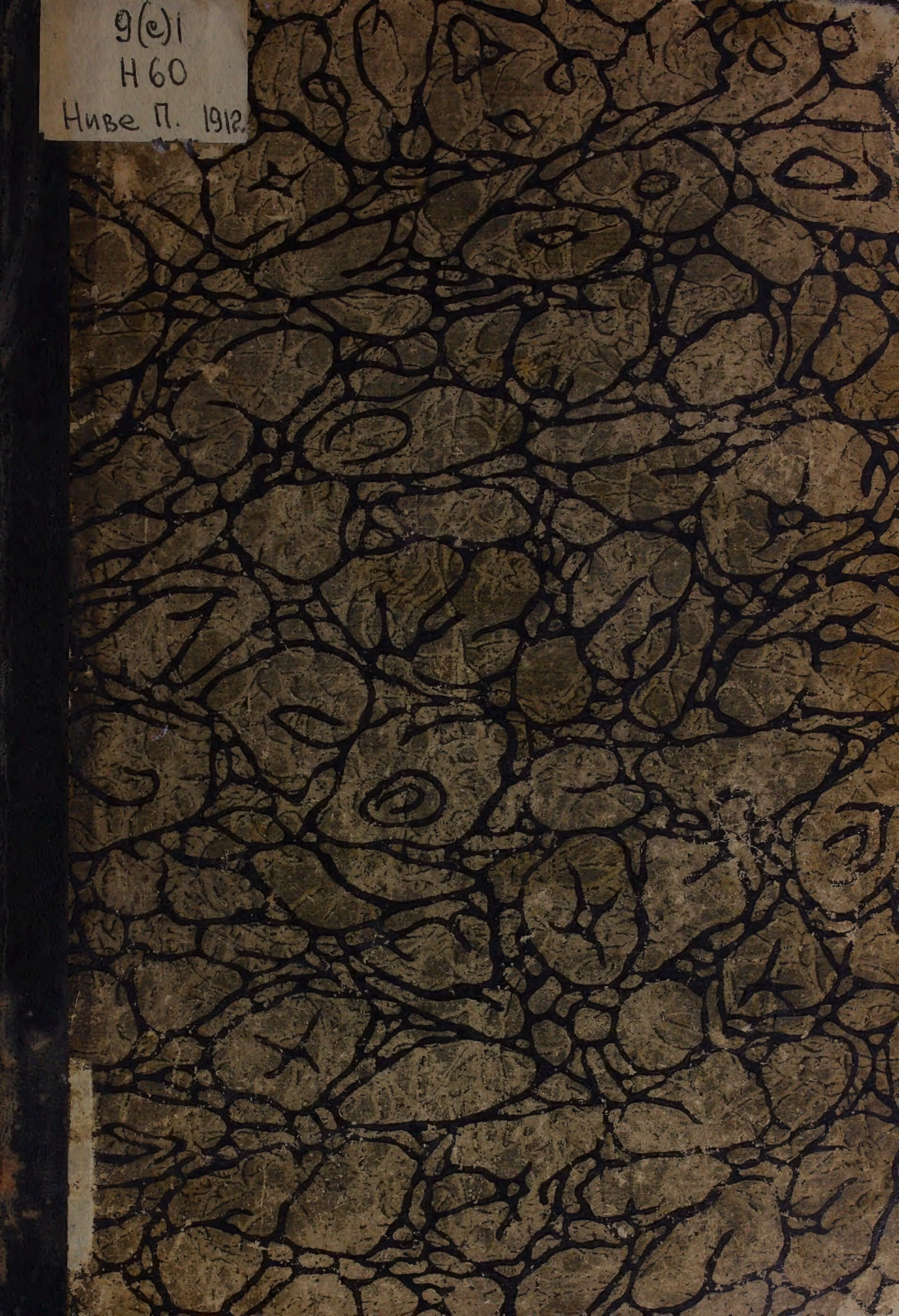
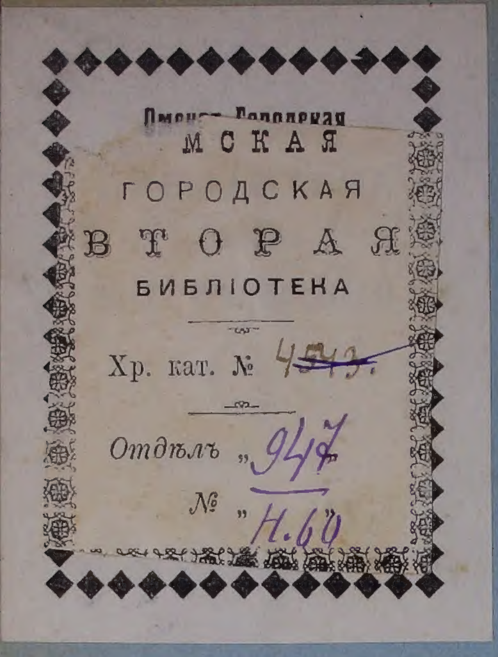
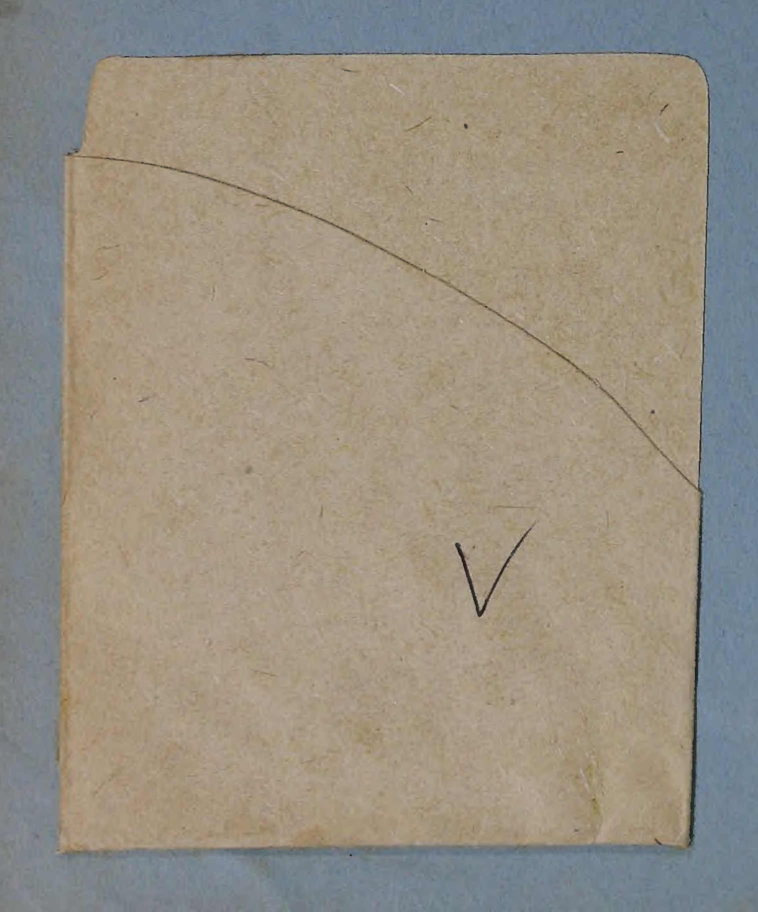
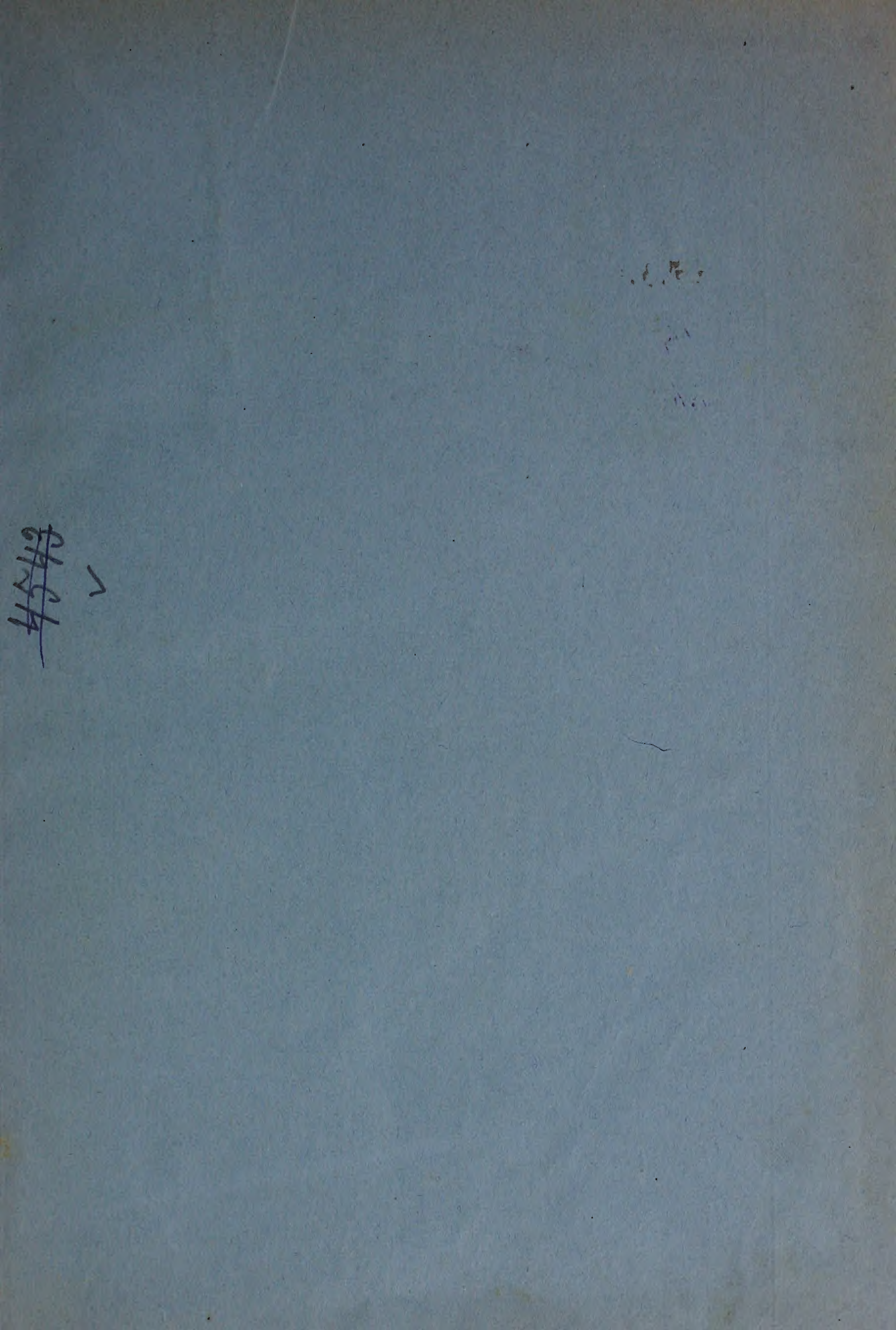
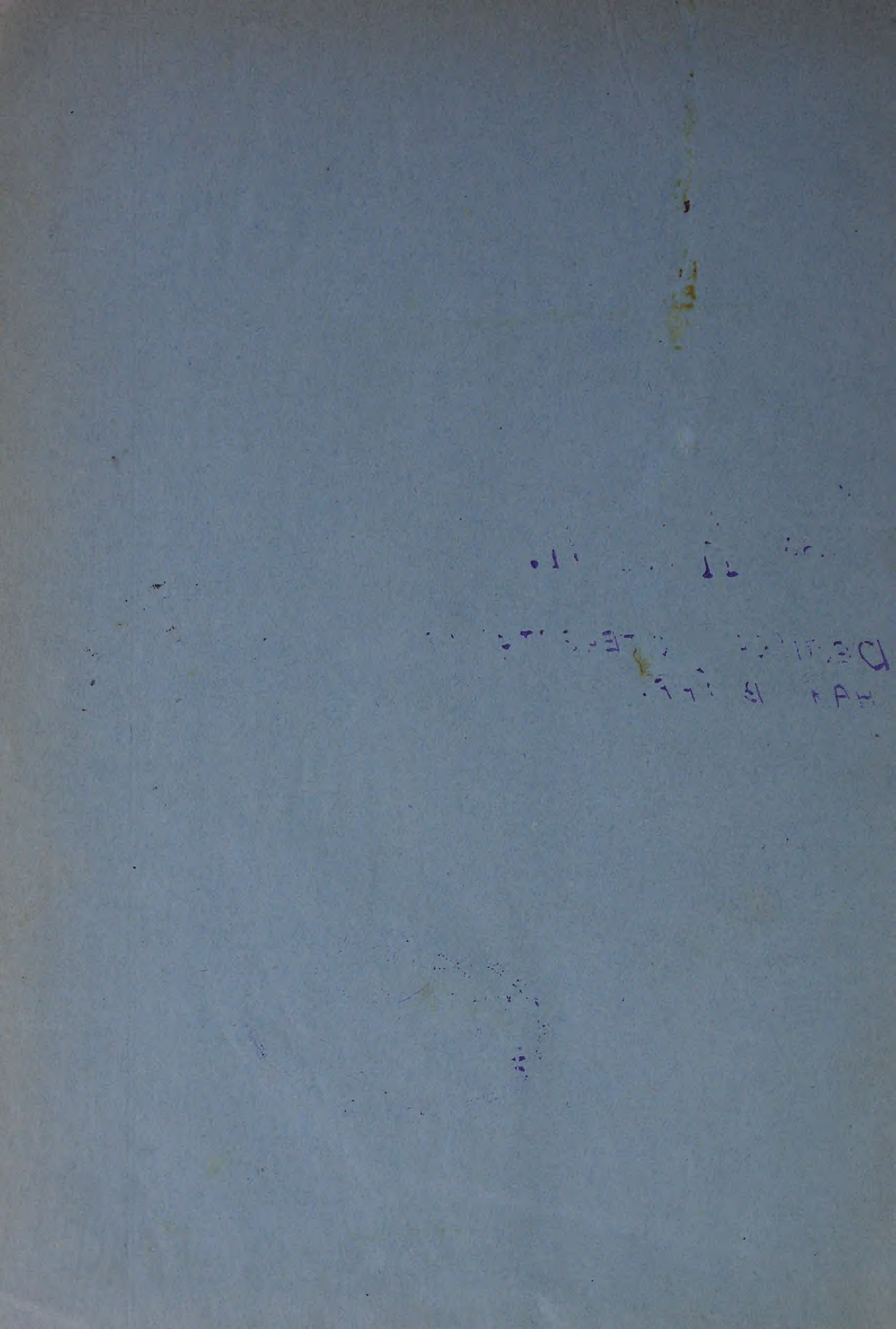

9(с)1
Н60
Ниве П. 1912.

Омская Городская
МСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ВТОРАЯ
БИБЛІОТЕКА
Хр. кат. №
Отдѣлъ „947"
№ „Н.60"

ПЕТРЪ НИВЕ.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812-й годъ.

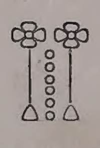
Цѣна 80 коп.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1912.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЙКА 32.
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“.

Т-ВО И. Д. СЫТИНА
МОСКВА
у Ильинскихъ воротъ

Императоръ Александръ Благословенный (карт. Дау).

ГЛАВА I.

Изъ-за чего возгорѣлась Отечественная война?—Наполеонъ.—Подготовка Франціи и Россіи къ войнѣ. — «Великая армія». — Наши силы и ихъ распредѣленіе.

Въ Отечественную войну 1812 года нашей Родинѣ пришлось выдержать нашествіе всѣхъ почти народовъ Западной Европы, объединенныхъ подъ знаменемъ одного могущественнаго властителя, императора французовъ Наполеона Бонапарта.

Уроженецъ небольшого острова Корсики, расположеннаго въ Средиземномъ морѣ и принадлежавшаго Франціи, Наполеонъ смолоду выказалъ блестящія военныя способности. Началъ онъ свою карьеру артиллерійскимъ офицеромъ и выдѣлился при осадѣ одной крѣпости (Тулона). Въ Парижѣ онъ сблизился съ заправилами тогдашняго республиканскаго правительства и вскорѣ всталъ во главѣ итальянской арміи во время войны съ австрійцами. Наполеонъ побѣдилъ. Австрійцы вынуждены были заключить постыдный миръ. Черезъ три года Бонапартъ (въ 1800 г.) дѣлается «первымъ консуломъ» во Франціи, т.-е. главою исполнительной власти, а въ 1805 году принимаетъ титулъ императора французовъ. Наполеонъ самовластно распоряжается дѣлами почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, низводитъ королей съ ихъ троновъ, раздаетъ престолы своимъ родственникамъ, по собственному желанію мѣняетъ границы государствъ.

Нашъ Государь Александръ I рѣшилъ положить предѣлъ самовластію этого человѣка и въ 1805 г. помогъ Австріи, пославъ ей на помощь войска. Но Наполеонъ напалъ на австрійцевъ до прихода русскихъ. Русская армія подъ начальствомъ знаменитаго нашего полководца М. И. Кутузова принуждена была отступить передъ французами, для соединенія съ нашей второй арміей. Подъ Аустерлицемъ Наполеонъ разбилъ русскихъ и австрійцевъ, несмотря на доблесть и геройскіе подвиги нашихъ войскъ. Австрійцы заключили съ нимъ миръ, а наши войска вернулись на родину.

Въ слѣдующемъ году Императоръ Александръ оказалъ такую же помощь Пруссіи въ войнѣ противъ Наполеона. Въ нѣкоторыхъ

сраженіяхъ, напримѣръ, подъ Прейсишъ - Эйлау, непобѣдимому Наполеону не удалось одолѣть русскихъ. Завоеватель самъ говорилъ, что «русскаго солдата убить мало, его надо еще повалить!» Но подъ Фридландомъ французы одержали побѣду надъ союзниками.

Война закончилась миромъ въ Тильзитѣ (1807 г.). Наполеонъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ не можетъ удержать за собой положенія вершителя судебъ Европы безъ такого могучаго союзника, какъ Россія. При личномъ своемъ свиданіи съ Александромъ въ Тильзитѣ Наполеонъ очаровалъ нашего Государя и убѣдилъ его въ огромныхъ преимуществахъ прочнаго союза Россіи съ Франціей. По плану Наполеона, востокъ долженъ былъ находиться подъ вліяніемъ Россіи, а западъ — Франціи. Наполеонъ согласился возстановить завоеванную имъ Пруссію и возвратить ее въ уменьшенныхъ предѣлахъ прусскому королю. Изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, онъ устроилъ самостоятельное герцогство Варшавское. Россія получила Бѣлостокскую область. Однако, Тильзитскій миръ навязывалъ Россіи «континентальную систему», посредствомъ которой Наполеонъ боролся съ Англіей. Система эта состояла въ закрытіи гаваней для англійскихъ кораблей и товаровъ, что должно было тяжело отозваться на благосостояніи Россіи.

Строгое примѣненіе этой системы лишало бы насъ заграничнаго ввоза, и потому Императоръ Александръ допускалъ отъ нея весьма крупныя отступленія. Отсюда, съ 1810 года, началось охлажденіе между союзниками, постепенно, подъ вліяніемъ многихъ другихъ причинъ, превратившееся во вражду.

Въ 1809 году, по требованію Наполеона, опять воевавшаго съ Австріей, Государь выслалъ ему на помощь войска, которыя, однако, съ умысломъ дѣйствовали вяло. Въ отместку за это Наполеонъ сталъ увеличивать предѣлы «герцогства Варшавскаго», имѣя въ виду возстановить Польшу.

Личное самолюбіе Наполеона было задѣто отказомъ ему въ бракѣ съ сестрою нашего Государя, великою княжною Анною Павловной. Наконецъ, Наполеонъ самовольно присоединилъ къ себѣ владѣнія герцога Ольденбургскаго, близкаго родственника Императора Александра, что, понятно, оскорбило Государя.

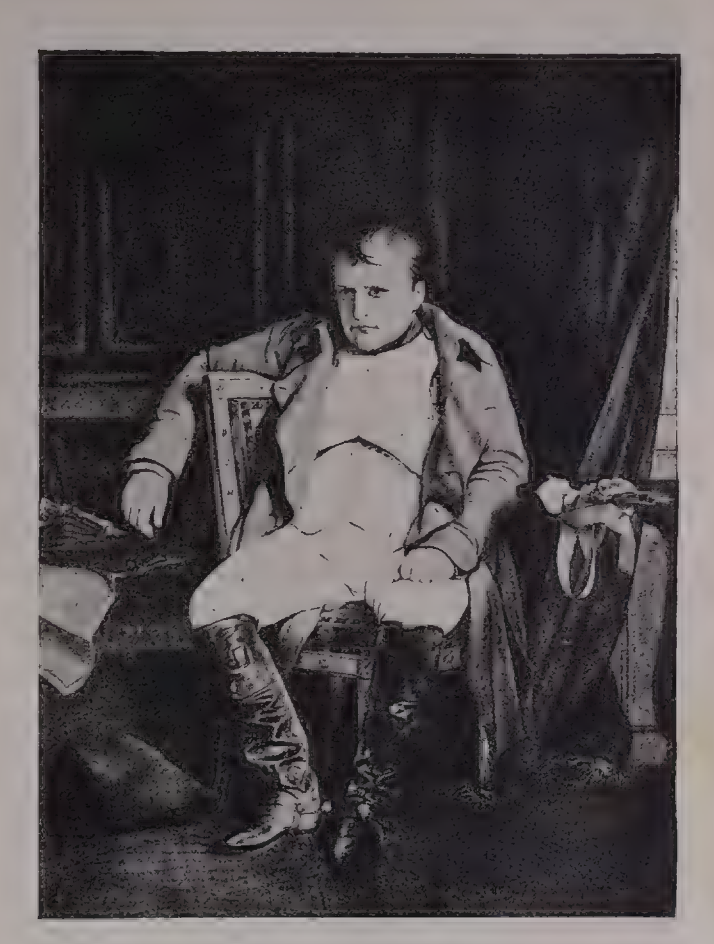
Съ 1811 года Россія и Франція, сохраняя по внѣшности дружественныя и даже союзныя отношенія, дѣятельно готовились къ борьбѣ, заботясь только о томъ, чтобы выиграть побольше времени для этихъ обширныхъ приготовленій къ грозному столкновенію «двухъ великановъ».

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ...

У Наполеона были вольными или невольными союзниками всѣ почти государства Западной Европы, за исключеніемъ Англіи, Швеціи да Испаніи, съ которой онъ велъ долголѣтнюю упорную войну.

Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находилась Россія. На нашей сторонѣ открыто стояли только Англія и Швеція. Но, какъ увидимъ, эти государства не прислали намъ на помощь свои войска.

Къ счастью, почти на-канунѣ Отечественной войны, намъ удалось закончить многолѣтнюю нашу борьбу съ Турціей. Миръ съ нею мы заключили лишь въ маѣ 1812 года.

Наполеонъ-Бонапартъ.

Съ начала февраля 1812 года всѣ тѣ силы, которыя, подъ названіемъ «великой арміи», предназначались для войны съ Россіей, уже стягивались въ восточную Пруссію. Однако, Наполеонъ не прекращалъ переговоровъ съ нами.

Императоръ Александръ неоднократно заявлялъ, что *первымъ*— Онъ не обнажитъ меча, но вложитъ его въ ножны — послѣднимъ. Одному изъ пословъ французскаго императора Государь указалъ

на картѣ Россіи Чукотскій полуостровъ (крайній восточный предѣлъ Сибири) и заявилъ:

— *Если императоръ Наполеонъ рѣшился на войну и если счастье будетъ не на сторонѣ праваго дѣла, ему придется дойти до сихъ поръ, чтобы заключить миръ.*

Собранныя Наполеономъ для борьбы съ Россіей силы были по тому времени необычайно огромны, — около 600 тысячъ человѣкъ. Но *пестрота состава* этой арміи, въ которую, дѣйствительно, входило «двадесять языкъ», могла быть опаснымъ источникомъ быстраго *упадка духа* при неудачахъ. Кромѣ самихъ французовъ, жаждавшихъ славы и завоеваній, одни только поляки шли охотно и съ увлеченіемъ на войну съ Россіей, разсчитывая возстановить Польшу. Всѣ прочія народности, особенно австрійцы и пруссаки, могли быть надежными союзниками только при условіи блестящихъ успѣховъ.

Императоръ Александръ видѣлъ приготовленія Наполеона къ великой войнѣ, но не отчаивался. Государь вѣрилъ въ конечную побѣду надъ прославившимся на весь міръ завоевателемъ.

— Побѣда не доставитъ императору Наполеону мира, — сказалъ Государь. — Имѣя позади себя достаточно свободнаго пространства, мы не рискнемъ арміей и сохранимъ ее. Императору Наполеону необходимы результаты столь же быстрые, какъ его мысль. Онъ не достигнетъ ихъ противъ насъ. Я воспользуюсь его уроками. Нашъ климатъ, наша зима, будутъ нашими союзниками. Французы храбры, но менѣе выносливы, нежели мы; они скорѣе падаютъ духомъ. Чудеса совершаются только тамъ, гдѣ императоръ, а онъ не можетъ быть вездѣ и притомъ вынужденъ будетъ вернуться во Францію. Первымъ Я не обнажу меча, но въ ножны вложу его послѣднимъ. Я предпочту удалиться въ Камчатку, нежели сдѣлать уступки областей или подписать въ занятой столицѣ миръ, который будетъ только перемиріемъ...

При помощи цѣлой сѣти шпіоновъ, преимущественно евреевъ, поляковъ и проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ, Наполеонъ имѣлъ точныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось у насъ. Онъ лично посвятилъ массу труда изученію Россіи и перечиталъ лучшія сочиненія о ней. Но главныя заботы онъ приложилъ къ устройству продовольствія своей арміи. Великій полководецъ понималъ, что на мѣстныя средства Россіи разсчитывать много нельзя. Въ восточной Пруссіи и Варшавскомъ герцогствѣ устроены были обширные склады, по большей части—обезпеченные крѣпостями и укрѣпленіями; составлены были огромные продовольственные транспорты повозокъ, для подъема которыхъ потребовалось много тысячъ лошадей...

Наши приготовленія къ войнѣ начались почти въ одно время съ Франціей, но мы не могли и помышлять о сборѣ такого количества войскъ, какъ у Наполеона. При всемъ напряженіи силъ, мы къ началу 1812 года собрали на западной границѣ лишь 210 тысячъ человѣкъ. Дунайская армія освободилась только впослѣдствіи. Вооруженныхъ силъ, расположенныхъ на окраинахъ, нельзя было трогать.

Войска наши бережно хранили самобытныя начала побѣднаго вѣка Екатерины Великой и завѣты геніальнаго «чудо-вождя» Суворова, многіе сподвижники и ученики котораго были еще въ живыхъ.

Предшествовавшія неудачи въ войнахъ съ Наполеономъ не поколебали настроенія нашихъ солдатъ. Они помнили, что Суворовъ одержалъ надъ французами рядъ блестящихъ побѣдъ, да и они сами недавно подъ Прейсишъ-Эйлау вырвали побѣду изъ рукъ величайшаго полководца. Наша армія, несмотря на свою немногочисленность, представляла грозную силу. Большое значеніе имѣла также однородность ея состава и крѣпость духовнаго единства съ Царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ!..

Въ ожиданіи войны, мы улучшили наши крѣпости и укрѣпленія по западной границѣ, выстроили и новыя (Бобруйскъ и Динабургъ, а также укрѣпленный лагерь у Дриссы), заготовили рядъ продовольственныхъ складовъ. Но вопросъ о питаніи войскъ для насъ, у себя дома, разрѣшался сравнительно легко, ибо все было къ нашимъ услугамъ.

Мы значительно уступали французамъ въ количествѣ своихъ силъ и потому принуждены были обороняться, а не наступать. Къ сожалѣнію, вмѣсто правильнаго плана *затягиванія враговъ въ глубь Россіи*, вначалѣ у насъ увлеклись идеями нѣкоего нѣмецкаго генерала Фуля, а именно: разсчитывали, что, имѣя 2 арміи, можно всегда одною изъ нихъ отступать передъ Наполеономъ, а другою — дѣйствовать ему въ тылъ; но забыли, что силы противника настолько превосходили наши, что онъ могъ сразу потѣснить обѣ наши арміи и, разъединивши ихъ, разбить каждую отдѣльно.

Исходное положеніе наше еще болѣе облегчало Наполеону такой способъ дѣйствій.

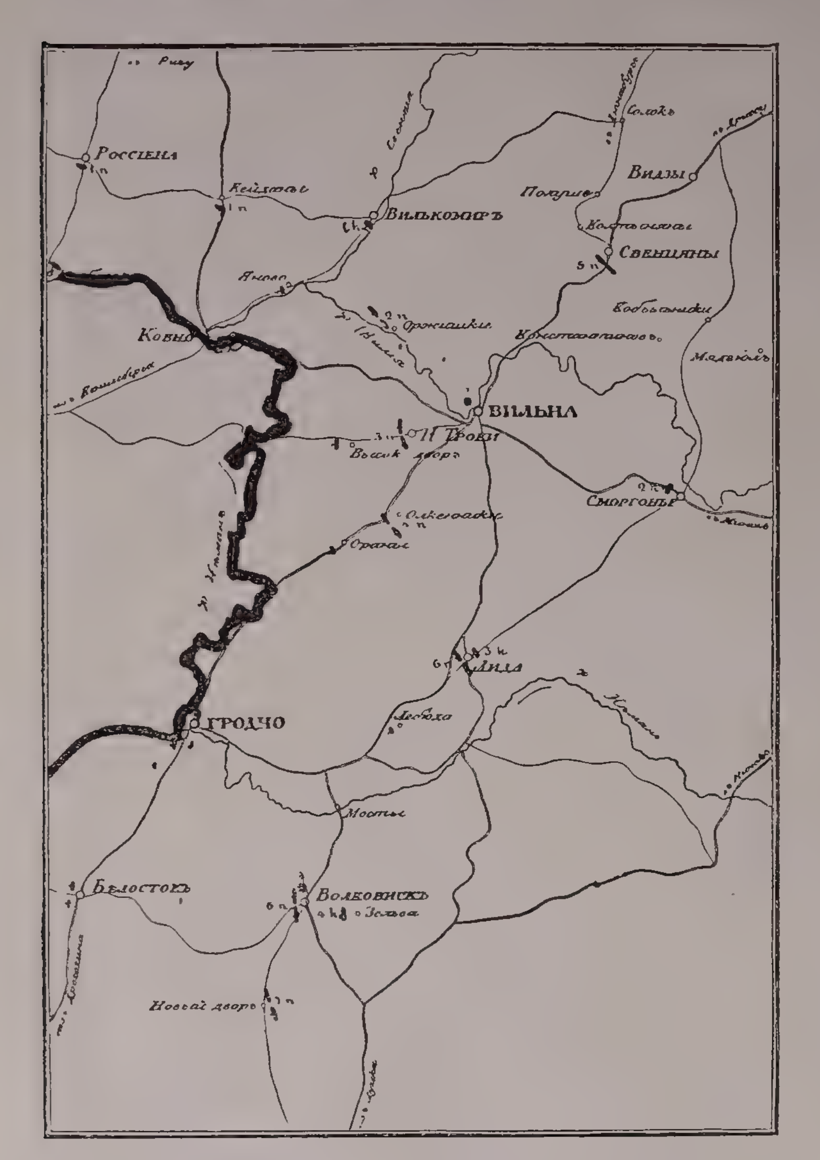
1-я западная армія военнаго министра *Барклая-де-Толли*, въ 127.000 человѣкъ, растянута была по дугѣ отъ *Россіенъ* до *Лиды*, длиною въ 170 верстъ (главная квартира — въ *Вильнѣ)*.

2-я западная армія, князя *Багратіона*, въ 40.000 человѣкъ, имѣла главную квартиру въ *Волковыскѣ*, занимая дугу въ 40 верстъ длины.

3-я резервная (обсерваціонная) армія, графа *Тормасова*, въ 43.000 чел., расположена была на Волыни, съ главной квартирой въ Луцкѣ.

Между лѣвымъ флангомъ (крыломъ) 1-й и правымъ флангомъ 2-й арміи былъ промежутокъ въ 100 верстъ.

Такимъ образомъ свои силы, гораздо слабѣе (почти втрое) Наполеоновскихъ, мы растянули на огромное разстояніе (всего, считая и 3-ю армію, до 500 верстъ), да, сверхъ того, разбили ихъ на три отдѣльныя группы, изъ коихъ южная отдѣлена была отъ прочихъ болотами Полѣсья.

Расположеніе 1-й и 2-й армій предъ войной.

Необходимо отмѣтить еще одну крупную неправильность въ устройствѣ нашихъ силъ, дававшую громадное преимущество французамъ. Во главѣ ихъ арміи находился императоръ - полководецъ, объединявшій въ себѣ всю полноту власти, какъ военной, такъ и гражданской. Такое положеніе дѣлъ, понятно, облегчало дѣло управленія арміей и устраняло всякія тренія.

Во главѣ же нашихъ армій были поставлены главнокомандующіе, облеченные одинаковой властію и равными полномочіями, совер-

шенно другъ отъ друга независимые. Никакой объединяющей власти надъ ними не было.

Правда, въ началѣ войны самъ Государь находился при 1-й арміи (хотя верховнаго управленія военными дѣйствіями не принялъ) и до своего отбытія въ Москву давалъ нѣкоторыя указанія, нѣсколько объединявшія дѣйствія нашихъ армій. Дѣло усложнялось еще и тѣмъ, что главнокомандующій 2-й арміей Багратіонъ былъ старше чиномъ, а главнокомандующій Барклай-де-Толли занималъ должность военнаго министра. Вредныя послѣдствія такого двоевластія не замедлили сказаться. Кромѣ того, оба эти главнокомандующихъ (3-я армія работала совершенно особо) представляли собою два рѣзко - противоположныхъ другъ другу типа военныхъ вождей.

М. Б. Барклай-де-Толли.

Барклай-де-Толли отличался яснымъ, практическимъ умомъ, обладалъ широкими военными познаніями, невозмутимымъ спокойствіемъ, которое онъ сохранялъ даже въ самыя критическія минуты. Съ рыцарскимъ благородствомъ, правдивостью и идеальной честностью онъ соединялъ твердый характеръ и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли. Въ Финляндскую войну 1808 — 9 годовъ онъ прославился смѣлымъ зимнимъ переходомъ по льду черезъ Кваркенскій проливъ изъ Финляндіи въ Швецію, а подъ конецъ войны получилъ назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ Швеціи. Много вредили ему необщительность, нѣкоторая сухость, неумѣніе

привлекать къ себѣ войска, а также нѣмецкое происхожденіе. На самомъ дѣлѣ незабвенный Барклай-де-Толли былъ въ душѣ убѣжденнымъ русскимъ патріотомъ, горячо преданнымъ Россіи, но по свойствамъ своего характера, не выражавшимъ въявь этихъ своихъ чувствъ.

Князь Багратіонъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Суворова. Великій полководецъ всегда назначалъ безстрашнаго, хладнокровнаго и находчиваго въ бою Багратіона въ Итальянскомъ и Швейцарскомъ походахъ 1799 года въ самыя опасныя и отвѣтственныя мѣста. Въ 1805 году, во время первой нашей войны съ Наполеономъ, подъ Шенграбеномъ Багратіонъ съ небольшимъ отрядомъ принялъ на свой крохотный отрядъ напоръ авангарда (передового корпуса) всѣхъ Наполеоновскихъ силъ и этимъ спасъ армію Кутузова.

Въ противоположность Барклаю, Багратіонъ пользовался въ войскахъ громаднымъ обаяніемъ. Воспитанный въ Суворовской школѣ, Багратіонъ зналъ солдата и умѣлъ съ нимъ говорить. Вліяніе его на войска въ рѣшительныя минуты было буквально чудодѣйственнымъ...

Въ первыхъ числахъ мая 1812 года «великая» армія Наполеона расположилась вдоль рѣки Вислы, отъ Эльбинга до Козеницъ, на фронтѣ въ 300 верстъ. На этомъ пространствѣ сосредоточились почти всѣ силы врага, за исключеніемъ австрійскаго корпуса, собиравшагося у Львова, въ Галиціи.

Три недѣли непріятельскія войска отдыхали. 19 мая, Наполеонъ прибылъ въ Познань. Планъ предстоявшихъ дѣйствій у него уже былъ готовъ въ общихъ чертахъ.

Конечною цѣлью являлась Москва. «*Если я займу Кіевъ*,— говорилъ завоеватель, — *я возьму Россію за ноги; если овладѣю Петербургомъ*, *возьму ее за голову; занявъ же Москву*, *поражу ее въ сердце*».

Сосредоточивъ главную массу своихъ силъ въ Восточной Пруссіи, Наполеонъ намѣревался быстро перебросить ее черезъ среднее теченіе Нѣмана и, откинувъ часть русскихъ войскъ на сѣверъ, захватить Вильну и сразу предупредить насъ на кратчайшемъ пути къ Москвѣ.

Для этого главная масса въ 220 тысячъ, подъ его личнымъ начальствомъ, должна была перейти Нѣманъ у Ковно и ударить въ средину нашей растянутой 1-й арміи; въ то же время 80 тысячъ, подъ начальствомъ брата Наполеона, вестфальскаго короля Іеронима Бонапарта, должны были удерживать нашу 2-ю армію, а другія 50 тысячъ, вице-короля итальянскаго Евгенія, пасынка Наполеона, направлены

были въ промежутокъ между обѣими русскими арміями, раздвигая ихъ какъ бы клиномъ.

Кромѣ того, боковой корпусъ, справа, австрійскаго князя Шварценберга направлялся на Волынь, чтобы притянуть на себя нашу армію Тормасова и не дать ей возможности оказывать помощь остальнымъ арміямъ; слѣва прусскій корпусъ Макдональда двинулся на Ригу, чтобы заручиться воднымъ путемъ по Западной Двинѣ.

Цѣлый рядъ обманныхъ передвиженій войскъ и намѣренно распущенныхъ слуховъ долженъ былъ вселить въ насъ убѣжденіе, что глав-

Переходъ Наполеоновскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 12 іюня 1812 г.

ный ударъ замышляется въ юго-восточномъ направленіи, т.-е. на Волынь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ направленъ на сѣверо-востокъ.

11 іюня, Наполеонъ, въ польскомъ мундирѣ, лично осмотрѣлъ окрестности Ковны и у д. Понемунь намѣтилъ мѣсто для переправы главныхъ своихъ силъ. Здѣсь, между дд. Еся и Понемунь, рѣка дѣлаетъ глубокую излучину въ сторону лѣваго, возвышеннаго берега, что позволяетъ съ этого берега перекрестно обстрѣливать противника...

У д. Еся, близъ впадающаго въ Нѣманъ ручья, поднимается высоко вершина, которую мѣстные крестьяне до сихъ поръ называютъ «Наполеоновой горой»; по преданію, отсюда великій полководецъ лично наблюдалъ за переправой...

Совершилась переправа вполнѣ безпрепятственно, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, въ ночь на 12 іюня. Съ наступленіемъ темноты были переброшены на лодкахъ части пѣхоты и саперы, укрѣпившіеся на томъ берегу и отогнавшіе наблюдавшихъ за берегомъ нашихъ казаковъ. Затѣмъ навели 3 моста и, подъ прикрытіемъ грозной дуги батарей, размѣщенныхъ на высотахъ лѣваго берега, «великая армія» неудержимымъ, могучимъ потокомъ, безъ объявленія войны, двинулась въ предѣлы той страны, откуда лишь немногимъ изъ непріятельскихъ воиновъ суждено было вернуться обратно на свою родину!..

О переправѣ французовъ (препятствовать которой мы и не собирались) стало извѣстно въ Вильнѣ ночью 12 числа. Императоръ Александръ находился на балу въ загородномъ дворцѣ въ моментъ полученія этой вѣсти.

Д. С. Дохтуровъ.

Объявивъ въ приказѣ по арміи о вторженіи непріятеля, Государь нашъ (въ рескриптѣ фельдмаршалу графу Салтыкову) изъявилъ непреклонную свою волю вести борьбу до послѣдней крайности. «*Я не положу оружія*, — возвѣстилъ Монархъ, — *доколь ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ*».

Положеніе нашей 1-й арміи, раздѣленной на двѣ части, было довольно опасное.

Крайній лѣво-фланговый корпусъ 1-й арміи (6-й Дохтурова) оказывался у Лиды отъ нея отрѣзаннымъ, какъ и казачій отрядъ Платова у Гродно. Императоръ Александръ разсчитывалъ, что помочь имъ можетъ армія Багратіона, и въ такомъ смыслѣ распорядился передъ отъѣздомъ изъ Вильны; но, на самомъ дѣлѣ, Багратіону, какъ увидимъ ниже, въ это время приходилось еще труднѣе.

Послѣ незначительнаго кавалерійскаго дѣла, 16 іюня, Наполеонъ съ большою торжественностью вступилъ въ Вильно. Поляки, только что съ восторгомъ привѣтствовавшіе Императора Александра, теперь предавались еще болѣе шумной радости, возлагая на Наполеона обширныя упованія въ дѣлѣ возстановленія былого величія своей родины.

Въ Вильнѣ императоръ французовъ расположился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ жилъ Русскій Государь.

Отсюда по всѣмъ путямъ завоеватель выслалъ конницу, поддержанную сильными пѣхотными авангардами. Развѣдка выяснила ему, что главныя силы русскихъ отходятъ къ Свенцянамъ и что, кромѣ того, русскія войска находятся на югъ и на юго-востокъ отъ Вильны. Наполеонъ думалъ, что это—2-я армія; въ дѣйствительности же это былъ корпусъ Дохтурова, который, дѣлая по сорока съ лишнимъ верстъ въ сутки, съ огромными трудностями и страшнымъ напряженіемъ силъ нагонялъ свою армію. Мастерски организовавъ это крайне трудное и рискованное движеніе, Дохтуровъ благополучно проскочилъ. Только передовой отрядъ (авангардъ) Дорохова и казаки Платова принуждены были искать соединенія съ княземъ Багратіономъ.

Къ 19 іюня, 1-я армія находилась на линіи Свенцянъ. Дохтуровъ достигъ Кобыльниковъ. Части арміи, прежде растянутыя на 200 верстъ, теперь сблизились на 100 верстъ. Зато, разстояніе *между* 1-й и 2-й арміями возросло до 250 верстъ, слѣдовательно — увеличилась еще больше для нихъ и опасность *раздѣльнаго пораженія*.

Король Іеронимъ.

Чтобы понять, какъ это случилось, обратимся къ арміи князя Багратіона.

Противъ 2-й арміи назначено было дѣйствовать съ 80 тысячами вестфальскому королю Іерониму. Онъ получилъ приказаніе сперва привлечь на себя вниманіе Багратіона, а когда совершится переправа главныхъ силъ французовъ, то сразу навалиться на него, совмѣстно съ подкрѣпленіями, и раздавить его въ первую голову.

Какъ только казаки Платова очистили Гродно, городъ этотъ былъ занятъ Іеронимомъ. Но здѣсь этотъ малоспособный братъ геніальнаго вождя сдѣлалъ крупную ошибку, отразившуюся на всемъ ходѣ войны: онъ до 22 числа простоялъ въ бездѣйствіи, ожидая распоряженій, и не выслалъ даже конницы на развѣдку... Только 22-го, осыпанный упреками брата, онъ двинулъ кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мабура на Новогрудокъ.

«Всѣ плоды моихъ маневровъ и прекраснѣйшій случай, когда-либо представлявшійся на войнѣ, потеряны вслѣдствіе такого страшнаго забвенія основныхъ понятій военнаго дѣла», писалъ Іерониму

раздраженный Наполеонъ. Чтобы исправить ошибку брата, великій полководецъ двинулъ изъ Вильны 50 тысячъ *Даву*, одного изъ наиболѣе способныхъ маршаловъ, который долженъ былъ *перехватывать всѣ дороги*, связывавшія путь слѣдованія 2-ой арміи съ 1-й, и, такимъ образомъ, преградить Багратіону возможность итти на соединеніе съ Барклаемъ. Наполеонъ же двинулъ слѣдомъ за 1-й арміей 110 тысячъ подъ начальствомъ Мюрата, оставшись самъ съ гвардіей въ Вильнѣ для распоряженій по устройству тыла.

Въ Вильнѣ, между прочимъ, завоеватель принялъ генералъ-адъютанта Балашова, посланнаго Императоромъ Александромъ для послѣдней попытки къ примиренію. Съ первыхъ же словъ Наполеона Балашовъ понялъ, что распря можетъ быть рѣшена лишь оружіемъ. «Неужели вы думаете, — сказалъ императоръ французовъ, между прочимъ, — что я пришелъ къ вамъ только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?»

Ген.-адъютантъ Балашовъ.

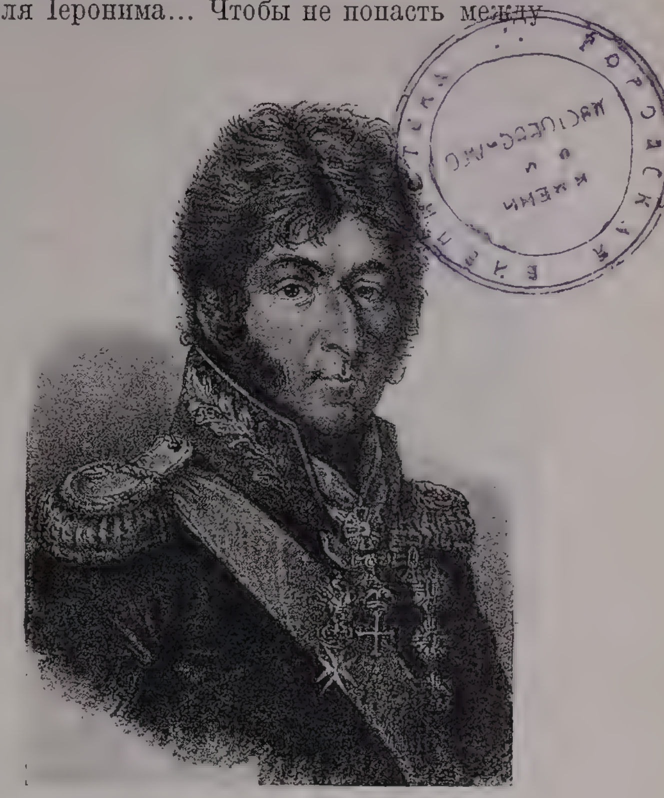
Князь Багратіонъ, 13 іюня, получилъ отъ Барклая извѣстіе о переправѣ французовъ. По плану Фуля, онъ долженъ былъ отступать только передъ превосходными силами; но онъ разсчиталъ, что при промедленіи 2-я армія легко можетъ быть отрѣзана отъ Минска и, слѣдовательно, отъ соединенія съ 1-й арміей. Поэтому Багратіонъ тотчасъ же испросилъ Высочайшее разрѣшеніе отходить къ Минску и началъ это отступленіе самъ, не дождавшись отвѣта. Шедшую къ нему на подкрѣпленіе изъ Москвы 27-ю дивизію онъ направилъ прямо на Минскъ, чтобы она удерживала городъ до подхода арміи.

18 іюля у Зельвы всѣ части 2-й арміи сосредоточились, и князь Багратіонъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Воины русскіе! нужно ли мнѣ возбуждать любовь вашу къ отечеству, когда Государь призываетъ васъ къ защитѣ онаго? Намъ остается внимать гласу Его и, съ надеждою на помощь Всемогущаго Бога, заставить слѣпымъ повиновеніемъ начальству и неустрашимостью на полѣ брани, раскаяться врага, дерзнувшаго вступить на землю русскую».

Въ тотъ же день Багратіонъ получилъ Высочайшее повелѣніе итти на Новогрудокъ для содѣйствія 1-й арміи. Но въ Новогрудкѣ,

послѣ пятидневнаго 150-верстнаго крайне-утомительнаго марша подъ непрерывнымъ дождемъ, Багратіонъ узналъ о движеніи со стороны Нѣмана большихъ силъ французовъ, что подтвердили вскорѣ и присоединившіеся къ Багратіону отряды Дорохова и Платова. Это шелъ Даву. Тогда Багратіонъ принялъ смѣлое рѣшеніе перейти Нѣманъ у Николаева и броситься самому на Даву сбоку. Однако, выполнить этотъ планъ не удалось: во время переправы пришло извѣстіе о наступленіи съ запада войскъ короля Іеронима... Чтобы не попасть между двухъ огней, Багратіонъ мгновенно мѣняетъ рѣшеніе, прекращаетъ переправу и направляется на Новый Свержень, разсчитывая оттуда проникнуть къ Минску, пока Платовъ съ Дороховымъ, оставленные у Валожина, сумѣютъ отвлечь вниманіе Даву и задержать его.

Князь П. И. Багратіонъ.

Разъяснивъ войскамъ необходимость какъ можно быстрѣе достигнуть Минска и предупредить тамъ противника, Багратіонъ велѣлъ итти «распашнымъ шагомъ». Мясную и винную порцію приказалъ отпускать дважды въ день. «Гг. начальникамъ вселить въ солдатъ, что всѣ войска непріятельскія не иначе что, какъ сволочь со всего свѣта; мы же—русскіе и единовѣрные. Они храбро драться не могутъ; особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него. Пуля—мимо. Подойди къ нему—онъ побѣжитъ. Пѣхота коли, кавалерія руби и топчи... Тридцать лѣтъ моей службы и тридцать лѣтъ, какъ я враговъ побѣждаю черезъ вашу храбрость. Я всегда съ вами и вы со мною. Въ Голлабрюнѣ (Шенграбенъ) храбрые полки, Кіевскій гренадерскій, 6-й егерскій и Черниговскій драгунскій были свидѣтелями, какъ мы, бывъ окружены стотысячною арміей, въ числѣ 4.000 и безъ провіанта, пробились сквозь и взяли въ плѣнъ французовъ. Теперь

насъ пятьдесятъ тысячъ, у насъ, кромѣ провіанта, есть вино и мясо, есть и того болѣе — добрая воля служить Государю Императору вѣрно».

Воодушевивъ такимъ образомъ свои войска, Багратіонъ донесъ Государю, почему онъ принялъ такое рѣшеніе. Но и на Минскъ 2-й арміи не удалось пробиться. Іеронимъ нагонялъ съ запада, польская его конница дошла до Новогрудка, а путь на Минскъ перехватили войска Даву, оттѣснивъ Дорохова. При такихъ условіяхъ продолжать движеніе на Минскъ значило бы сознательно лѣзть въ клещи. Поэтому Багратіонъ принялъ новое смѣлое рѣшеніе—продолжать отступленіе на Бобруйскъ. Движеніе это приходилось совершать подъ одновременною угрозою *сзади* и *сбоку* (такое движеніе называется *флангово-отступательнымъ)*, но это не устрашило Багратіона. Принявъ на себя Дорохова и прикрываясь къ сторонѣ Даву рѣкою Нѣманомъ, Багратіонъ пошелъ на Несвижъ, оставивъ съ тыла казаковъ Платова, которые должны были задержать короля Іеронима.

М. И. Платовъ.

Всѣ эти дѣйствія Багратіона сильно осуждались въ 1-й арміи, гдѣ не знали истиннаго положенія дѣлъ и обвиняли полководца въ томъ, что онъ умышленно уклоняется отъ сближенія съ Барклаемъ. Государь, находившійся при 1-й арміи, тоже былъ недоволенъ Багратіономъ, но не выражалъ этого явно, продолжая въ повелѣніяхъ своихъ указывать только на необходимость дѣйствовать съ осмотрительностью, съ цѣлью «выиграть время».

26 іюня, Багратіонъ пришелъ въ Несвижъ, дѣлая все время не менѣе, какъ по 30 верстъ въ сутки. Отчаянныя дороги, безпрерывные дожди, смѣняемые жарою, страшно утомили войска и задержали движеніе обозовъ. Пришлось дать роздыхъ. Къ счастью, Даву, захвативъ Минскъ, остановился здѣсь, чтобы дать передохнуть своимъ до крайности истомленнымъ людямъ. Зато, король Іеронимъ стремился наверстать потерянное время и настойчиво торопилъ свои колонны, хотя его войска терпѣли жестокія лишенія, вызвавшія даже случаи самоубійства.

Платовъ съ казаками получилъ приказаніе, во что бы то ни стало, удержать селеніе Миръ, дабы обезпечить отдыхъ арміи. Съ 27 іюня казаки подверглись здѣсь, два или три дня подъ рядъ упорнымъ атакамъ польской конницы. Но Платовъ сперва слабыми силами вовлекъ врага за собою въ погоню, а потомъ подвелъ его подъ удары остальныхъ силъ. Въ бояхъ подъ Миромъ казаки, руководимые своимъ талантливымъ атаманомъ, проявили свое исконное умѣнье вводить непріятеля въ обманъ и непредвидѣнными хитростями ставить ему ловушки. Польская конница, нападая съ обычною своею горячностью, нѣсколько разъ нарывалась на искусныя засады, устроенныя Платовымъ. Въ итогѣ мы одержали полный успѣхъ, а арміи князя Багратіона былъ обезпеченъ двухсуточный отдыхъ.

ГЛАВА II.

1-я армія въ Дриссѣ.—Отказъ отъ плана Фуля.—Военный Совѣтъ 1 іюля.—Дальнѣйшій планъ Наполеона.—Бой подъ Витебскомъ.—Отъѣздъ Государя изъ арміи и распоряженія по оборонѣ государства.—Отходъ 1-й арміи къ Смоленску.—Дальнѣйшее отступленіе Багратіона.—Дѣло 2 іюля при Романовѣ.—Попытка пробиться къ Могилеву.—Бой у Салтановки 11 іюля.—Переправа 2 арміи черезъ Днѣпръ и движеніе къ Смоленску.—Соединеніе армій.

Когда 2-я армія заняла Несвижъ, то 1-я армія была уже въ Дриссѣ. Разстояніе между ними возросло до 300 верстъ; иначе говоря—опасность отдѣльнаго пораженія увеличилась. Въ Дриссѣ армія получила до 10.000 подкрѣпленій, но вскорѣ этотъ лагерь, сооруженный по идеямъ Фуля, сталъ возбуждать все большія и большія разочарованія. Расположенный въ изгибѣ Западной Двины, этотъ лагерь оказывался слишкомъ тѣснымъ для арміи, да и находился онъ въ сторонѣ отъ кратчайшихъ путей на Москву. Въ тылу протекала непроходимая въ бродъ рѣка съ крутыми къ ней спусками, а съ лѣвой стороны примыкалъ лѣсъ, позволявшій противнику скрытно приблизиться. Государь съ многочисленной свитой объѣхалъ укрѣпленія Дрисскаго лагеря. Возраженія усилились. Особенно возставалъ Барклай. Прибывшій изъ Грузіи генералъ-адъютантъ Паулуччи прямо объявилъ, что этотъ лагерь могъ придумать только измѣнникъ или сумасшедшій.

На созванномъ Государемъ, 1 іюля, военномъ совѣтѣ были окончательно оставлены бредни Фуля и принято предложеніе Барклая—отступать на Витебскъ, гдѣ и ожидать присоединенія Багратіона. Цѣлью дальнѣйшихъ дѣйствій ставилось, такимъ образомъ, *соединеніе обѣихъ армій и прикрытіе ими главныхъ путей на Москву.*

Въ личномъ составѣ 1-й арміи произошло много крупныхъ перемѣнъ. Начальникомъ ея штаба, т.-е. ближайшимъ помощникомъ главнокомандующаго, сдѣланъ генералъ Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*, впослѣдствіи знаменитый своею дѣятельностью по управленію Кавказскимъ краемъ; его непосредственнымъ сотрудникомъ, генералъ-квартирмейстеромъ арміи, назначенъ полковникъ *Толь*. Тотъ и другой обладали выдающимися способностями, энергіей и военными познаніями.

Тутъ же, въ Дриссѣ вышелъ рядъ важныхъ распоряженій. Такъ, Дунайская армія, вмѣсто предположеннаго движенія къ берегамъ Адріатическаго моря, для отвлеченія дальнихъ подкрѣпленій противника, получила повелѣніе итти на Волынь въ помощь арміи Тормасова. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ былъ объявленъ дополнительный наборъ по 5 человѣкъ съ каждыхъ 500 душъ. Вдобавокъ къ 12 полкамъ, формировавшимся во Владимірѣ, Костромѣ, Рязани, Тамбовѣ, Ярославлѣ и Воронежѣ, повелѣно прибавить еще шесть. Кіевскому военному губернатору, генералу Милорадовичу поручено образовать въ Калугѣ особый резервный корпусъ въ составѣ 55 батальоновъ, 26 эскадроновъ и 14 артиллерійскихъ ротъ. Корпусъ этотъ долженъ былъ послужить опорою для будущаго *ополченія*, о созывѣ котораго впервые Государь объявилъ въ рескриптѣ тому же Милорадовичу. Одновременно Государь писалъ Барклаю-де-Толли: «Я рѣшился призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ» [1]).

А. П. Ермоловъ.

6 іюля, уступая просьбамъ трехъ сановниковъ, графа Аракчеева, Шишкова и Балашова, Императоръ Александръ отбылъ изъ арміи.

Къ сожалѣнію, командная власть не была объединена въ однѣхъ

---

1) Въ Испаніи французы уже нѣсколько лѣтъ безуспѣшно вели войну, благодаря тому, что тамъ весь народъ вооружился и сталъ на защиту отечества.

рукахъ и каждый главнокомандующій остался попрежнему вполнѣ самостоятельнымъ и другъ отъ друга независимымъ.

Разставаясь съ Барклаемъ, Государь сказалъ ему:

— Поручаю вамъ Мою армію; не забывайте отнюдь, что у Меня нѣтъ другой.

Слова эти сильно подѣйствовали на главнокомандующаго. Они заставили его, очевидно, удвоить и безъ того присущую ему осторожность. Багратіонъ же получилъ повелѣніе, какъ можно, скорѣе стремиться къ Смоленску, двигаясь черезъ Бобруйскъ, а затѣмъ Днѣпромъ скрыть свое дальнѣйшее движеніе.

Барклай съ 1-й арміей сперва намѣревался пріостановиться въ Полоцкѣ, гдѣ можно было разомъ прикрывать, какъ пути на Петербургъ (черезъ Невель и Себежъ), такъ и на Москву (черезъ Витебскъ—Смоленскъ). Но Наполеонъ направилъ главную массу своихъ войскъ отъ Вильны на Бѣшенковичи, т.-е. сталъ обходить Барклая слѣва, разъединяя его отъ Багратіона и даже угрожая предупредить въ Витебскѣ. Барклаю пришлось спѣшить туда усиленными переходами по сѣверному берегу Двины, прикрываясь рѣкою. Только благодаря неутомимости войскъ и настойчивости вождей, армія его благополучно ускользнула отъ удара.

11 іюля, у Витебска главныя части 1-й арміи снова перешли на южный берегъ Двины, гдѣ расположились за ея притокомъ Лучесой, прикрывая путь на Москву. Этимъ искуснымъ маневромъ Барклай избѣжалъ отдѣльнаго пораженія и обезпечилъ себѣ возможность сохранить связь со 2-й арміей, не говоря уже о защитѣ путей на Москву.

О судьбѣ князя Багратіона ничего опредѣленнаго въ 1-й арміи не знали. Двѣ арміи почти уже не могли сноситься другъ съ другомъ, такъ какъ между ними находился противникъ. Выжидать подъ Витебскомъ присоединенія 2-й арміи было бы для Барклая опасно. Уходить для присоединенія къ Багратіону — значило — итти бокомъ къ противнику, подвергая себя опасности быть по пути атакованнымъ въ самомъ невыгодномъ положеніи. Наконецъ, продолжать немедленно отходъ къ Смоленску—значило бы—облегчить Наполеону выполненіе его намѣренія — раздвинуть обѣ наши арміи. Барклай избралъ среднее рѣшеніе: задерживаться у Витебска, пока возможно, отнюдь не ввязываясь въ рѣшительный бой, а затѣмъ уже отходить къ Смоленску.

Въ свою очередь, Наполеонъ видѣлъ, что 1-я армія ускользала отъ него. Онъ рѣшилъ принудить русскихъ къ бою подъ Витебскомъ и нанести имъ здѣсь рѣшительное пораженіе.

За р. Лучесой армія наша не имѣла выгодной позиціи. Наиболѣе обезпеченнымъ оказался правый флангъ, прикрытый Двиною. Но путь на Смоленскъ отходилъ какъ разъ отъ лѣваго фланга, притомъ весьма невыгодно подъ острымъ угломъ, что облегчало противнику возможность перехватить его. Въ тылу позиціи находился городъ съ цѣлою сѣтью запутанныхъ узкихъ улицъ, а потомъ—глубокій оврагъ. Но впереди р. Лучесы мѣстность была усѣяна отдѣльными перелѣсками, что какъ разъ благопріятствовало веденію боя малыми силами для выигрыша времени.

Задача эта выпала на IV корпусъ графа Остермана-Толстого (смѣнившаго графа Шувалова), усиленный бригадою драгунъ, двумя полками гусаръ и ротой конной артиллеріи, всего около 8 т. пѣхоты и 2 т. конныхъ. У *Островны*, въ 25 верстахъ впереди Витебска, этотъ корпусъ принялъ и задержалъ авангардъ Мюрата въ теченіе цѣлаго дня, 13 іюля.

Пользуясь перевѣсомъ въ пѣхотѣ (тогда какъ у Мюрата преобладала конница, для дѣйствій которой лѣсистая мѣстность была неблагопріятна), Остерманъ велъ все время оборону самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ нарочно заманивалъ французовъ, велъ притворное отступленіе отдѣльными частями, послѣ чего разстрѣливалъ преслѣдующихъ съ близкаго разстоянія огнемъ скрывавшейся въ лѣсахъ пѣхоты; отброшеннаго же противника отгонялъ конницею. Когда Остерману докладывали объ огромныхъ потеряхъ въ полкахъ отъ огня французской артиллеріи и спрашивали, что дѣлать,—у него былъ одинъ отвѣтъ:

— Ничего не дѣлать: стоять и умирать!

Когда батарейный командиръ доложилъ, что у него много подбитыхъ орудій, Остерманъ отрывисто отвѣчалъ:

— Стрѣлять изъ остальныхъ!

Благодаря такому необычайному, геройскому упорству и умѣлому веденію оборонительнаго боя, Остерманъ блестяще выполнилъ свою задачу: Мюратъ въ теченіе цѣлаго дня безплодно атаковалъ Островненскую позицію. Но такъ какъ подкрѣпленія къ французамъ двигались безостановочно, то подъ вечеръ пришлось ее очистить. Отрядъ Остермана былъ принятъ па себя высланнымъ, въ ночь съ 13 на 14 іюля, изъ Витебска новымъ отрядомъ *Коновницына*, примѣрно, той же силы, что и у Остермана (8 тыс. пѣхоты и 3 тыс. конницы). Коновницынъ занялъ крѣпкую съ фронта (т.-е. спереди) позицію у деревни *Кукувячиной;* правый флангъ ея упирался въ рѣку Зап. Двину; лѣвый—въ густой болотистый лѣсъ у деревни Песчанки; спереди (съ фронта) позицію защищалъ крутой оврагъ. 14 іюля, эту позицію

атаковалъ Мюратъ, который при тѣхъ же 8 тыс. конницы имѣлъ еще 7 тыс. пѣхоты, вмѣсто 1 тысячи, бывшей подъ Островной. Это подкрѣпленіе, очевидно, вызвано была неудачнымъ исходомъ атаки 13 іюля.

Коновницынъ велъ оборону въ томъ же духѣ, что и Остерманъ— даже, пожалуй, еще болѣе искусно. Части его отряда самоотверженно подавали другъ другу руку помощи. Такъ, когда масса конницы съ самимъ Мюратомъ во главѣ, налетѣла на нашу батарею и успѣла уже захватить 3 орудія, живо подоспѣли на выручку Кексгольмскій и Перновскій пѣхотные полки, а вслѣдъ за тѣмъ черниговскіе драгуны отбили захваченныя орудія. Къ вечеру Коновницынъ сталъ отступать, задерживаясь, гдѣ только можно. У деревни *Комарово* его поддержала 1-я гренадерская дивизія, и самъ командиръ 3-го корпуса Тучковъ вступилъ въ командованіе; онъ продолжалъ отступленіе, соединился съ Остерманомъ, и всѣ вмѣстѣ дошли до р. Лучесы, гдѣ находились остальныя войска 1-й арміи.

Графъ П. П. Коновницынъ.

Къ 15 іюля, Барклай образовалъ у Витебска новый арьергардъ подъ начальствомъ графа Палена (около 3 тыс. пѣхоты, 4 тыс. конницы и 40 орудій), который занялъ позицію всего въ 5 верстахъ отъ Витебска, упираясь правымъ флангомъ въ Двину. До 5 часовъ дня Паленъ стойко держался здѣсь, несмотря на то, что вынужденъ былъ, по условіямъ мѣстности, растянуть на ней всѣ свои силы безъ всякаго резерва. Упорныя атаки французовъ, одновременно съ фронта и обоихъ фланговъ, заставили Палена отходить въ шестомъ часу вечера на восточный берегъ Лучесы. Но въ это время и французы прекратили атаку.

Дѣло въ томъ, что Наполеонъ, съ утра слѣдившій за ходомъ дѣла и увидѣвшій за Паленомъ на отдыхѣ всѣ силы Барклая, рѣшилъ, что главнокомандующій намѣренъ принять здѣсь бой всею арміей.

Великій полководецъ отсрочилъ ударъ до слѣдующаго дня, желая подтянуть всѣ войска и сдѣлать этотъ ударъ сокрушительнымъ. Онъ лично направлялъ подходившія колонны сообразно намѣченнаго имъ плана сраженія... На русскомъ берегу Лучесы съ наступленіемъ

темноты заблистали во множествѣ огни. Непріятель еще болѣе увѣровалъ, что рѣшительный часъ близокъ... А между тѣмъ русская армія находилась въ полномъ отступленіи. На совѣщаніи старшихъ начальниковъ рѣшено было отойти скрытно, подъ покровомъ ночи. Это рѣшеніе выполнили весьма искусно, — этотъ случай и до сихъ поръ считается образцовымъ въ военной исторіи. Еще когда Паленъ велъ бой, то съ 4 часовъ дня наиболѣе удаленныя отъ противника части начали вытягиваться на дорогу, а остальныя войска снялись съ мѣстъ только въ сумерки, соблюдая полнѣйшую тишину и оставя на мѣстахъ пребыванія множество огромныхъ костровъ,—блескъ ихъ и обманывалъ непріятеля, который думалъ, что мы продолжаемъ стоять на мѣстахъ. На разсвѣтѣ 16-го, французы съ изумленіемъ увидѣли, что русской арміи и слѣдъ простылъ! На пути къ Витебску не было ни одного отсталаго, ни одной оставленной повозки, а селенія оказались брошенными жителями: даже не у кого было узнать, куда скрылись русскіе!..

Пораженный ловкостью Барклая и раздраженный неудачей, Наполеонъ выбросилъ впередъ конницу въ разныхъ направленіяхъ.

Къ 18 числу, конница дала ему точныя свѣдѣнія, что 1-я армія двумя дорогами отходитъ къ Смоленску. Зная, по донесеніямъ Даву, каково было положеніе въ это время 2-й арміи, Наполеонъ могъ быть увѣреннымъ, что, продолжая преслѣдовать Барклая, онъ успѣлъ бы нагнать его и, быть-можетъ, даже предупредить соединеніе нашихъ армій въ Смоленскѣ. Но войска его оказывались въ ужасномъ состояніи. Они были утомлены почти безостановочнымъ движеніемъ, то при палящемъ знoѣ, то при непрерывныхъ ливняхъ. Въ то же время они страдали отъ безкормицы. Еще въ Вильнѣ Наполеонъ принужденъ былъ пріостановиться изъ-за непорядковъ въ тылу. Теперь же прервать военныя дѣйствія оказалось крайне необходимымъ... И вотъ, несмотря на самое благопріятное время года, Наполеонъ вынужденъ терять драгоцѣнные дни, отказываться отъ выполненія намѣченнаго плана и допустить сосредоточеніе нашихъ силъ...

Трехдневные бои подъ Витебскомъ обошлись намъ въ 3.764 чел.; французы потеряли, примѣрно, столько же. Въ донесеніи объ этихъ дѣлахъ Барклай-де-Толли такъ оцѣнивалъ поведеніе войскъ:

«Войска Вашего Императорскаго Величества въ теченіе сихъ трехъ дней съ удивительною храбростью и духомъ сражались противу превосходнаго непріятеля. Они дрались, какъ россіяне, пренебрегающіе опасностями и жизнью за Государя и Отечество»

* * *

Между тѣмъ, Императоръ Александръ еще 6 іюля, въ день отъѣзда изъ арміи, послалъ со своимъ генералъ-адъютантомъ, княземъ Трубецкимъ, въ Москву нижеслѣдующее воззваніе:

«Первопрестольной столицѣ Нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое Наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однако же, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она всегда изливала изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства того требуетъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная Наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыхъ силъ и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими путь врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобождаемая отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи»...

Маршалъ Даву.

Одновременно съ этимъ воззваніемъ изданъ былъ Высочайшій манифестъ о созывѣ народнаго *ополченія*. Въ немъ выражалась надежда, что врагъ «встрѣтитъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина...» «Соединитесь всѣ, — говорилось въ манифестѣ,—со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

Во время остановки Государя въ Смоленскѣ дворянство, черезъ губернскаго предводителя, изъявило готовность выставить 20.000 чел.; многіе помѣщики изъ бывшихъ военныхъ сами добровольно стали въ ихъ ряды.

Къ 11 іюля Императоръ Александръ долженъ былъ прибыть въ Москву. Огромныя толпы народа двинулись навстрѣчу по Смоленской дорогѣ и дошли до 17-й версты. Уклоняясь отъ торжественной встрѣчи, Императоръ пріостановился въ селѣ Перхушковѣ, а затѣмъ въѣхалъ въ столицу ночью.

12 числа, едва только стало разсвѣтать, какъ народъ неудержимымъ потокомъ хлынулъ на Красную площадь. Весь Кремль наполнился москвичами, жаждавшими видѣть своего Царя. Въ девять часовъ утра Монархъ вышелъ на балконъ. Тотчасъ же, подъ звонъ колоколовъ, загремѣли восторженные клики. Государь направился къ Успенскому собору, у входа въ который его привѣтствовалъ преосвященный Августинъ, викарій московскій. Въ соборѣ совершено было благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю извѣстія о заключеніи мира съ турками. Прекращеніе войны съ Турціей имѣло чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ освободившіяся войска Дунайской арміи могли быть притянуты на театръ войны съ Наполеономъ.

15 іюля, представители дворянства и купечества собрались въ залахъ Слободскаго дворца. Главнокомандующій графъ Растопчинъ прочелъ Высочайшій манифестъ и призывалъ всѣхъ сплотиться для защиты Отечества. Дворяне рѣшили дать до 80 тыс. ополченцевъ. Купцы собрали единовременно огромную сумму и открыли подписку для сбора пожертвованій, которая въ теченіе только двухъ часовъ дала $1^1/_2$ милліона рублей!

Государь былъ встрѣченъ съ необычайнымъ восторгомъ и душевнымъ подъемомъ. Въ краткихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ изъяснилъ Монархъ положеніе вещей, закончивъ свою рѣчь такими словами:

— Я твердо рѣшился истощить всѣ усилія Моей обширной Имперіи, прежде нежели покоримся высокомѣрному непріятелю.

Переходъ французской арміи черезъ Днѣпръ 14 августа 1812 г.
(Рис. Фаберъ-дю-Форъ).

Дворяне доложили свое постановленіе, на что въ отвѣтъ Императоръ сказалъ:

— Иначе Я не ожидалъ отъ васъ и не могъ ожидать: вы оправдали Мое о васъ мнѣніе.

Вслѣдъ за Москвой на призывъ Государя откликнулась вся Россія. Готовность русскаго народа возстать на защиту Отечества была столь велика, что Государь призналъ всеобщее вооруженіе Россіи преждевременнымъ и повелѣлъ созвать ополченіе только въ ближайшихъ къ театру войны 16 губерніяхъ, изъ которыхъ составлено три округа: Московскій, Петербургскій и Казанскій. Но въ Казанскомъ округѣ ополченіе не созывалось.

Начальникъ Тульскаго оружейнаго завода былъ вызванъ въ Москву. Ему приказано было ежемѣсячно изготовлять по 15.000 ружей.

Для обороны Петербурга, кромѣ 1-го корпуса графа Витгенштейна, выдѣленнаго при отходѣ 1-й арміи отъ Дриссы, приступлено къ образованію новаго 10-тысячнаго корпуса.

Въ Москвѣ Государь подписалъ договоры съ Англіей и Испаніей. По договору съ Англіей была возвращена наша эскадра, захваченная англичанами въ 1808 году, и внесено намъ 4.200 тысячъ рублей въ видѣ пособія на веденіе войны съ Наполеономъ. Русскія гавани тотчасъ же открылись для англійскихъ судовъ, а въ Петербургъ прибылъ англійскій посолъ.

Въ ночь съ 18 на 19 іюля Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и по прибытіи сюда издалъ новое повелѣніе о

рекрутскомъ наборѣ, по 2 человѣка съ каждыхъ 100 душъ, во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не былъ назначенъ сборъ ополченія...

* * *

Обратимся теперь къ положенію дѣлъ во 2-й арміи со времени занятія ею Несвижа. Узнавши о занятіи Минска авангардомъ Даву и о приближеніи Іеронима со стороны Новогрудка, Багратіонъ тотчасъ же возобновилъ движеніе на Бобруйскъ, прикрываясь сзади казаками Платова, усиленными сводной гренадерской дивизіей гр. Воронцова. 1 іюля, конница короля Іеронима атаковала Платова у Романова. Слѣдуя обычному своему пріему, станичники притворнымъ отступленіемъ завлекли противника, а затѣмъ встрѣтили заранѣе скрытыми превосходными силами, которыя на-голову разбили передовыя части непріятельской конницы, а затѣмъ, поддержанныя пѣхотой, заняли крѣпкую съ фронта, недоступную для конницы позицію...

Противникъ болѣе не показывался, а Платовъ отступилъ только въ ночь съ 3 на 4 іюля, выигравъ двое сутокъ. Этимъ временемъ воспользовалась армія Багратіона, стянулась въ Бобруйскѣ и прикрылась съ тыла рѣкою Березиной, представлявшей собою серьезную преграду. Теперь Іеронимъ былъ не опасенъ Багратіону. Нашъ полководецъ рѣшилъ пробиться между Днѣпромъ и Березиной прямо на Могилевъ, чтобы скорѣе соединиться съ 1-й арміей.

Такое смѣлое рѣшеніе обусловливалось во многомъ характеромъ получаемыхъ княземъ Багратіономъ Высочайшихъ указаній, въ которыхъ все время сквозило неодобреніе избранному Багратіономъ направленію для своего отхода. Чувствовалось, что если не прямо, то косвенно, его подозрѣвали въ стремленіи уклониться отъ соединенія съ Барклаемъ.

Между тѣмъ, окончательно извѣрившись въ способностяхъ своего брата Іеронима, Наполеонъ подчинилъ его Даву, назначивъ послѣдняго общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ 2-й русской арміи. Іеронимъ обидѣлся и сложилъ съ себя командованіе. Вслѣдствіе этого шесть дней (съ 3 по 9 іюля) войска праваго крыла непріятельской арміи оставались безъ общаго руководства и даже утратили соприкосновеніе съ арміей Багратіона.

Даву, занявъ Минскъ, пріостановился, выжидая приближенія войскъ Іеронима, чтобы войти съ ними въ связь и дѣйствовать совмѣстно. По совѣту Наполеона, Даву захватилъ Борисовъ (переправу на Березинѣ), чтобы имѣть возможность всегда предупредить Багратіона, если бы послѣдній вздумалъ подняться вдоль Днѣпра на сѣверъ;

конницу онъ направилъ вдоль Березины на Бобруйскъ, а самъ спѣшно передвинулся къ Могилеву.

Тѣмъ временемъ, Багратіонъ обезпечилъ армію десятидневнымъ запасомъ продовольствія, сдалъ всѣ тяжести, раненыхъ и плѣнныхъ коменданту Бобруйска и присоединилъ къ себѣ изъ Бобруйскаго гарнизона 6 резервныхъ батальоновъ. Послѣ этого онъ направился вдоль Днѣпра, раздѣливъ армію на отдѣльныя части (эшелоны), двигавшіяся другъ за другомъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

Головной корпусъ Раевскаго, 9 іюля, дошелъ до Стараго Быхова. Изъ передовыхъ стычекъ конницы подъ Могилевомъ Багратіонъ могъ убѣдиться, что французы предупредили его въ Могилевѣ. Но онъ, все-таки, думалъ, что французы не успѣли собрать здѣсь много силъ, и надѣялся проложить себѣ дорогу. Однако, какъ истый ученикъ Суворова, онъ не забылъ обезпечить себѣ возможность перехода на тотъ берегъ Днѣпра сооруженіемъ переправы у Нов. Быхова.

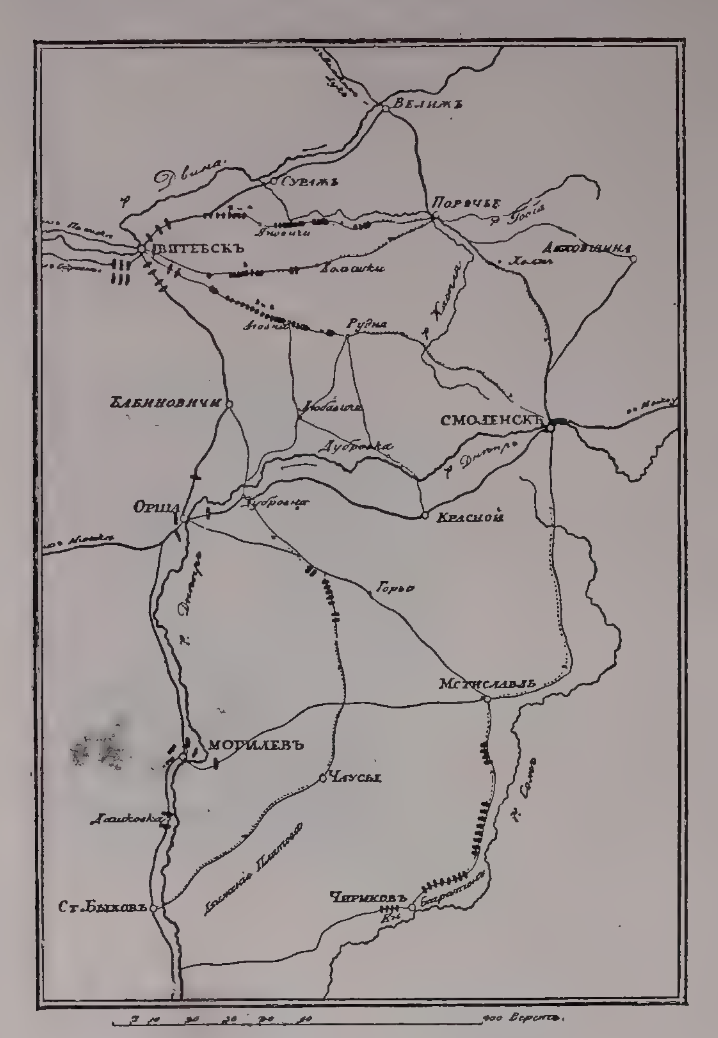
Н. Н. Раевскій.

Даву имѣлъ свѣдѣнія о нашемъ наступленіи, но не придавалъ значенія слухамъ о присоединеніи къ Багратіону Тормасова; онъ разсчитывалъ на полное уничтоженіе 2-й арміи и надѣялся, что она попадетъ въ клещи между войсками его и Іеронима.

Съ 17 тыс. пѣхоты, 3 тыс. конницы и 60 орудіями Даву занялъ крѣпкую съ фронта позицію у деревни *Салтановки*. Раевскій, которому Багратіонъ приказалъ энергично атаковать непріятеля, имѣлъ 11 тыс. пѣхоты, 5.300 конницы и 108 орудій. Другими словами, у него было больше конницы и артиллеріи, чѣмъ у Даву, но гораздо меньше пѣхоты; а она-то и играла главнѣйшую роль въ той лѣсистой и пересѣченной мѣстности, на которой разыгрался Салтановскій бой.

Позиція французовъ упиралась лѣвымъ флангомъ въ Днѣпръ, а передъ фронтомъ имѣла болотистый ручей съ однимъ переходомъ по плотинѣ. Только справа можно было обойти ее лѣсомъ; французы именно тутъ и собрали всѣ свои резервы.

Раевскій послалъ, въ обходъ праваго фланга противника, 26-ю дивизію Паскевича [1]); самъ же напалъ съ фронта. Наши упорныя атаки неоднократно отбрасывались французами. Самъ Раевскій, со своимъ штабомъ, въ составѣ котораго находились его сыновья, становился во главѣ колоннъ и безстрашно водилъ ихъ въ атаку на плотину, осыпаемую съ двухъ сторонъ жестокимъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Но ему пришлось отказаться отъ этой попытки, такъ какъ Паскевичъ былъ отброшенъ. Раевскій, испытанный герой еще финляндской войны 1808—9 гг. и прежнихъ войнъ съ Наполеономъ, рѣшилъ отойти, такъ какъ видѣлъ, что войска Даву значительно сильнѣе его.

Движеніе 1-й и 2-й русскихъ армій къ Смоленску.

«Единая храбрость и усердіе русскихъ войскъ могли избавить меня отъ истребленія противъ превосходнаго непріятеля на столь выгодной для него позиціи. Я самъ свидѣтель, что многіе офицеры и нижніе чины, получа по двѣ раны и перевязавъ ихъ, возвращались въ сраженіе, какъ на пиръ», писалъ онъ въ своемъ донесеніи.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ Эриванскій и князь Варшавскій.

Багратіонъ, въ свою очередь, отказался отъ повторенія удара. Полученныя имъ извѣстія о занятіи французами Бобруйска и о движеніи оттуда значительныхъ силъ на Рогачевъ и Старый Быховъ грозили серьезной опасностью 2-й арміи, если бы она продолжала пробиваться на Могилевъ.

Тотчасъ же обозы и тяжести, подъ прикрытіемъ 18-го егерскаго полка, начали переправу черезъ Днѣпръ у Нов. Быхова. Сюда же передвинулся VIII корпусъ, а VII корпусъ оставался у Дашковки на позиціяхъ, занятыхъ послѣ отхода отъ Салтановки. Платова съ казаками и всею почти конницей Багратіонъ двинулъ на соединеніе съ 1-й арміей, при этомъ такъ, что казаки все время шли вверхъ по Днѣпру, прикрывая сбоку пѣхоту Багратіона.

Упорныя атаки, 11 іюля, у Салтановки принесли, все-таки, большую пользу: Даву вообразилъ, что у насъ силы гораздо больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и, опасаясь повторенія нашей атаки, цѣлый день 12 числа потратилъ на укрѣпленіе своей позиціи и подтянулъ къ себѣ всѣ свои силы. Это позволило Багратіону спокойно переправиться. Послѣдними 15 числа перешли казаки, уничтожившіе мостъ.

Несмотря на это, Даву могъ бы перейти Днѣпръ у Могилева и, пользуясь болѣе короткимъ разстояніемъ, преградить Багратіону дорогу къ Смоленску. Но его задержало общее распоряженіе Наполеона объ остановкѣ на квартирахъ. Въ войскахъ Даву убыль была огромная, какъ и во всей «великой арміи»: изъ общаго числа 100 тысячъ человѣкъ, бывшихъ у него (считая и прежнія войска короля Іеронима), теперь оставалось не болѣе 70 тысячъ.

Багратіонъ получилъ возможность дойти до Смоленска, безъ всякой помѣхи. 21 числа, въ одномъ переходѣ отъ Смоленска, онъ одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ въ городъ — являться военному министру. Послѣдній встрѣтилъ его, какъ старшаго въ чинѣ, въ шарфѣ и со шляпой въ рукахъ.

Съ соединеніемъ обѣихъ армій необходимо было установить единоначаліе. Но это сдѣлано не было. Въ дальнѣйшемъ увидимъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело такое упущеніе.

ГЛАВА III.

Дѣйствія на флангахъ (крыльяхъ).—Совмѣстное наступленіе корпусовъ Макдональда и Удино противъ 1-го корпуса Витгенштейна.—Бой у Клястицъ.—Сраженіе подъ Полоцкомъ 5 и 6 августа.—Положеніе дѣлъ на Волыни. — Наступленіе Тормасова. — Дѣло у Кобрина. — Сраженіе при Городечнѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій на главномъ пути наступленія къ Москвѣ, посмотримъ, что происходило на флангахъ (крыльяхъ) этого наступленія.

Еще въ самомъ началѣ, для обезпеченія себя *слѣва*, Наполеонъ выдѣлилъ 33-тысячный корпусъ маршала Макдональда (прусскій) и направилъ его на Ригу. Для осады Риги Макдональдъ выдѣлилъ часть своихъ силъ, а съ остальными двинулся къ Якобштадту, чтобы перейти Западную Двину и угрожать затѣмъ правому флангу 1-й арміи.

Графъ П. Х. Витгенштейнъ.

У насъ къ этому времени тамъ находились только 15-тысячный гарнизонъ Риги да $3^1/_2$-тысячный отрядъ въ Динабургѣ (нынѣ Двинскъ), гдѣ едва приступили къ сооруженію укрѣпленій.

Но при выводѣ 1-й арміи изъ Дрисскаго лагеря былъ отъ нея отдѣленъ 1-й корпусъ графа Витгенштейна, на который возложена задача: прикрывать пути на Петербургъ и, если можно, дѣйствовать наступательно въ тылъ главной массѣ французовъ.

У Витгенштейна находилось около 25 тысячъ человѣкъ. Этотъ 44-лѣтній генералъ былъ весьма дѣятеленъ, смѣлъ, рѣшителенъ, умѣлъ, когда нужно, ободрить войска личнымъ присутствіемъ и воодушевить ихъ.

Наполеонъ, пройдя Дриссу, выдѣлилъ 2-й корпусъ Удино, которому, совмѣстно съ Макдональдомъ, поручилъ дѣйствовать противъ Витгенштейна и угрожать путямъ на Петербургъ.

Рига была быстро приведена военнымъ губернаторомъ Эссеномъ въ оборонительное состояніе и вошла въ связь съ англійскою эскадрою.

Въ рѣку Аа вошли присланныя въ помощь англійскія канонерки. Передовой отрядъ Эссена упорно сдерживалъ пруссаковъ и постепенно отходилъ къ Ригѣ, къ осадѣ которой пруссаки вслѣдъ за тѣмъ и приступили.

Удино и Макдональдъ, наступая съ разныхъ сторонъ, рѣшили соединиться у Себежа, въ тылу у Витгенштейна, и отрѣзать его отъ Пскова и Петербурга. Удино долженъ былъ обойти 1-й корпусъ съ востока и притянуть его на себя. Тогда Макдональдъ могъ бы отъ Якобштадта прямо зайти ему въ тылъ.

Удино, обойдя укрѣпленія Динабурга, двинулся вверхъ по лѣвому берегу З. Двины. 14 іюля, онъ занялъ Полоцкъ.

Главныя силы Витгенштейна находились у Почаевцевъ. Нашъ полководецъ выслалъ за Двину авангардъ прославленнаго героя финляндской войны (1808—09 годовъ), Кульнева, который лихо разгромилъ непріятельскій транспортъ, забравъ болѣе 400 плѣнныхъ. Боковые же отряды Витгенштейна, высланные въ направленіи Полоцка, вскорѣ обнаружили движеніе значительныхъ силъ по Петербургской дорогѣ.

Маршалъ Удино.

Витгенштейнъ очутился между двумя сильными отрядами противника, но онъ и не подумалъ отступать, а рѣшилъ бить своихъ противниковъ *по очереди*, бросившись прежде на Удино, какъ ближайшаго и сильнѣйшаго, а потому и опаснѣйшаго.

«Я рѣшился итти сего же дня къ Клястицамъ и 19 числа на разсвѣтѣ атаковать Удино всѣми силами. Если, съ помощью Всевышняго, я счастливъ буду, что его разобью, тогда съ однимъ Макдональдомъ останусь покоенъ». Такъ писалъ Витгенштейнъ военному министру.

Дѣйствительно, Удино 15 числа выступилъ изъ Полоцка и, перейдя у Сивошина въ бродъ р. Дриссу, 18-го утромъ прибылъ къ Клястицамъ. Сбоку его движеніе прикрывалось конницей, а затѣмъ—пѣхотной дивизіей Мерля.

На разсвѣтѣ, 18 іюля, авангардъ 1-го корпуса, подъ начальствомъ Кульнева, перейдя р. Свольну, пошелъ къ Якубову, гдѣ потѣснилъ противника и захватилъ высоту впереди деревни. Здѣсь Кульневъ молодецки отбивался отъ превосходныхъ силъ, пока не

подошелъ самъ Витгенштейнъ. Къ ночи врагу пришлось отойти съ большими потерями. Витгенштейнъ притянулъ къ себѣ всѣ силы. Удино же ошибочно не привлекъ къ себѣ охранявшую его слѣва дивизію Мерля и потому имѣлъ въ своемъ распоряженіи только двѣ трети силъ.

19 іюля, съ 3 часовъ утра, бой возобновился. Сперва французы отразили нашу атаку и перешли сами въ наступленіе. Но ловкій перекрестный огонь нашей артиллеріи такъ разгромилъ враговъ, что они не повторяли своей попытки. Этимъ воспользовался Витгенштейнъ и стремительно ударилъ на непріятеля. Французы перешли къ Клястицамъ, на возвышенности праваго берега р. Нищи. Но и здѣсь мы ихъ сбили, такъ что Удино вынужденъ былъ переводить свои войска на тотъ берегъ. Эта третья по счету позиція французовъ оказалась очень сильною. Но Витгенштейнъ не смутился и повелъ на нее съ фронта пѣхоту, конницу же направилъ черезъ бродъ у деревни Гвозды, чтобы обойти правый флангъ французовъ. Непріятели зажгли мостъ у Клястицъ. Наши Павловскіе гренадеры (нынѣ Л.-гв. Павловскій полкъ) бросились на пылающій мостъ, перебѣжали на другую сторону и при содѣйствіи перебравшихся въ бродъ двухъ конныхъ орудій утвердились на томъ берегу. По найденному броду устремились слѣдомъ и прочія войска. Перешла у дер. Гвозды и конница, и французы отступили въ полномъ безпорядкѣ...

Это была первая наша серьезная побѣда, которой мы всецѣло обязаны рѣшимости и настойчивости Витгенштейна и храбрости Кульнева.

Въ виду утомленія непрерывно сражавшихся двое сутокъ войскъ Витгенштейнъ пріостановился у Клястицъ, а преслѣдовать противника послалъ только Кульнева съ авангардомъ. Французы быстро отступали, бросая обозы и отсталыхъ. Это придало смѣлости безстрашному русскому герою. Кульневъ рискнулъ тою же ночью перейти за рѣку Дриссу. У д. Боярщины его казаки настигли непріятеля. Кульневъ смѣло ударилъ на врага, но поплатился здѣсь жестоко. Оказалось, что Кульневъ настигъ всѣ силы корпуса Удино. Французы обрушились на насъ въ превосходномъ числѣ и потѣснили Кульнева, грозя ему обходомъ съ обоихъ фланговъ. Во время отступленія храбрецъ отбивался, какъ левъ. Шальное ядро сразило нашего витязя, оторвавъ ему обѣ ноги... Передъ смертью онъ снялъ съ себя ордена и отдалъ стоявшему подлѣ офицеру, чтобы противникъ не узналъ, что ему «удалось убить русскаго генерала»...

Гибель Кульнева была большою потерей для арміи. Это былъ прирожденный воинъ, отважный и смѣлый авангардный начальникъ.

Кульневъ жилъ душа въ душу съ солдатами, умѣлъ дѣлить съ ними горе и радость; за нимъ шли въ огонь и въ воду. Этотъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени жилъ на солдатскомъ пайкѣ и ходилъ всегда въ мундирѣ солдатскаго сукна. Солдаты обожали его. Кульневъ умѣлъ говорить съ ними; его приказы своеобразны по манерѣ изложенія и во многомъ похожи на знаменитыя Суворовскія изреченія. «Честная смерть лучше безчестной жизни», постоянно говаривалъ Кульневъ и на себѣ доказалъ это, сложивъ свою голову за Родину, какъ истинный герой «безъ страха и упрека»...

Въ неудачѣ, постигшей Кульнева, отчасти можно упрекать и генерала Сазонова, придвинутаго Витгенштейномъ къ рѣкѣ Дриссѣ и не оказавшаго Кульневу своевременной помощи, хотя Сазоновъ находился только въ пяти верстахъ отъ мѣста боя.

Ген.-маіоръ Я. П. Кульневъ.

Замѣчательно, что ошибку Кульнева повторилъ немедленно же вслѣдъ за тѣмъ французскій генералъ Вердье.

Утромъ 20 іюля, Витгенштейнъ дошелъ до деревни Головщицъ и, узнавъ о гибели Кульнева, рѣшилъ встрѣтить всѣми силами французовъ. Дивизія Вердье, посланная Удино по пятамъ за Кульневымъ, оставила главныя силы далеко позади себя и смѣло набросилась на расположеніе Витгенштейна. Но мы не только отбили противника, а охватили его съ обѣихъ сторонъ и привели въ полное разстройство. Удино поспѣшилъ отвести весь свой корпусъ къ Полоцку.

Уронъ корпуса Удино оказался весьма великъ,—у насъ его считаютъ отъ 8 до 10 тыс. человѣкъ. Наполеону пришлось сдѣлать распоряженіе о подкрѣпленіи Удино подошедшимъ съ тыла 13-тысячнымъ корпусомъ С.-Сира.

Тогда у Полоцка образовалось 35 тыс. французскихъ войскъ. Но такъ какъ Макдональдъ бездѣйствовалъ, ограничившись захватомъ Динабурга, то Витгенштейнъ атаковалъ противника у Полоцка, пользуясь тѣмъ, что французы не переходили въ наступленіе.

Надо сказать, что 6-й баварскій корпусъ С.-Сира, шедшій въ хвостѣ «великой арміи», терпѣлъ ужасныя лишенія. Дорога была загро-

мождена обозами и отсталыми, найти продовольствія здѣсь не представлялось возможности. Изъ Вильны баварцы вышли, имѣя всего двухсуточную дачу плохого хлѣба; на каждомъ переходѣ оставалось по нѣскольку сотъ больныхъ. Въ результатѣ, хотя корпусъ и не былъ ни разу въ бою, но потерялъ почти *половину* своего первоначальнаго состава.

30 іюля, на рѣкѣ Свольнѣ, передовыя части 1-го корпуса столкнулись съ французскими передовыми частями. Наши войска дѣйствовали смѣло и ввели этимъ непріятеля въ заблужденіе: французы рѣшили, что къ намъ подошли подкрѣпленія. Поэтому Удино, принявшій общее командованіе надъ обоими корпусами, счелъ болѣе благоразумнымъ укрыться за рѣку Дриссу.

2 августа, Витгенштейнъ двинулся впередъ.

Удино и С.-Сиръ продолжали отходить къ Полоцку. На военномъ совѣтѣ, 4 августа, французы рѣшили принять бой на правомъ берегу Двины, чтобы не совершать переправы въ виду непріятеля. Врагъ разсчитывалъ, что Витгенштейнъ не рискнетъ атаковать. Однако нашъ полководецъ, все-таки, намѣревался наступать, чтобы прогнать противника за рѣку; ввязываться же въ рѣшительный бой онъ не располагалъ.

5 августа разыгрался бой подъ Полоцкомъ; сраженіе продолжалось цѣлый день. Но добиться цѣли намъ не удалось: противникъ удержалъ свои позиціи. Раненый въ бою Удино сдалъ командованіе С.-Сиру. Послѣдній, болѣе талантливый и болѣе рѣшительный, чѣмъ его предшественникъ, перешелъ въ наступленіе раньше, чѣмъ Витгенштейнъ повторилъ атаку.

Витгенштейнъ, въ свою очередь, разсчитывалъ, что французы отступятъ за рѣку: ихъ обозы и тяжести уже переправлялись на другой берегъ. Поэтому онъ рѣшилъ пока не трогаться съ мѣста, а потѣснить непріятеля, когда наступитъ удобное время...

На самомъ дѣлѣ С.-Сиръ нарочно отправилъ назадъ обозы, чтобы ввести насъ въ обманъ. Войска онъ двинулъ скрытно долиною рѣчки Полоты и стянулъ противъ нашего лѣваго фланга. Рано утромъ 6 числа русскіе были внезапно обсыпаны ядрами французской артиллеріи. Колонны противника не замедлили обрушиться на насъ въ штыки. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ смятенія русскіе батальоны оправились и мужественно, въ порядкѣ отступали, отстаивая каждую пядь земли.

«Русскіе,—пишетъ самъ С.-Сиръ въ своихъ запискахъ,—выказали въ этомъ дѣлѣ непоколебимую храбрость и безстрашіе,—такихъ примѣровъ мало найдемъ въ войскахъ другихъ народовъ. Ихъ баталь-

оны, застигнутые врасплохъ и разобщенные другъ отъ друга при первой нашей атакѣ, не разстроились и продолжали сражаться, отступая чрезвычайно медленно и обороняясь со всѣхъ сторонъ съ такимъ мужествомъ, которое свойственно однимъ только русскимъ. Они совершили чудеса храбрости, но не могли удержать одновременно напора четырехъ дивизій, подавлявшихъ по частямъ высылаемыя противъ нихъ войска».

Потомъ французы уже бросились на наши батареи, но молодцы-артиллеристы, отбиваясь тесаками и банниками, спасли почти всѣ пушки. Конница наша (кавалергарды и конная гвардія) самоотверженно ринулась на французскую пѣхоту и опрокинула три колонны, изъ нихъ двѣ совершенно уничтожила... На правомъ нашемъ крылѣ конница успѣла отбить даже пятнадцать французскихъ орудій.

Графъ А. П. Тормасовъ.

Эти частные успѣхи не могли, конечно, остановить противника, но обезпечили намъ отходъ до лѣса, гдѣ наши войска и укрылись. С.-Сиру удалось только задержать наступленіе Витгенштейна и вынудить его отойти за рѣку Дриссу.

Въ такомъ положеніи стороны оставались здѣсь до начала октября, ограничиваясь мелкими стычками...

Успѣхи Витгенштейна въ эту пору войны, въ особенности у Клястицъ, имѣли громадное значеніе. Они укрѣпили духъ всей арміи, вынужденной безпрерывно отступать. Они ободрили и всю Россію. Витгенштейну тогда присвоили прозваніе «Героя Петрополя», такъ какъ побѣды его остановили движеніе врага къ Петербургу...

Обратимся къ дѣйствіямъ на правомъ крылѣ арміи Наполеона.

Противъ этого крыла находилась армія Тормасова, въ 43 тыс. чел., при 164 орудіяхъ. Она прикрывала наши предѣлы со стороны Австріи и должна была дѣйствовать на сообщенья главныхъ силъ Наполеона съ его тыломъ.

Спачала Тормасову пришлось разбросать свои войска, такъ какъ нужно было прикрывать пути не только внутрь имперіи, но и къ поджидавшейся Дунайской арміи Чичагова.

Сперва противъ нашихъ силъ на Волыни Наполеонъ назначилъ только австрійскій корпусъ князя Шварценберга. Но недовѣріе къ австрійцамъ заставило его свернуть съ дороги саксонскій корпусъ Ренье, назначенный на усиленіе войскъ Іеронима. Ренье получилъ назначеніе смѣнить австрійцевъ, которымъ приказано присоединиться къ главнымъ силамъ.

Въ корпусѣ Ренье находилось всего 17 тыс. Онъ, очевидно, не могъ дѣйствовать наступательно: его силы были слабы даже для прикрытія трехъ важнѣйшихъ направленій (черезъ Мозырь, Минскъ и Брестъ), по которымъ 3-я армія могла направиться черезъ Полѣсье. Ренье рѣшилъ занять только Брестъ-Литовскъ и направилъ сюда 4 тыс. отряда Клингеля, съ предписаніемъ взять спачала Кобринъ, потомъ Брестъ; самъ же съ главными силами направился на Пинскъ.

У Тормасова было силъ вдвое больше, чѣмъ у противника; естественно, что онъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно.

Оставивъ небольшую часть войска на Волыни, Тормасовъ съ остальными двинулся противъ Ренье, выславъ впередъ вѣерообразно четыре авангарда (передовыхъ отряда). Одинъ изъ нихъ, двигавшійся на Кобринъ (графа Ламберта), столкнулся съ отрядомъ Клингеля и разбилъ его 15 іюля.

Къ сожалѣнію, Тормасовъ не воспользовался успѣхами и не продолжалъ немедленно наступленія. Остановка, повидимому, произошла изъ-за продовольственныхъ затрудненій. Между тѣмъ это позволило Ренье благополучно избѣжать удара и войти въ связь съ Шварценбергомъ, который повернулъ обратно къ Слониму на поддержку Ренье.

Къ 30 іюля у Городечны стянулись силы Тормасова, но не всѣ, такъ какъ до 15 тысячъ оставалось въ боковыхъ охраняющихъ отрядахъ. Соединившись съ Шварценбергомъ, Ренье подступилъ къ Городечнѣ. 31 числа, союзники атаковали Тормасова, расположившагося въ крѣпкой съ фронта позиціи, которая была прикрыта болотистымъ ручьемъ, доступнымъ только по плотинамъ. Слѣва примыкалъ лѣсъ, который у насъ считался непроходимымъ и даже не наблюдался; а между тѣмъ, именно, сюда-то противники и направили свой главный ударъ.

Но при движеніи черезъ этотъ лѣсъ саксонцы не соблюли достаточной скрытности, и Тормасовъ успѣлъ своевременно оказать имъ противодѣйствіе. Онъ передвинулъ свой резервный корпусъ

и къ 8 час. утра развернулъ его фронтомъ къ лѣсу, подъ прямымъ угломъ къ остальной позиціи.

Въ результатѣ, какъ доносилъ Государю Тормасовъ, «всѣ усилія непріятеля остались тщетными».

«Войска Вашего Императорскаго Величества не уступили ему ни шагу и взяли въ плѣнъ 230 рядовыхъ и 4 офицеровъ. Генералы, офицеры и солдаты соревновали въ мужествѣ, и непріятель принужденъ былъ оставить мѣсто сраженія»...

Мы удержались на позиціи, но очистить ее, все-таки, пришлось. Къ Шварценбергу подошла отставшая дивизія; атака могла возобновиться, а невыгоды позиціи слишкомъ ясно обнаружились въ бою 31 числа.

Тормасовъ медленно отошелъ къ Луцку. До начала сентября, когда прибыла Дунайская армія, обѣ стороны ничего на Волыни не предпринимали.

Отбитіе Тормасовымъ подъ Городечною совмѣстной атаки Ренье и Шварценберга имѣло важное значеніе: нашъ богатый югъ, гдѣ французы могли найти себѣ обширныя средства для веденія войны, былъ хорошо прикрытъ; съ приходомъ же Дунайской арміи, тамъ собралась внушительная сила, которая, какъ увидимъ ниже, могла грозить Наполеону серьезною бѣдой...

ГЛАВА IV.

Положеніе русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ послѣ соединенія армій. Наступательное предположеніе и планы. Военный совѣтъ 25 іюля. Расположеніе французовъ по квартирамъ. Общій планъ Наполеона. Наступленіе русскихъ. Дѣло при Молевомъ Болотѣ. Бой подъ Краснымъ.

22 іюля, наши арміи соединились подъ Смоленскомъ. Прежде всего имъ предстояло позаботиться о пополненіи своихъ рядовъ, затѣмъ—о продовольствіи. Все это, понятно, намъ давалось гораздо легче, чѣмъ противнику.

Для выясненія дальнѣйшаго образа нашихъ дѣйствій, 25 іюля, созванъ былъ военный совѣтъ. Чувствовалась необходимость воспользоваться благопріятствующей намъ обстановкой для перехода *въ наступленіе*. Барклай-де-Толли лично не былъ сторонникомъ перехода въ наступленіе и находилъ его пока несвоевременнымъ. Но Барклаю приходилось считаться съ настроеніемъ всей арміи, съ пламеннымъ стремленіемъ всей Россіи, наконецъ—съ желаніями самого Государя, который, какъ разъ къ этому времени, писалъ:

«Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми»...

Обдумывая планъ предстоящаго наступленія, Барклай опасался, что французы могутъ помѣшать, обойдя насъ справа, со стороны Порѣчья. Такъ, по крайней мѣрѣ, главнокомандующій доносилъ Императору Александру 22 іюля: «Я намѣренъ итти впередъ и атаковать ближайшій изъ непріятельскихъ корпусовъ, какъ мнѣ кажется, корпусъ Нея, у Рудни. Впрочемъ, повидимому, непріятель готовится обойти меня съ праваго фланга корпусомъ, расположеннымъ у Порѣчья» (къ сѣверу отъ Смоленска).

Относительно возможности наступательнаго движенія французовъ въ обратномъ направленіи, т.-е. въ обходъ нашего лѣваго фланга, по южному берегу Днѣпра на Смоленскъ (какъ и случилось въ дѣйствительности) у насъ никакихъ предположеній еще не возникало.

Опасаясь какой-либо неожиданности со стороны Наполеона, осторожный Барклай не желалъ далеко отходить отъ Смоленска, чтобы не рисковать единственнымъ путемъ па Москву. Поэтому онъ распорядился, чтобы войска не отдалялись отъ Смоленска далѣе трехъ переходовъ. «Мы будемъ имѣть дѣло съ предпріимчивымъ противникомъ, который не упуститъ никакого случая обойти насъ и чрезъ то вырвать изъ нашихъ рукъ побѣду», сказалъ главнокомандующій вечеромъ въ самый день совѣта, передавая чинамъ своего штаба упомянутыя распоряженія.

Что касается Наполеона, то десять дней (со времени его пріостановки до начала русскими арміями движенія по Рудненской дорогѣ) прошли для него въ высшей степени плодотворно. Войска, укрывшись отъ палящаго зноя въ шалашахъ изъ зеленыхъ вѣтвей, великолѣпно отдохнули. Многіе изъ отсталыхъ успѣли присоединиться къ своимъ частямъ, и ряды арміи пополнились. Артиллерійскіе парки и обозы, застрявшіе далеко въ тылу, добрались до самаго Витебска. Заботами командировъ корпусовъ собранъ былъ съ окрестнаго населенія семидневный запасъ продовольствія, не считая доставленнаго подвозомъ, а также тѣхъ русскихъ магазиновъ, которые были захвачены въ Суражѣ и Велижѣ.

Расположеніе французскихъ войскъ по квартирамъ на первый взглядъ казалось разбросаннымъ. Но въ дѣйствительности оно было весьма искусно пріурочено къ тому, чтобы съ возможно-большею быстротою сосредоточить подавляющія силы въ любомъ направленіи; не позже какъ черезъ *двое сутокъ* всѣ войска (т.-е. до 190 т. человѣкъ) могли быть собраны или между Ліозной и Любавичами, т.-е. къ

центру, или между Бабиновичами и Дубровною, т.-е. къ правому флангу.

Наполеонъ намѣтилъ себѣ, въ случаѣ наступленія русскихъ, слѣдующій смѣлый планъ, прикрываясь лѣсами и болотами (укрывавшими съ фронта квартирный районъ его арміи): онъ намѣревался сосредоточить свои силы, переправить ихъ на южный берегъ Днѣпра и затѣмъ, обойдя наши войска слѣва, ударить на Смоленскъ съ юга, отрѣзать насъ отъ Москвы и нанести намъ рѣшительное пораженіе.

Общая численность обѣихъ русскихъ армій, собранныхъ подъ Смоленскомъ, простиралась до 120 съ лишнимъ тысячъ человѣкъ. Всѣ эти войска (кромѣ небольшой части, получившей особое назначеніе) тронулись, 26 іюля, впередъ тремя колоннами. Вторая армія, перейдя черезъ Смоленскъ на сѣверный берегъ Днѣпра, двинулась въ лѣвой колоннѣ вдоль самой рѣки. Первая пошла двумя колоннами; изъ нихъ лѣвая, подъ начальствомъ генерала Дохтурова, двинулась по Рудненской дорогѣ, къ Приказъ-Выдрѣ; правая же, подъ командою генерала Тучкова 1-го, направилась по Порѣченской дорогѣ. Каждая колонна имѣла свой особый авангардъ. Кромѣ того, направо отъ колонны Тучкова особый боковой отрядъ г.-м. князя Шаховскаго двинулся на Касплю, а еще далѣе направо, къ Холму, — казаки Краснова. Очевидно, мѣра эта принята была въ цѣляхъ предупрежденія обхода со стороны Порѣчья (чего опасался Барклай).

И какъ нарочно, въ ночь съ 26 на 27 іюля, Барклай получилъ донесеніе, что близъ Порѣчья сосредоточены значительныя силы французовъ. Барклай тотчасъ же пріостановилъ наступленіе и занялся обезпеченіемъ своего праваго фланга, для чего пришлось потратить цѣлый день и совершить перемѣну фронта всѣми силами, на сѣверъ, лицомъ къ предполагаемому непріятельскому обходу.

Заблужденіе, въ которое впали наши вожди, еще болѣе подкрѣпилось случайнымъ успѣхомъ казаковъ Платова. У селенія *Молева-Болота* начальникъ Платовскаго авангарда, Денисовъ, опрокинулъ четыре кавалерійскихъ непріятельскихъ полка и преслѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли остальныя силы дивизіи Себастьяни, въ свою очередь, атаковавшія Денисова. Тогда Денисовъ отошелъ, медленно задерживаясь и выигрывая время, пока не ударилъ всѣми силами самъ Платовъ и не обратилъ противника въ полное бѣгство.

При Молевомъ-Болотѣ французы понесли большія потери, причемъ плѣнными взято десять штабъ- и оберъ-офицеровъ и свыше 300 нижнихъ чиновъ.

«Непріятель пардона не просилъ, а войска россійскія Его Императорскаго Величества, бывъ разъярены, кололи и били его», доносилъ объ этомъ дѣлѣ Платовъ.

Набожные донцы были доведены до наивысшей степени раздраженія святотатственными поступками французовъ, о чемъ повсемѣстно говорили. Платовъ въ такихъ выраженіяхъ доносилъ объ этомъ главнокомандующему:

«Долгомъ поставлю довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличный однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей и насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, бьютъ, вяжутъ ихъ и выпытываютъ отъ нихъ деньги, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ отъ неистовства французовъ. Святые сосуды и утварь подвергаются грабежу. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ, французы мыли и развѣшивали нижнее исподнее платье».

28 іюля, начатыя нашими войсками передвиженія продолжались; а между тѣмъ великій полководецъ готовилъ уже намъ грозный ударъ, чтобы сразу разрушить всѣ наши намѣренія. Насъ спасли только доблесть нашихъ дивныхъ войскъ и необычайная находчивость и умѣлыя дѣйствія отдѣльныхъ начальниковъ.

Узнавъ о пораженіи Себастіани, Наполеонъ принялъ быстрыя и рѣшительныя мѣры, чтобы сосредоточить армію къ правому своему флангу. Мюратъ съ конницей и Ней съ корпусомъ получили приказаніе удерживать, какъ можно, долѣе русскихъ на рудненской дорогѣ, прикрывая фланговое движеніе остальныхъ войскъ.

Самъ Наполеонъ прибылъ въ Расасну 1 августа вечеромъ и велѣлъ разбить себѣ палатку въ сосновомъ лѣсу надъ Днѣпромъ. Въ теченіе всего 1 августа совершалась переправа, а на другой день съ разсвѣтомъ армія тронулась въ направленіи къ Красному...

Такимъ образомъ Наполеонъ смѣло сосредоточилъ въ важнѣйшемъ и опаснѣйшемъ для насъ направленіи до 180 тысячъ человѣкъ...

Въ это самое время наши войска почти всѣ находились на правомъ берегу Днѣпра.

Еще до начала нашего наступленія, немедленно по соединеніи обѣихъ армій въ Смоленскѣ, князь Багратіонъ отрядилъ, 23 іюля, генерала Невѣровскаго, съ 27-ю дивизіею, къ городу Красному. 27-я дивизія была усилена Харьковскимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, съ небольшою частью Смоленскаго ополченія (подъ

начальствомъ генерала Оленина). Этотъ отрядъ въ Красномъ долженъ былъ служить опорою казачьимъ разъѣздамъ, развѣдывавшимъ въ направленіи на Оршу и Могилевъ.

Когда 1-я и 2-я армія начали свое наступленіе къ Руднѣ, то Невѣровскій получилъ приказаніе оставаться въ Красномъ для наблюденія пути Орша—Смоленскъ. Такимъ образомъ ко времени приближенія отъ Расасны и Романова всѣхъ силъ Наполеона, дивизія Невѣровскаго была *единственнымъ нашимъ отрядомъ*, который противостоялъ сильнѣйшему противнику до самаго Смоленска, занятаго слабымъ гарнизономъ.

Маршалъ Мюратъ.

Маршалъ Ней.

27-я дивизія состояла, преимущественно, изъ рекрутъ. Городъ Красный находится въ сорока семи верстахъ отъ Смоленска. Первоначально Невѣровскій располагался впереди города, но когда начали поступать донесенія, что огромныя массы непріятельскихъ войскъ идутъ со стороны Днѣпра, Невѣровскій оставилъ въ городѣ только батальонъ съ двумя орудіями, а съ прочими силами расположился за тѣсниною, образуемою за городомъ плотиною и глубокимъ оврагомъ.

Въ головѣ Наполеоновской арміи шелъ Мюратъ, со своими тремя резервными кавалерійскими корпусами, всего до пятнадцати тысячъ коней. Достигнувъ, 2 августа на разсвѣтѣ, мѣстечка Ляды, Мюратъ оттѣснилъ бывшій тамъ небольшой отрядъ Оленина и въ три часа пополудни показался передъ Краснымъ. За конницей, въ авангардѣ арміи, слѣдовалъ корпусъ Нея.

Невѣровскій немедленно построился за оврагомъ въ боевой порядокъ и помѣстилъ десять орудій на лѣвомъ флангѣ, прикрытыхъ харьковскими драгунами. Одинъ егерскій полкъ (50-й) съ двумя конными орудіями былъ отряженъ на пятнадцать верстъ назадъ, къ Смоленску, чтобы обезпечить за собой бывшую тамъ переправу.

Едва только 27-я дивизія успѣла занять новое расположеніе, какъ французы обрушились на бывшій въ Красномъ батальонъ. Нѣсколько ротъ, подъ личнымъ начальствомъ Нея, выбили нашихъ егерей изъ города и захватили у нихъ пушки. Часть конницы Мюрата обошла позицію Невѣровскаго слѣва. Бросившіеся на нее самоотверженно въ атаку харьковскіе драгуны были опрокинуты и разсѣяны. Изъ десяти орудій, бывшихъ на позиціи, французы взяли пять. Невѣровскій остался съ одною неопытною и малообученною пѣхотою, которой съ фронта угрожали грозныя пѣхотныя колонны Нея, а въ тылъ ей продвигалась прославленная по всей Европѣ конница Мюрата...

Д. П. Невѣровскій.

Невѣровскій построилъ батальоны въ густыя колонны и обратился къ своимъ молодымъ воинамъ съ такою рѣчью:

— Ребята, помните, чему васъ учили: никакая кавалерія не побѣдитъ васъ, только въ пальбѣ не торопитесь; стрѣляйте мѣтко, не спѣша. Никто не смѣй начинать безъ моей команды...

И дѣйствительно, батальоны Невѣровскаго встрѣчали каждый налетъ французской конницы дружными, выдержанными залпами, послѣ которыхъ грудами падали непріятельскіе лошади и всадники... Мюратъ истощалъ тщетно свои усилія объ эту пѣхоту, сопротивлявшуюся, какъ скала. Широкая почтовая дорога, обсаженная въ два ряда большими березами и окаймленная глубокими канавами, благопріятствовала отступленію и затрудняла задачу конницы. Задоръ охватилъ французскихъ кавалеристовъ, не исключая самого Мюрата; они безразсудно губили людей и лошадей, упрямо повторяя безплодныя атаки, при чемъ *совершенно забыли* о своей *конной артиллеріи* (цѣлыхъ 60 орудій), которая, конечно, могла бы

оказать конницѣ существенную поддержку, тѣмъ болѣе, что у насъ артиллеріи здѣсь не было. Въ концѣ-концовъ, батальоны Невѣровскаго сплотились на дорогѣ въ одну сплошную массу, которая, медленно отходя, продолжала отражать всѣ удары...

Такъ продолжалось до вечера, пока Невѣровскій не добрался до селенія Корытни, гдѣ за рѣчкой расположены были заранѣе высланные батальоны съ двумя орудіями. Огонь ихъ остановилъ непріятельскую конницу. Тогда утомленный отрядъ Невѣровскаго получилъ возможность воспользоваться вполнѣ заслуженнымъ отдыхомъ. Потери наши доходили до *полуторы тысячи* чел. (въ томъ числѣ 800

Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ, 2-го августа 1912 г.

плѣнныхъ), что составляетъ около $^1/_4$ всего отряда, ибо у Невѣровскаго было до 7 тысячъ, изъ нихъ 6 тыс. пѣхоты.

Донося объ этомъ дѣлѣ Государю, князь Багратіонъ писалъ:

«Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно-превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣръ такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя».

Французскій историкъ графъ Сегюръ говоритъ, что Невѣровскій «отступалъ, какъ левъ». Большинство французскихъ писателей подчеркиваютъ это дѣло, какъ образцовое, и отдаютъ Невѣровскому должную справедливость...

Во время боя подъ Краснымъ 1-я армія оставалась въ прежнемъ положеніи. Что же касается 2-й арміи, то, послѣ двухдневнаго пребыванія у Приказъ-Выдры, она, 31 іюля, сама пошла обратно къ Смоленску.

Хотя такое движеніе 2-й арміи и нарушало замыслы главнокомандующаго, но оно оказалось для насъ спасительнымъ. Опытный Суворовскій сподвижникъ, князь Багратіонъ чуялъ, откуда грозила истинная опасность, и все время старался обезпечить себя слѣва.

Такимъ образомъ совершенно случайно и вопреки намѣреніямъ Барклая-де-Толли оказалось, что вблизи Смоленска пребывалъ *цѣлый корпусъ* въ такой моментъ, когда этому древнему русскому городу грозила съ юга непредвидѣнная страшная опасность...

Донесеніе о боѣ подъ Краснымъ, объ отступленіи Невѣровскаго и о появленіи превосходныхъ силъ французовъ на направленіи Смоленскъ—Орша оба главнокомандующіе получили въ ночь со 2-го на 3-е число. Но еще не было ясно, что тамъ находятся главныя силы Наполеона. Поэтому у насъ ограничились тѣмъ, что 7-му корпусу, остававшемуся въ Смоленскѣ, приказали на слѣдующій день выступить къ Красному и поддержать Невѣровскаго.

Подвигъ Невѣровскаго имѣлъ огромное значеніе. Герой самоотверженно принялъ на себя ударъ всей массы передовой непріятельской конницы и, задержавъ ее и слѣдующія за нею головныя части пѣхоты, далъ намъ возможность собрать достаточно силъ въ Смоленскѣ. Эту древнюю твердыню нужно было отстаивать, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока всѣ наши войска не выберутся на востокъ отъ города и не ставутъ твердою ногою на пути къ Москвѣ.

ГЛАВА V.

Бой за Смоленскъ 4 и 5 августа,—Отступленіе отъ Смоленска.—Ночной маршъ нашихъ армій съ 6 по 7 августа.—Бой у деревни Гедеоновой.—Дѣйствіе арьергарда Тучкова III-го.—Бой за рр. Колодней и Страданью (у Валутиной горы и Лубина).

Ночью на 3 августа, Раевскій получилъ приказъ итти обратно къ Смоленску, и тотчасъ же исполнилъ это, но запросилъ Багратіона, что дѣлать, въ случаѣ встрѣчи съ значительно превосходными силами: оборонять ли самый Смоленскъ, лежащій по южную сторону рѣки, или же ограничиться удержаніемъ переправы, дабы прикрыть передвиженіе обѣихъ армій?

Однако, событія развивались такъ быстро, что Раевскому пришлось принимать рѣшеніе по собственному усмотрѣнію.

Соединенныя силы Раевскаго, вмѣстѣ съ 27-ю дивизіей, не превышали *тринадцати-пятнадцати* тысячъ человѣкъ. До пяти часовъ пополудни 3 числа они пробыли въ полномъ спокойствіи. Но ровно въ пять часовъ раздался орудійный выстрѣлъ, и затѣмъ показались съ юга значительныя непріятельскія войска. Это была конница Мюрата, а за нею шли густыя массы французской пѣхоты. Всѣ эти силы начали располагаться на отдыхъ, обогнувъ городъ огромною дугою бивуачныхъ огней...

Раевскій очутился въ весьма опасномъ положеніи. Имѣя противъ себя (какъ онъ полагалъ) всѣ силы Наполеона, герой долженъ былъ удержаться, для выручки обѣихъ армій, не менѣе какъ двое сутокъ, ибо ближайшія къ нему подкрѣпленія находились, по крайней мѣрѣ, въ тридцати верстахъ...

Положимъ, Смоленскъ самъ по себѣ до нѣкоторой степени усиливалъ нашу оборону. Эта древняя русская твердыня, когда-то оплотъ Московскаго государства противъ поляковъ, расположена на обоихъ берегахъ Днѣпра, ширина котораго здѣсь, въ верховьяхъ, не превосходитъ 25—30 саженъ. Собственно, городъ лежитъ на южномъ берегу, а на сѣверномъ, командующемъ, находится обширное Петербургское предмѣстье. Кругомъ городъ обнесенъ старинной каменной стѣной, возведенной еще при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Стѣна эта (существующая и понынѣ) имѣетъ болѣе пяти верстъ длины, при толщинѣ отъ 10 до 18 футъ и вышинѣ отъ 25 до 40 футъ. Верхъ стѣны выдѣланъ зубцами, а съ внутренней стороны устроенъ валъ шириною въ 3—7 футъ, съ бойницами для ружейной стрѣльбы. Впереди стѣны былъ ровъ; ровъ этотъ съ западной и восточной сторонъ города сливался съ глубокими оврагами, на днѣ которыхъ протекали ручьи, впадающіе въ Днѣпръ.

Для продольной обороны рва были устроены башни, изъ которыхъ къ 1812 году уцѣлѣло 17. По западную сторону городской стѣны находилось особое укрѣпленіе, такъ называемый «Королевскій бастіонъ», сооруженное польскимъ королемъ Сигизмундомъ III послѣ взятія Смоленска поляками въ 1611 году. Здѣсь съ внутренней стороны имѣлся водяной ровъ.

Въ крѣпостной стѣнѣ имѣлось трое воротъ: 1) сѣверныя, такъ называемыя, *Днѣпровскія*, 2) восточныя—*Никольскія* и 3) южныя—*Малаховскія*. Кромѣ того, съ сѣверной и восточной части стѣны сохранилось отъ прежнихъ штурмовъ три пролома.

Для отступленія за рѣку былъ одинъ постоянный мостъ на сваяхъ и два пловучихъ моста; кромѣ того,—бродъ близъ самыхъ Днѣпровскихъ воротъ.

Пользуясь лунною ночью, Раевскій съ Паскевичемъ осмотрѣли лично мѣстность, послѣ чего войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

26-й пѣхотной дивизіи Паскевича приказано было оборонять весь западный фронтъ до королевскаго бастіона включительно. Четыре полка 12-й дивизіи ген. Кулебякина съ 24-мя орудіями заняли юго-западную сторону города. Два полка 27-й дивизіи съ 24-мя орудіями расположились по южной окраинѣ города; наконецъ, восточное предмѣстье занялъ полкъ 12-й дивизіи съ 4-мя орудіями. Въ резервѣ оставлены 2 полка 27-й дивизіи, за лѣвымъ флангомъ позиціи, у Рославльскаго предмѣстья. Другіе два полка (по одному отъ дивизій 12-й и 27-й) съ 4-мя орудіями находились у самыхъ Днѣпровскихъ мостовъ.

Вся конница (4 полка казаковъ и ночью прибывшіе 2 полка 4-го кавалерійскаго корпуса) расположилась также за лѣвымъ флангомъ позиціи.

Очевидно, мы разсчитывали развить наибольшее упорство обороны на западной и юго-западной окраинахъ города, откуда и ожидался непріятель. Придавая же—и вполнѣ правильно—важное значеніе лѣвому флангу всего расположенія, съ обходомъ котораго можно было оттѣснить насъ отъ мостовъ, мы придерживали всѣ резервы свои ближе, именно, къ этому флангу.

Съ ранняго утра, 4-го августа, французы повели атаку на Смоленскъ. Ней подошелъ съ западной стороны, и до 9 часовъ утра ограничивался канонадой, выставивъ сильныя батареи у деревни Чернушки. Ровно въ 9 часовъ, къ войскамъ Нея прибылъ самъ Наполеонъ, почевавшій въ 3-хъ верстахъ отъ Смоленска на архіерейской дачѣ. Въ то же время съ юго-запада стали подходить войска корпуса Даву.

Такимъ образомъ въ скоромъ времени могло собраться до 100 тысячъ французовъ противъ пятнадцати тысячъ русскихъ.

Въ самомъ началѣ сраженія Раевскій получилъ отъ князя Багратіона записку слѣдующаго содержанія: «Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобы соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ!» Но подоспѣть на помощь Раевскому въ теченіе дня 4 августа могла только одна конница, безполезная при защитѣ укрѣпленнаго города.

Къ счастью для насъ, Наполеонъ рѣшилъ отложить атаку Смоленска до слѣдующаго дня, чтобы сосредоточить большую часть своихъ силъ...

Впослѣдствіи, въ запискахъ, составленныхъ на островѣ Св. Елены, Наполеонъ отдалъ должное Раевскому и самому себѣ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Пятнадцатитысячной русской дивизіи, случайно находившейся въ Смоленскѣ, удалось защищать этотъ городъ въ теченіе сутокъ, что дало время прибыть на слѣдующій день Барклаю-де-Толли.

«Если бы французская армія успѣла врасплохъ овладѣть Смоленскомъ, то она переправилась бы тамъ черезъ Днѣпръ и атаковала бы съ тыла русскихъ, еще не успѣвшихъ сосредоточить свои силы»...

А теперь, въ семь часовъ пополудни 4 августа, Раевскій былъ подкрѣпленъ уже не только конницею, но и пѣхотою: прибыло четыре полка 2-й Гренадерской дивизіи, какъ разъ послѣ того, какъ отбита была атака Нея на Королевскій бастіонъ.

Въ этой атакѣ самъ Ней, прозванный во французской арміи «храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ» (le brave des braves), лично повелъ на бастіонъ 46-й линейный полкъ, но былъ отбитъ однимъ изъ батальоновъ Орловскаго полка, во главѣ котораго сталъ Паскевичъ.

Въ общемъ, 4 августа, всѣ попытки штурмовать городъ были отбиты. Впослѣдствіи Раевскій, на долю котораго выпало отстаивать въ этотъ день Смоленскъ, писалъ слѣдующее:

«Сраженіе подъ Смоленскомъ, со всѣми его переворотами, въ которомъ я, располагая ничтожными средствами, долженъ былъ противодѣйствовать огромнымъ силамъ, есть для меня достопамятнѣйшее изъ всѣхъ дѣйствій моей военной жизни. Неисповѣдимый Промыслъ, поставя меня на край гибели, подалъ мнѣ возможность къ спасенію. Я сражался съ твердою рѣшимостью погибнуть на семъ посту спасенія и чести; но, взвѣшивая, съ одной стороны, важность выдержаннаго мною дѣла, а съ другой—ничтожность потерь, понесенныхъ моими войсками, приписываю успѣхъ не столько собственнымъ своимъ соображеніямъ, сколько слабости атакъ Наполеона, который не воспользовался случаемъ рѣшить участь русской арміи и всей войны».

На помощь 7-му корпусу уже спѣшили, можно сказать,—летѣли обѣ арміи. Багратіонъ, ночевавшій съ 3 на 4 число у Катани, снялъ наведенный имъ здѣсь раньше мостъ, быстро двинулся вверхъ по Днѣпру правымъ берегомъ и къ вечеру собралъ у Смоленска всѣ свои силы.

Въ тотъ же самый день 1-я армія, выступивъ до разсвѣта, сдѣлала усиленный 40-верстный переходъ и пришла въ Смоленскъ ночью.

Такимъ образомъ, наши силы были уже сосредоточены.

У большинства нашихъ начальниковъ господствовало настроеніе, вполнѣ отвѣчавшее видамъ Наполеона, желавшаго вовлечь насъ у Смоленска въ рѣшительное сраженіе. Всѣ они, за исключеніемъ одного Барклая, были твердо убѣждены, что, именно, подъ стѣнами Смоленска настalъ моментъ положить предѣлъ успѣхамъ непріятеля и помѣряться съ нимъ на полѣ брани.

Наиболѣе рѣшительнымъ сторонникомъ такого мнѣнія былъ князь Багратіонъ.

Зная это, Барклай-де-Толли, вѣроятно, не безъ задней мысли, предложилъ непосредственную оборону Смоленска передать 1-й арміи, а 2-й отойти нѣсколько далѣе по Московской дорогѣ.

Несомнѣнно, что Барклай имѣлъ при этомъ въ виду дальнѣйшее отступленіе и на Смоленскъ смотрѣлъ только, какъ на позицію, упорное удержаніе которой должно было обезпечить постепенный отходъ нашихъ силъ. Упорство обороны Смоленска должно было ввести—и дѣйствительно ввело—противника въ заблужденіе, заставляя его думать, что мы, дѣйствительно, намѣрены здѣсь дать генеральное сраженіе.

Въ Смоленскѣ всего собралось *двадцатъ* тысячъ человѣкъ при 180 орудіяхъ; общее начальство надъ этими силами ввѣрено было мужественному и спокойному Дохтурову.

Герой едва успѣлъ оправиться отъ горячки, которою заболѣлъ во время наступленія нашего въ Руднѣ. Онъ чувствовалъ себя еще весьма слабымъ, но радостно изъявилъ готовность принять на себя оборону Смоленска, находя, что лучше «умереть на полѣ чести, нежели безславно на кровати».

Вообще, личность Дохтурова, на долю котораго всегда выпадало съ честью выходить изъ самыхъ тяжелыхъ положеній, заслуживаетъ вниманія. Самоотверженно, не мечтая о блестящихъ подвигахъ, выносилъ онъ на себѣ иной разъ самое отвѣтственное дѣло. Своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ въ самыя страшныя минуты онъ придавалъ войскамъ своимъ стойкость, и они, подъ его начальствомъ, совершали чудеса.

Приказаніе итти въ Смоленскъ на смѣну Раевскому Дохтуровъ получилъ поздно вечеромъ 4 числа. Всѣ тяжести онъ оставилъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и на-легкѣ перешелъ мосты. 24-я дивизія Лихачева смѣнила Паскевича въ Красненскомъ предмѣстьѣ и Королевскомъ бастіонѣ. 7-я дивизія Капцевича заняла предмѣстья Мстиславльское и Рославльское. Невѣровскій съ егерями 12-й дивизіи—остался въ Никольскомъ предмѣстьѣ, т.-е. уступомъ за лѣвымъ флан-

Смоленскъ 6-го (18) августа 1812 г. (Съ рис. Альберта Адама).

гомъ. За тѣмъ же флангомъ непосредственно, у Малаховскихъ воротъ, находилась цѣлая дивизія Коновницына. Часть артиллеріи размѣщена въ бастіонѣ и въ предмѣстьяхъ, а кромѣ того, по распоряженію Барклая, сильныя батареи поставлены были на сѣверномъ берегу Днѣпра такъ, чтобы обстрѣливать во флангъ противника, если бы онъ сталъ угрожать обходомъ.

Что касается французскихъ войскъ, то ихъ расположеніе еще съ вечера 4 августа было слѣдующее:

Ней со своими тремя дивизіями остался попрежнему противъ Красненскаго предмѣстья, на лѣвомъ крылѣ всего боевого порядка; Даву имѣлъ пять дивизій въ центрѣ, противъ предмѣстій Мстиславльскаго и Рославльскаго; за центромъ, въ резервѣ стояла гвардія. Корпусъ Понятовскаго расположился на правомъ флангѣ, противъ Никольскаго предмѣстья, а еще правѣе—вся резервная конница Мюрата.

Общая численность этихъ войскъ—до 140—150 тысячъ; кромѣ того, 40 тысячъ, а именно корпуса Жюно и вице-короля Евгенія находились еще въ походѣ и могли подойти въ теченіе дня.

Наполеонъ, повидимому, хотѣлъ привлечь наше вниманіе къ флангамъ ложными атаками Нея и Понятовскаго, а затѣмъ двинуть на центръ грозныя массы Даву, подкрѣпляемыя гвардіей, пользуясь тѣмъ, что сюда не могъ достигать съ того берега огонь батарей.

Съ разсвѣтомъ, 5 числа, началась перестрѣлка, которая постепенно усиливалась. Въ 8 часовъ утра, Дохтуровъ произвелъ довольно рѣшительную вылазку и вытѣснилъ непріятеля, успѣвшаго завладѣть окраинами предмѣстій. Но до трехъ часовъ дня бой ограничивался канонадою и небольшими отдѣльными стычками.

Наполеонъ выжидалъ. Онъ не хотѣлъ штурмовать городъ, что, несомнѣнно, стоило бы ему не малыхъ потерь; онъ разсчитывалъ выманить насъ въ поле. Но уже около полудня конница съ крайняго праваго фланга донесла ему о замѣченномъ по Московской дорогѣ передвиженіи большого количества русскихъ войскъ. Наполеонъ сѣлъ на коня и поѣхалъ лично провѣрить справедливость столь важнаго извѣстія. Увидѣвъ, что русскіе (кн. Багратіонъ) отходятъ по Московской дорогѣ, великій полководецъ понялъ, что мы въ рѣшительный бой вступать не намѣрены.

Тогда Наполеонъ приказалъ взять Смоленскъ штурмомъ.

Въ три часа дня ракетами былъ данъ сигналъ, и полтораста французскихъ орудій начали громить городъ. Сначала въ предмѣстьяхъ, а потомъ и въ самомъ городѣ вспыхнули пожары. Съ восточной стороны Понятовскій бросился на штурмъ дымящихся развалинъ. У самыхъ городскихъ стѣнъ поляки были отброшены съ огромнымъ урономъ.

Въ то же время Ней выбилъ наши войска изъ Красненскаго предмѣстья; но атаковать Королевскій бастіонъ не рѣшился.

Наполеонъ двинулъ впередъ Даву, который, послѣ ожесточенной схватки, завладѣлъ предмѣстьями Рославльскимъ и Мстиславльскимъ. Теперь предстояло штурмовать городскія стѣны, за которыми укрылись наши отступившія войска.

Наполеонъ попытался сосредоточить на городѣ огонь своей гвардейской резервной артиллеріи; но прочныя старинныя стѣны выдержали испытаніе. Въ пять часовъ дня Даву получилъ приказаніе штурмовать Малаховскія ворота. Смѣло пошли молодецкія дивизіи Даву на при-

Сраженіе подъ Смоленскомъ, 5 августа.

ступъ и въ первое время даже имѣли успѣхъ. Они ворвались въ ворота. Жестокая сѣча закипѣла внутри ограды. Въ этотъ критическій моментъ къ Дохтурову подоспѣла неожиданная помощь, въ лицѣ принца Евгенія Виртембергскаго съ его 4-й дивизіей.

Принцъ убѣдилъ Барклая-де-Толли, который слѣдилъ съ того берега Днѣпра за отчаянной обороной Смоленска, разрѣшить ему отправиться съ 4-ю дивизіею на подкрѣпленіе Дохтурова. Пока полки дивизіи двигались, принцъ поскакалъ черезъ мостъ. Онъ едва могъ пробраться сквозь густую толпу раненыхъ, запружавшую мостъ. Всѣ улицы, среди пылавшихъ домовъ, были переполнены убитыми и уми-

равшими. Потоки крови струились повсюду. У Малаховскихъ воротъ принцъ увидѣлъ, что мужественный Коновницынъ напрягаетъ послѣднія усилія. Принцъ поскакалъ на-встрѣчу своей дивизіи и часть полковъ направилъ противъ Понятовскаго и Нея, а съ остальными силами, вмѣстѣ съ остатками дивизіи Коновницына, произвелъ рѣшительную отвѣтную атаку и опрокинулъ уже торжествовавшаго побѣду противника. У Малаховскихъ воротъ разгорѣлся жестокій бой. Огонь былъ такъ силенъ, что прислуга и лошади нашихъ орудій были смѣнены нѣсколько разъ. Изъ чиновъ штаба Коновницына почти всѣ были перебиты или переранены; самъ онъ, съ пулей въ рукѣ, оставался на конѣ безъ перевязки до конца боя, не переставая лично направлять людей въ огонь. Принцъ Евгеній Виртембергскій во главѣ своей колонны очистилъ штыками крѣпостной ровъ отъ французовъ.

Точно такъ же отбиты были и всѣ атаки польскаго корпуса Понятовскаго.

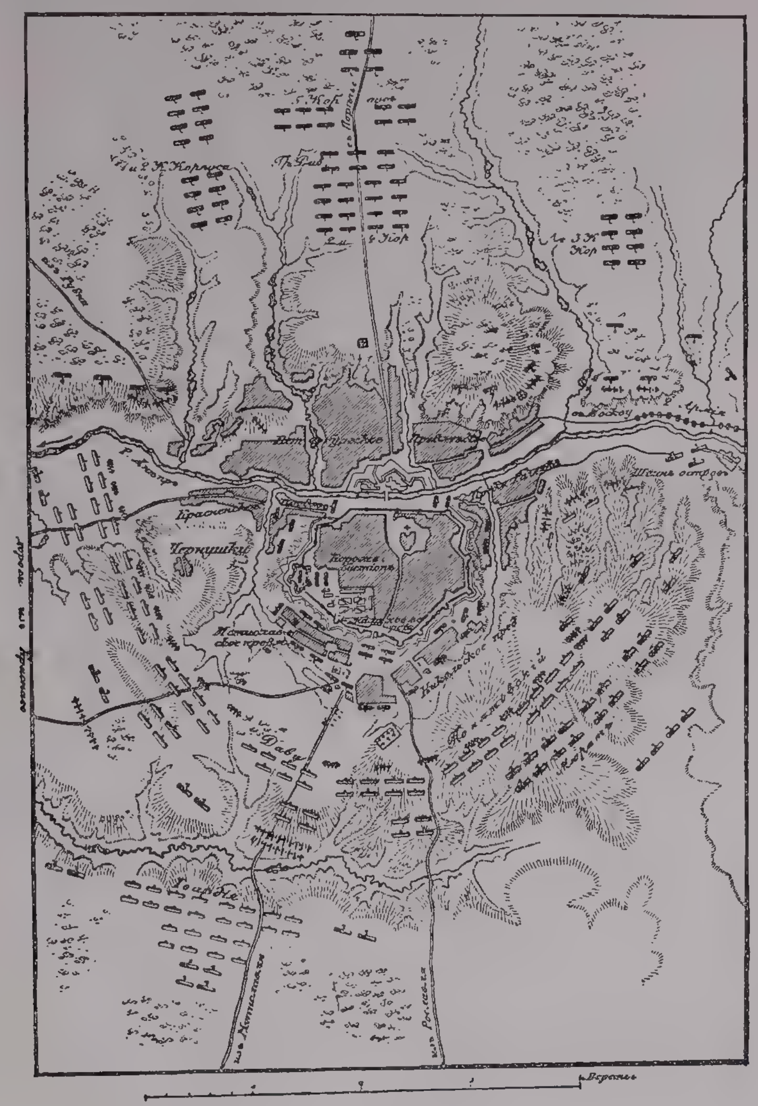
Часовъ около 7 вечера, французы снова сдѣлали попытку атаковать, но были опять отбиты. Тогда непріятель прекратилъ атаки. Наполеонъ приказалъ направить на городъ огонь болѣе ста орудій, преимущественно дѣйствовавшихъ бомбами. Смоленскъ горѣлъ, какъ костеръ. Жители не ожидали этого бѣдствія и заблаговременно не покинули городъ. Только 5 августа, когда онъ со всѣхъ концовъ запылалъ, когда стали рушиться постройки, когда жертвами непріятельскаго огня сдѣлались сами мирные обыватели, ихъ жены и дѣти,— смоляне частью бѣжали изъ родного города, частью же собирались въ церквахъ и молились. Подъ несмолкаемый громъ орудій и среди ужаса смерти и разрушенія во всѣхъ храмахъ Смоленска шла всенощная наканунѣ праздника Преображенія. Подъ вечеръ Смоленскій чудотворный образъ Божіей Матери былъ вынесенъ изъ города и врученъ войскамъ.

Въ бою 6 августа Наполеонъ противъ одного только корпуса Дохтурова (всего не болѣе тридцати тысячъ человѣкъ) двинулъ большую часть своихъ наличныхъ силъ и понесъ страшныя потери (до 20 тысячъ). Наши же потери показываютъ въ 6 тысячъ; но, судя по упорству обороны, можно полагать, что эта цифра уменьшена.

Городъ превратился въ груду развалинъ. Продолжать дальнѣйшую оборону его было бы рискованно. Наполеонъ могъ обойти Смоленскъ съ востока и, переправясь черезъ Днѣпръ, обрушиться на прикрывавшую Московскую дорогу 30-тысячную армію Багратіона.

Барклай назначилъ отступленіе отъ Смоленска въ ночь съ 6-го на 7-е августа. 1-я армія отведена была версты на 2—3 отъ города

и расположена вдоль Порѣченской дороги, въ полной готовности къ выступленію. Что же касается войскъ, оборонявшихъ Смоленскъ, то они начали постепенно очищать городъ и переходить на сѣверный берегъ Днѣпра.

Планъ сраженія при Смоленскѣ.

Наполеонъ готовился 6 числа продолжать штурмъ Смоленска, но утромъ обнаружилось, что южная часть города очищена русскими. Не теряя ни минуты, пылкій Ней двинулъ головныя части своего корпуса въ бродъ черезъ Днѣпръ, чтобы захватить поскорѣе Петербург-

ское предмѣстье. Перейдя рѣку, французы обрушились на нашихъ егерей. Завязался безпорядочный бой за предмѣстье. Отдѣльныя попытки французовъ были успѣшно отражены. Къ вечеру все предмѣстье запылало, зажженное артиллерійскимъ огнемъ. Пламя было столь сильно, что яблоки въ садахъ дѣлались на вѣтвяхъ печеными... Съ наступленіемъ темноты, французамъ, все-таки, удалось навести мостъ. На разсвѣтѣ 7 августа, корпусъ Нея началъ переправу.

Пока 1-я армія удерживалась у Петербургскаго предмѣстья, князь Багратіонъ двинулся по направленію къ Москвѣ. У такъ называемой Соловьевой переправы, въ двухъ переходахъ отъ Смоленска, Московская дорога пересѣкаетъ Днѣпръ. Первыя пять верстъ за Смоленскомъ дорога пролегаетъ такъ близко къ берегу, что войска здѣсь легко подвергаются обстрѣливанію артиллерійскимъ огнемъ съ противоположнаго берега. А такъ какъ у деревни Прудищево имѣлся хорошій бродъ, то противникъ могъ насъ предупредить на Московской дорогѣ.

Необходимо было сдерживать французовъ до тѣхъ поръ, пока всѣ колонны, отступавшія отъ Смоленска, не вытянутся на большой трактъ.

Барклай условился заблаговременно съ Багратіономъ, чтобы послѣдній оставилъ на перекресткѣ (у Лубина) сильный арьергардъ (тыльный отрядъ).

Но этому арьергарду (князя Горчакова) приказано было отходить, *какъ только покажутся головныя части 1-й арміи*. Поэтому у Лубина находились нѣкоторое время одни казаки Карпова.

Къ счастью, Наполеонъ остался въ Смоленскѣ и не взялъ въ свои руки общее руководство преслѣдованіемъ противника.

Кромѣ того, при самомъ отступленіи отъ Смоленска, въ 1-й арміи, вслѣдствіе движенія въ темнотѣ по лѣсистой мѣстности, произошелъ цѣлый рядъ недоразумѣній.

Часть 4-го корпуса и весь второй корпусъ сбились съ пути въ лѣсу и въ шестомъ часу утра очутились опять близъ Смоленска, у селенія *Гедеонова*, всего въ полутора верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья, изъ котораго какъ разъ въ это время выходили и выстраивались французскія войска корпуса Нея. Французы находились такъ близко отъ нашихъ войскъ, что слышны были сигналы въ ихъ стрѣлковой цѣпи, а также барабанный бой и музыка подходившихъ полковъ.

Отступить и отдать французамъ, на которыхъ мы случайно наткнулись, безъ боя Гедеонову, значило бы открыть имъ прямой путь на деревню Горбунову, у которой они могли перехватить дорогу на Москву.

Къ счастью, у Гедеоновой оказался самъ главнокомандующій. Не потерявъ присутствія духа, онъ быстро прекратилъ общее замѣшательство, вызванное путаницей минувшей ночи и неожиданнымъ столкновеніемъ съ противникомъ. Онъ остановилъ на высотахъ у Гедеоновой первые попавшіеся ему подъ руку полки, ввѣрилъ надъ ними начальство принцу Евгенію Виртембергскому и направилъ къ нему все, что могло оказаться подъ рукою.

— Теперь нужно еще болѣе усердія, нежели третьяго дня; дѣло идетъ о спасеніи арміи,—сказалъ Барклай-де-Толли.

Французы не имѣли опредѣленныхъ свѣдѣній о противникѣ, а Наполеонъ не далъ точныхъ распоряженій. Ней, перейдя черезъ Днѣпръ, нѣсколько часовъ простоялъ въ бездѣйствіи.

Чтобы собрать сколько - нибудь основательныя свѣдѣнія о врагѣ, Мюратъ переправилъ два кавалерійскихъ корпуса черезъ Днѣпръ, двинувъ ихъ направо отъ Нея, по Московской дорогѣ, а третій корпусъ—по Петербургскому тракту.

Задержка Нея позволила принцу Евгенію Виртембергскому подготовить оборону у Гедеоновой. Только около 8 часовъ утра французы начали перестрѣлку, а къ 9-ти атаковали колоннами нашу позицію и послѣ упорной борьбы ворвались въ деревню Гедеонову. Конница французская, густыми массами, обрушилась на Вильманстрандскій пѣхотный полкъ, расположенный близъ Московской дороги. Въ эту рѣшительную минуту, когда, казалось, удержаться у Гедеоновой не было никакой возможности, прилетѣли гусары Сумскіе и Маріупольскіе. а также Елизаветградскіе и Изюмскіе. Эти лихіе полки самоотверженно ринулись въ атаку и замедлили наступленіе французовъ какъ разъ настолько, чтобы дать время подоспѣть присланной на подкрѣпленіе пѣхотѣ, которая прикрыла отступленіе нашихъ войскъ, первоначально занимавшихъ Гедеонову.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, лично участвовавшій въ атакѣ Изюмскихъ гусаръ, получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе отвести всѣ бывшія въ его рукахъ войска на ближайшія высоты. Постепенно переходя съ позиціи на позицію и прикрывая другъ друга, доблестныя войска наши отходили шагъ за шагомъ къ Горбунову, сдерживая натискъ Нея.

Когда Наполеону сообщили о происшедшемъ близъ Гедеоновой боевомъ столкновеніи, онъ двинулъ корпусъ Даву вслѣдъ за корпусомъ Нея, Вестфальскому же корпусу Жюно приказалъ немедленно начать переправу у Прудищевой. Гвардія была оставлена въ Смоленскѣ, куда вскорѣ прибылъ и корпусъ вице-короля. Корпусъ Понятовскаго находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, выше Смоленска.

Узнавъ, что на московской дорогѣ занята русскими войсками другая позиція (у Лубина), Наполеонъ приказалъ Нею двинуться вправо и атаковать эти войска съ фронта, въ то время, какъ Мюрату и Жюно предписалъ обойти ту же самую позицію съ лѣваго фланга.

Мы уже говорили, что арьергардъ 2-й арміи, буквально исполняя данное ему Багратіономъ приказаніе, очистилъ Лубино и продолжалъ отступленіе, какъ только показались головныя части 1-й арміи. Но начальникъ авангарда лѣвой колонны генералъ-майоръ Тучковъ 3-й, узнавъ объ отходѣ Горчакова, вполнѣ оцѣнилъ положеніе дѣлъ, повернулъ по собственному почину вправо, занялъ перекрестокъ у деревни Лубино, который имѣлъ чрезвычайно важное значеніе въ данный моментъ, такъ какъ противникъ, быстро перейдя Днѣпръ у Прудищева, могъ овладѣть этимъ пунктомъ, и тогда всѣ войска, не успѣвшія миновать перекрестокъ, были бы отрѣзаны отъ Москвы.

Н. А. Тучковъ 3-й.

Мѣстность, на которой Тучкову 3-му предстояло принять бой, образуетъ рядъ возвышенностей, прорѣзаемыхъ нѣсколькими рѣчками, которыя, сливаясь затѣмъ съ р. Колоднею, пересѣкаютъ московскую дорогу подъ прямымъ угломъ, образуя рядъ позицій. Во всѣхъ этихъ позиціяхъ лѣвые берега выше правыхъ. Такимъ образомъ преимущество было на нашей сторонѣ. Къ сожалѣнію, всѣ эти позиціи можно было легко обойти слѣва.

Противникъ появился около полудня. Ней дѣйствовалъ медленно, и къ Тучкову успѣли подойти первыя подкрѣпленія, свыше 2.000 человѣкъ. Подоспѣли они по настояніямъ Ермолова. Тучковъ продержался на такъ называемой *Валутиной горѣ* до трехъ часовъ пополудни и, только подъ давленіемъ собравшихся къ этому времени превосходныхъ силъ противника, вынужденъ былъ отойти за рѣку Страгань. Позиція эта была послѣднею.

Насколько важно было удержать ее и до какой степени это уже проникло въ сознаніе всѣхъ высшихъ начальниковъ, видно изъ нижеслѣдующаго свидѣтельства одного изъ участниковъ войны. При отступленіи за Страгань, Тучковъ 3-й лично доложилъ Барклаю-де-Толли, что не чувствуетъ себя болѣе въ силахъ противиться

Близъ Валутиной горы 19 августа 1812 г. (Рис. Фаберъ-дю-Форъ).

превосходному въ силахъ противнику. Барклай отвѣчалъ ему на это:

— Извольте возвращаться къ вашему посту и умрите тамъ; если вы еще придете сюда, то я велю васъ разстрѣлять.

Къ 4 часамъ пополудни у Тучкова сосредоточилось до 8 тысячъ человѣкъ. Наши гусары, высланные впередъ на развѣдку, донесли о движенiи массы непрiятельской конницы въ обходъ нашей позицiи. Это была кавалерiя Мюрата, слѣдомъ за которой показывались и головы пѣхотныхъ колоннъ Жюно. Ермоловъ, именемъ главнокомандующаго, притянулъ кавалерiйскiй корпусъ графа Орлова-Денисова, который уже успѣлъ пройти Лубино. Орлову-Денисову приказано было расположиться на высотахъ, не доходя болота. Всего на нашемъ лѣвомъ флангѣ въ рукахъ Орлова-Денисова собралось свыше 5 тысячъ коней.

Французы подступили къ нашей позицiи въ 4 часа дня. Сначала они ограничились перестрѣлкой и только около пяти часовъ начали атаку. Непрiятель четыре раза бросался на батарею, но всякiй разъ наша молодецкая пѣхота опрокидывала его. Особенно отличались лейбъ-гренадеры, потерявшiе въ этотъ славный для нихъ день 5 офицеровъ и 42 нижнихъ чина убитыми и 286 ранеными.

Въ общемъ наши 14 батальоновъ (не болѣе 7 тысячъ человѣкъ) удержались противъ двойныхъ силъ противника.

Корпусъ Жюно медлилъ, хотя никто не препятствовалъ ему продолжать наступленiе на московскую дорогу.

Такъ какъ Наполеонъ не объединилъ *власти* между отправленными для нашего преслѣдованія корпусными командирами, то получилось полное разногласіе. Мюратъ сосредоточился за лѣсомъ и требовалъ содѣйствія Жюно, чтобы облегчить кавалеріи выходъ изъ лѣса. Но Жюно упорствовалъ, отговариваясь неимѣніемъ на то прямыхъ приказаній императора. Наконецъ, маршала убѣдили съ большимъ трудомъ выслать небольшую часть пѣхоты. Но, неосторожно выйдя изъ кустарника, она подверглась атакѣ нашихъ Маріупольскихъ гусаръ, которые изрубили ее почти дотла. Нѣсколько времени спустя, когда Ней возобновилъ атаку нашей позиціи всѣми силами, Жюно, исполняя требованіе Мюрата, выслалъ впередъ свою конницу.

Возобновившіяся атаки Нея были отбиты съ прибытіемъ на поддержку Тучкова дивизіи Коновницына.

Къ Орлову-Денисову, въ свою очередь, подошли пѣхотныя подкрѣпленія. Попытка французской конницы опрокинуть нашихъ казаковъ отражена была графомъ Орловымъ-Денисовымъ съ маріупольцами и елизаветградцами.

Мюратъ не рѣшился возобновлять своихъ атакъ безъ поддержки пѣхоты; по его настойчивымъ просьбамъ Жюно согласился, наконецъ, послать одну дивизію. Шестнадцати-орудійная батарея, искусно скрытая Орловымъ-Денисовымъ, подпустила непріятеля на картечный выстрѣлъ, а затѣмъ подвергла его разстрѣлу, при содѣйствіи перекрестнаго ружейнаго огня полковъ Перновскаго и Полоцкаго. Непріятель отхлынулъ съ большими потерями, преслѣдовать его ринулись казаки и Сумскіе гусары.

Къ 8 часамъ вечера бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ совершенно затихъ. Но въ центрѣ, часамъ уже къ 9, когда почти вовсе стемнѣло, Ней сдѣлалъ новую, послѣднюю попытку, бросившись въ штыки на нашу позицію. Дабы прикрыть вывозимыхъ съ поля сраженія раненыхъ, Тучковъ самъ сталъ во главѣ Екатеринипскаго гренадерскаго полка и смѣло ринулся навстрѣчу, но въ самомъ началѣ свалки подъ нимъ убили лошадь. Чтобы ободрить солдатъ, онъ пошелъ въ переднихъ рядахъ атаковавшихъ, былъ израненъ штыками въ бокъ и въ голову и попался въ плѣнъ французамъ. Непріятеля окончательно остановили два полка 2-го пѣхотнаго корпуса Рязанскій и Брестскій, подъ командою генерала Олсуфьева.

Подъ прикрытіемъ сильныхъ пѣхотныхъ цѣпей, наша артиллерія снялась съ позиціи и вытянулась по московской дорогѣ.

Сраженія у Гедеоновой и Лубина обошлись намъ дорогою цѣною. У насъ выбыло изъ строя не менѣе $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ, но и против-

никъ потерялъ отъ 8 до 9 тысячъ человѣкъ. Эта кровавая жертва принесена была не даромъ. Высокая доблесть, проявленная въ этихъ бояхъ войсками и ихъ начальниками, дозволила намъ, съ значительно слабѣйшими силами, удержать насѣдавшаго непріятеля и выиграть необходимое время, чтобы обезпечить движеніе всей арміи, съ ея тяжестями, на Московскую дорогу.

Участники и руководители боевъ 7 августа, самъ Барклай-де-Толли, Ермоловъ, Коновницынъ, Тучковъ 3-й, принцъ Евгеній Виртембергскій заслуживаютъ полной и искренней признательности потомства за свою находчивость и самоотверженіе въ этотъ знаменательный день.

ГЛАВА VI.

Дальнѣйшее отступленіе армій.—Назначеніе князя М. И. Голенишева-Кутузова.—Прибытіе его къ арміи и отходъ послѣдней къ Бородину.—Бои у Гжатска, Гриднева и Колоцкаго монастыря.—Бородинская позиція.—Расположеніе русскихъ войскъ.—Шевардинскій бой 24 августа.

Послѣ боя при Лубинѣ настроеніе арміи и всей Россіи оказалось таковымъ, что избѣгать рѣшительнаго сраженія было невозможно. Барклай отправилъ по пути къ Москвѣ особыхъ офицеровъ для выбора подходящихъ позицій, гдѣ можно было бы принять бой. Но разномысліе между Барклаемъ и Багратіономъ обострилось настолько, что уже они не могли столковаться между собою. Позицію у Усвятья, одобренную Барклаемъ, осудилъ Багратіонъ, а позицію у Дорогобужа, признанною послѣднимъ выгодною, наоборотъ, Барклай нашелъ неподходящей.

Отступленіе армій продолжалось. Къ 17 августа они подошли къ Цареву-Займищу.

Что же касается «великой арміи», то ея наступленіе происходило въ трехъ колоннахъ, по тремъ параллельнымъ дорогамъ, при чемъ по крайнимъ,—по одному корпусу, а по средней, главной дорогѣ шли остальные корпуса, имѣя впереди конницу Мюрата. Наполеонъ заранѣе былъ готовъ къ тому, чтобы, тѣсня насъ на фронтѣ, одновременно обходить насъ на флангахъ.

Сначала мы думали дать сраженіе у Вязьмы; но здѣсь не оказалось подходящей позиціи. Войска отошли къ Цареву-Займищу, гдѣ главнокомандующій, наконецъ, избралъ мѣсто, на которомъ рѣшилъ принять бой. Арьергардъ арміи, которымъ командовалъ теперь Коновницынъ, дѣйствовалъ весьма искусно, отходя шагъ за шагомъ и задерживая противника, гдѣ только возможно.

Обострение отношений между обоими главнокомандующими, Барклаемъ и Багратіономъ, достигло крайнихъ предѣловъ. Въ письмахъ къ графу Аракчееву, Багратіонъ изливалъ все свое негодованіе, считая медлительность Барклая чуть не измѣной отечеству. Войска даже перестали отвѣчать главнокомандующему 1-й арміей на его привѣтствія.

Необходимо было какъ можно скорѣе назначить общаго главнокомандующаго, выбравъ для этого лицо, пользовавшееся громкимъ именемъ, общимъ довѣріемъ, прочною, заслуженною славою. Такое имя уже было у всѣхъ на устахъ: это былъ свѣтл. князь *Михаилъ Илларіоновичъ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.*

Свѣтл. кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

Кутузовъ (род. 1745, ум. 1813) прошелъ великолѣпную боевую школу подъ начальствомъ знаменитыхъ военачальниковъ вѣка Екатерины — Румянцева и великаго Суворова. Онъ принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ людей своего времени и считался весьма талантливымъ и опытнымъ вождемъ. Отличался старый полководецъ осторожностью, умѣньемъ дѣйствовать почти безъ риска, отводя врагу глаза хитростью. Великій Суворовъ очень любилъ его и отзывался о немъ, какъ о своей «правой рукѣ». Въ войскахъ и въ народѣ Кутузовъ пользовался огромнымъ обаяніемъ. Онъ отличался беззавѣтною храбростью и былъ дважды раненъ въ голову на-вылетъ позади глазъ. Герой только чудомъ остался живъ, лишившись зрѣнія на одинъ глазъ. Въ 1805 году, Кутузовъ былъ главнокомандующимъ русскою союзною арміей, посланной противъ Наполеона на помощь австрійцамъ. Въ 1812 году онъ блестяще закончилъ войну съ Турціей и въ самомъ началѣ Отечественной войны поставленъ былъ во главѣ Петербургскаго ополченія.

Съ прибытіемъ Кутузова къ арміи, духъ нашихъ войскъ поднялся на неизмѣримую высоту. Всѣ жаждали рѣшительнаго сраженія, твердо увѣренные въ побѣдѣ. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ», говорили наши солдаты... Во время объѣзда войскъ новымъ главнокомандующимъ, многіе видѣли надъ его головою летѣвшаго орла, и это предзнаменованіе еще болѣе укрѣпило всеобщія упованія.

Хотя позиція у Царева-Займища, выбранная Барклаемъ, и была довольно выгодна, однако—Кутузовъ отвелъ свои войска черезъ Вязьму и Гжатскъ къ селу Бородину, чтобы, какъ доносилъ онъ Государю, сблизиться съ покрѣпленіями, которыя, подъ начальствомъ Милорадовича, и присоединились къ нему близъ Гжатска въ числѣ 17 тыс. Къ Бородину подошло еще 10 тыс. ополченцевъ Московской и Смоленской губерній.

Сильный *арьергардъ* (задній отрядъ) генерала Коновницына продолжалъ мастерски прикрывать это движеніе, шагъ за шагомъ отступая и упорно задерживая противника. Наши главныя силы подошли къ Бородину 22 августа, а Коновницынъ, выдержавъ съ авангардомъ Мюрата два жаркихъ боя: 23-го числа у Гриднева и 24-го у Колоцкаго монастыря, присоединился къ главнымъ силамъ.

Самъ Наполеонъ нѣсколько отсталъ въ Смоленскѣ, чтобы превратить этотъ городъ въ обширный складочный пунктъ съ многочисленными запасами, хлѣбопекарнями, госпиталями и т. п. По прибытіи въ Дорогобужъ, онъ сдѣлалъ еще одно важное распоряженіе: придвинулъ оставленный на Вислѣ IX корпусъ маршала Виктòра и подчинилъ ему всѣ оставленныя для охраненія сообщеній войска отъ Вильны до самаго Смоленска. Это распоряженіе, сдѣланное какъ разъ на канунѣ рѣшительнаго боя съ русскими, показываетъ, что великій полководецъ предугадывалъ опасность и старался поэтому, насколько возможно, обезпечить свой тылъ. «Быть-можетъ, я не найду мира тамъ, куда иду за нимъ», писалъ онъ въ это время.

Избранная нами для рѣшительнаго боя позиція находилась въ 10 верстахъ на западъ отъ Можайска, впереди пересѣченія, такъ называемой, новой Смоленской дороги со старою.

Справа позиція упиралась въ рѣку Москву, берега которой здѣсь весьма круты и обрывисты, а затѣмъ тянулась отчасти вдоль праваго берега притока Москвы, рѣчки Колочи, до впаденія въ нее ручья Семеновскаго, далѣе же сворачивала на югъ, оканчиваясь на старой Смоленской дорогѣ у деревни Утицы. Берега Колочи отъ устья до села Бородина все время круты и обрывисты, при чемъ нашъ правый берегъ сильно превышаетъ лѣвый, иногда на цѣлыхъ 5 саженей.

Здѣсь была самая сильная, трудноодолимая для противника часть нашей позиціи. Южнѣе села Бородина находится холмъ, довольно значительно превышающій впереди лежащую мѣстность. Это—центральный и самый важный пунктъ сраженія, гдѣ воздвигнута была такъ называемая «батарея Раевскаго». Еще южнѣе этой высоты, на Семеновскомъ ручьѣ, впереди деревни Семеновской, на другой болѣе низкой высотѣ,—находилось также важное мѣсто сраженія. Здѣсь воздвигнуты были три укрѣпленія въ видѣ угловъ, такъ называемыя «Багратіоновы флеши». Южнѣе ихъ мѣстность понижается, и, большею частью, покрыта кустарникомъ, до полей близъ Утицы, которыя съ трехъ сторонъ окружены лѣсомъ, огибавшимъ слѣва позицію въ тылъ [1]).

Наиболѣе крѣпкимъ считался правый участокъ позиціи, лѣвый же былъ болѣе слабъ и къ нему легко можно было подобраться лѣсомъ. Но въ тѣ времена лѣсного боя избѣгали, ибо въ лѣсу сомкнутость движенія разстраивалась.

Въ ожиданіи боя, мы укрѣпили свои позиціи. Однако, за недостаткомъ времени не всѣ укрѣпленія успѣли закончить.

На высотѣ у деревни Горокъ соорудили двѣ батареи и также три укрѣпленія на крайнемъ правомъ флангѣ. Село Бородино приспособили къ оборонѣ. На центральной высотѣ соорудили батарею на 18 орудій («Батарея Раевскаго»). Впереди Семеновской, какъ уже сказано, построили три флеши, а сама деревня частью снесена. Наконецъ, впереди, на высотѣ у деревни Шевардина, построенъ былъ еще пятиугольный редутъ на 12 орудій. Этотъ редутъ отчасти усиливалъ нашъ лѣвый флангъ и въ то же время являлся передовою позиціею, которая могла облегчить намъ выясненіе силъ и намѣреній противника.

Ко дню Бородинской битвы общая численность нашихъ силъ простиралась до *103 тысячъ* регулярныхъ войскъ,—изъ нихъ пѣхоты 72 тысячи и 17 тысячъ конницы,—при 640 орудіяхъ. Сюда нужно прибавить 7 тысячъ казаковъ и 10 тысячъ Московскаго и Смоленскаго ополченій. Послѣднее, впрочемъ, нельзя было считать серьезною боевою силою: люди были совершенно не обучены и плохо вооружены.

Наполеонъ имѣлъ *150 тысячъ* человѣкъ (при 587 орудіяхъ); изъ нихъ пѣхоты—двѣ трети.

Такимъ образомъ общее превосходство въ силахъ было на сторонѣ французовъ; въ артиллеріи же, какъ по числу, такъ и по размѣ-

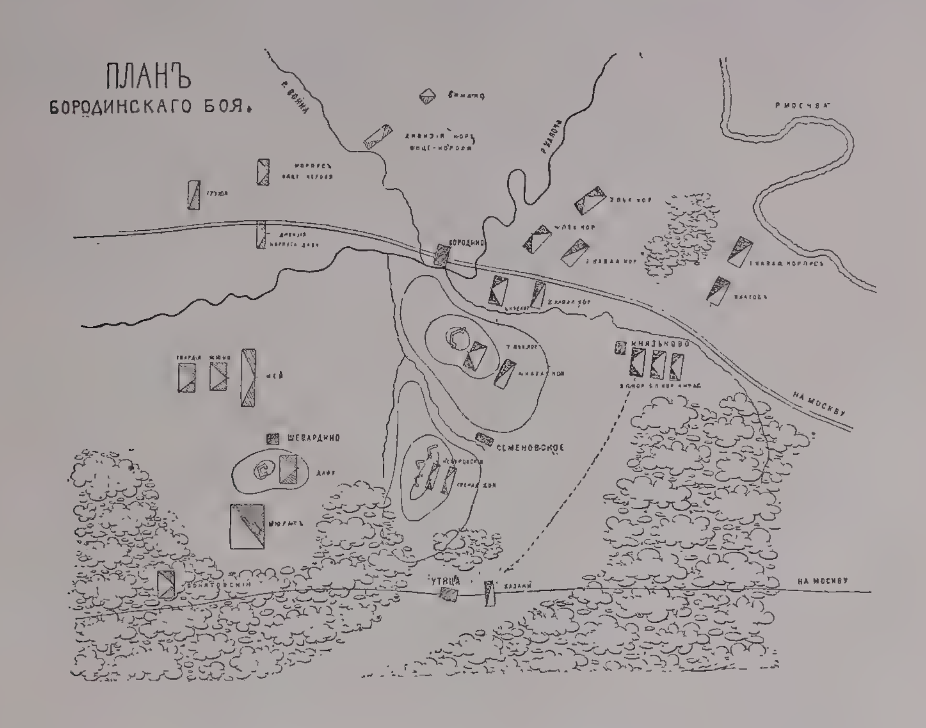
---

[1]) Въ настоящее время на мѣстѣ «Семеновскихъ или Багратіоновыхъ флешей» сооруженъ Бородинскій женскій монастырь, воздвигнутый вдовою генерала Тучкова надъ прахомъ ея мужа, убитаго на одной изъ флешей. На курганѣ батареи Раевскаго выросла роща; тутъ же высится величественный памятникъ воинамъ, павшимъ въ сраженіи, и помѣщается могила князя Багратіона.

рамъ орудій, мы имѣли перевѣсъ. При сравненіи силъ обѣихъ сторонъ необходимо принять во вниманіе, что въ нашихъ рядахъ было не менѣе 15 тысячъ едва обученныхъ рекрутъ; у Наполеона же всѣ люди были наилучшими, болѣе выносливыми и закаленными изъ всего состава «великой арміи».

Согласно отданнаго Кутузовымъ, 24 августа, приказа для боя, первоначальное расположеніе нашихъ войскъ было слѣдующее:

Правое крыло и центръ (средину) позиціи занимала 1-я армія Барклая-де-Толли. Направо отъ деревни Горокъ, вдоль праваго бе-

рега Колочи, стали корпуса 2-й и 4-й, подъ общимъ начальствомъ генерала *Милорадовича;* вмѣстѣ со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ они составили правое крыло. Центромъ командовалъ генералъ *Дохтуровъ*, занимая высоту у д. Горки вплоть до батареи Раевскаго; подъ его начальствомъ были корпуса 6-й пѣхотный и 3-й кавалерійскій. Лѣвое крыло составляла 2-я армія князя Багратіона, при чемъ отъ батареи Раевскаго включительно до Семеновскихъ флешей позицію занималъ 7-й корпусъ (Раевскаго) и 4-й кавалерійскій корпусъ. Высоту съ Семеновскими флешами обороняла сводная гренадерская дивизія Воронцова (8-го корпуса).

Въ каждомъ изъ пѣхотныхъ корпусовъ боевой линіи обѣ дивизіи стояли рядомъ, одна возлѣ другой, а въ каждой дивизіи полки были построены въ батальонныхъ колоннахъ въ двѣ линіи на такихъ промежуткахъ, чтобы имѣть мѣсто для развертыванія. Почти за каждымъ пѣхотнымъ корпусомъ стоялъ кавалерійскій, построенный въ двѣ линіи, въ развернутомъ строю. Егерскіе полки были разсыпаны передъ фронтомъ позиціи и въ кустахъ по направленію къ старой Смоленской дорогѣ, а на правомъ крылѣ—въ лѣсу близъ р. Москвы. Село Бородино заняли три батальона гвардейскихъ егерей. Правый флангъ и теченіе рѣки Колочи наблюдались 5-ю казачьими полками, а лѣвый флангъ, близъ дер. Утицы,—6-ю казачьими полками. Уступомъ за правымъ флангомъ, скрытно за рощей, расположились 1-ый кавалерійскій корпусъ Уварова и 9 казачьихъ полковъ Платова.

Кромѣ перечисленныхъ войскъ, имѣлись сильные резервы. У деревни Князьковой—главный резервъ, изъ 3-го и 5-го (гвардія) пѣхотныхъ корпусовъ и 1-й кирасирской дивизіи; за д. Семеновкой—частный резервъ 2-й арміи (2-я гренадерская дивизія 8-го корпуса). Кромѣ того, у деревни Псаревой, въ самомъ тылу позиціи, былъ артиллерійскій резервъ (около 300 орудій).

Передовую позицію у Шевардина заняли 14 батальоновъ и 38 эскадроновъ князя Горчакова, которые потомъ должны были отступить на главную позицію и войти въ составъ ея лѣваго фланга.

Французская армія, оттѣснивъ отъ Колоцкаго монастыря Коповницына, подходила къ Бородину въ трехъ колоннахъ. Корпусъ Понятовскаго шелъ по старой Смоленской дорогѣ, т.-е. черезъ деревню Ельню. Главныя силы шли по новой Смоленской дорогѣ, вдоль лѣваго берега Колочи, а корпусъ вице-короля шелъ еще сѣвернѣе. Какъ только передовыя войска французовъ приблизились къ деревнѣ Валуевой, наши егеря открыли по нимъ съ боку сильный огонь.

Тотчасъ же самъ Наполеонъ приказалъ тремъ пѣхотнымъ дивизіямъ корпуса Даву и двумъ кавалерійскимъ корпусамъ свернуть съ дороги и атаковать Шевардинскую позицію съ сѣвера, а корпусу Понятовскаго продолжать движеніе по старой Смоленской дорогѣ и содѣйствовать этой атакѣ обходомъ слѣва.

На Шевардинскую позицію было направлено около 35 тысячъ человѣкъ, противъ 11 тысячъ русскихъ.

Головная дивизія корпуса Даву овладѣла деревней Фомкина. Конница, отойдя назадъ, переправилась черезъ Колочу выше Фомкиной, а другія 2 дивизіи перешли ту же рѣчку у деревни Алексинки. Егерей нашихъ потѣснили назадъ. Впереди Фомкиной французы выставили сильныя батареи, открывшія огонь по редуту. Въ то же время

со стороны Ельни появился Понятовскій и началъ тѣснить егерей на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Нѣсколько смѣлыхъ атакъ нашей конницы задержали отчасти наступленіе противника; но все же поляки обошли егерей, захватили деревню Доронино и, продвинувшись впередъ, стали поражать редутъ артиллеріей съ близкаго разстоянія.

Въ то же время дивизія Даву отъ Алексинокъ атаковала деревню Шевардино. Отчаянная борьба закипѣла вокругъ редута, но одновременные удары съ трехъ сторонъ превосходныхъ силъ непріятеля, въ концѣ-концовъ, взяли верхъ: около 8 часовъ вечера редутъ и д. Шевардино, несмотря на геройское сопротивленіе защитниковъ, очутились въ рукахъ французовъ.

Князь Багратіонъ лично сталъ во главѣ 2-й гренадерской дивизіи и повелъ ее отбивать редутъ. Французы пытались помѣшать этой атакѣ, ударивъ гренадеръ во флангъ. Но наша конница молодецки атаковала ихъ и захватила у французовъ двѣ пушки. Съ наступленіемъ ночи бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ. Шевардинскій редутъ остался въ нашихъ рукахъ, и войска наши отошли на главную позицію утромъ 25 числа только по приказанію Кутузова. Причиною было появленіе значительныхъ силъ непріятеля на старой Смоленской дорогѣ, которыя могли бы отрѣзать редутъ отъ своихъ. Да и редутъ былъ почти разрушенъ огнемъ артиллеріи и не представлялъ цѣнности для обороны.

Потери каждой стороны достигали 4—6 тысячъ человѣкъ.

Бой за Шевардинскій редутъ до нѣкоторой степени раскрывалъ намъ намѣренія Наполеона; можно было съ увѣренностью предполагать, что великій полководецъ обрушится на насъ на южномъ берегу Колочи. Естественно поэтому, что Кутузовъ позаботился объ усиленіи нашего лѣваго крыла.

Онъ перевелъ туда изъ общаго резерва 3-й пѣхотный корпусъ ген. Тучкова 1-го и поставилъ за нимъ 7 тыс. московскихъ ратниковъ. Остальные ополченцы были распредѣлены для поданія помощи раненымъ.

Изъ войскъ, оборонявшихъ Шевардино, 27-я дивизія стала за Семеновскими флешами, а лѣсъ и кусты между ними и 3-мъ корпусомъ заняли 5 егерскихъ полковъ князя Шаховскаго и служили какъ бы связью между этими двумя участками. Остальныя части войска остались на прежнихъ мѣстахъ.

Французы провели ночь съ 24 на 25 августа въ такомъ положеніи: три дивизіи Даву кругомъ Шевардина, резервная конница Мюрата—между Шевардинымъ и р. Колочой; корпусъ Понятовскаго—между дд. Ельня и Доронино. Вице-король Евгеній со своими корпусами

былъ въ виду села Бородина, а всѣ прочія войска—по обѣ стороны Валуева.

Весь день 25 августа обѣ стороны посвятили приготовленіямъ къ рѣшительному бою. На разсвѣтѣ Наполеонъ отправился лично на развѣдку нашей позиціи и почти цѣлый день не слѣзалъ съ лошади.

Для рѣшительнаго удара онъ избралъ средній участокъ нашей позиціи, отъ батареи Раевскаго до Семеновскихъ флешей включительно. Для отвлеченія вниманія нашего предварительный ударъ долженъ былъ быть направленъ на село Бородино; атака же на Утицу должна была, съ одной стороны, привлекать наши силы, а съ другой—помогать атакѣ флешей обходомъ ихъ слѣва. По овладѣніи флешами всѣ усилія должны были быть направлены въ самую средину нашей позиціи, на батарею Раевскаго, чтобы *прорвать* наше расположеніе.

На Семеновскія флеши съ фронта (съ лицевой стороны) должны были двинуться 3 дивизіи корпуса Даву, корпуса Нея и Жюно, при содѣйствіи трехъ корпусовъ резервной конницы. Вспомогательную атаку слѣва на Утицу долженъ былъ вести Понятовскій. Атаковать село Бородино поручалось вице-королю италіанскому, послѣ чего онъ долженъ былъ обрушиться съ сѣвера на батарею Раевскаго; его корпусъ былъ усиленъ двумя дивизіями Даву и корпусомъ конницы. Вся гвардія Наполеона осталась въ общемъ резервѣ, близъ Доронина.

Для поднятія духа своихъ войскъ, Наполеонъ издалъ слѣдующій широковѣщательный приказъ, который читался во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ на разсвѣтѣ 26 августа:

«Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ при р. Москвѣ».

Огромные костры пылали по всему пространству, занятому французами; криками восторга привѣтствовали солдаты французской гвардіи портретъ сына Наполеона, выставленный у ставки Императора.

Совершенно иную картину представлялъ русскій лагерь. Сознавая громадную важность наступающаго дня, войска въ полной тишинѣ благоговѣйно готовились къ смерти. Настроеніе было спокойное и торжественное. По распоряженію Кутузова, по рядамъ войска обносили чудотворную Смоленскую икону Божьей Матери, передавшую нашимъ войскамъ при отступленіи отъ Смоленска.

Молебенъ на канунѣ Бородинскаго боя передъ Смоленской иконой Божіей Матери. (Съ рисун. проф. П. О. Ковалевскаго).

Самъ Кутузовъ, на виду всѣхъ, колѣнопреклоненно молился и приложился къ св. иконѣ.

Въ продолженіе дня Кутузовъ неоднократно подъѣзжалъ къ полкамъ, простыми, искренними словами говорилъ съ солдатами, ободряя ихъ къ предстоявшему подвигу. Слова любимаго вождя изъ устъ въ уста передавались по всей арміи, укрѣпляя общую готовность положить жизнь свою за Царя и Родину.

Солдаты отказывались сами отъ положенной чарки водки и говорили:

— Не къ тому готовимся, не такой завтра день.

Всѣ одѣлись въ чистыя рубашки и съ упованіемъ ожидали страшнаго, кровопролитнаго дня, даже съ неохотой разводя костры.

...Тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ...

(«Бородино», Лермонтова).

ГЛАВА VII.

«День Бородина».—Подробный ходъ сраженія и его значеніе.

Въ теченіе всего боя, 26 августа, Наполеонъ со своимъ штабомъ находился, большею частью, впереди Шевардинскаго редута. Въ немъ незамѣтно было обычной рѣшимости. Великій полководецъ не появлялся лично, какъ бывало прежде, во всѣ тѣ мѣста, гдѣ нужно было склонить на свою сторону колебавшуюся побѣду. Объясняютъ это захваченной имъ простудой; но очень можетъ быть, что серьезность положенія и грозный противникъ лишали его обычной увѣренности въ себѣ.

Кутузовъ со своимъ штабомъ до самаго конца боя находился на высотѣ у деревни Горки. Его неизмѣнное спокойствіе дѣйствовало ободряюще на войска, вселяя въ нихъ увѣренность въ себя и свои силы.

Въ исходѣ 6-го часа утра, открыла огонь французская артиллерія, сосредоточенная противъ Семеновскихъ флешей. Вслѣдъ за тѣмъ начали дѣйствовать и батареи, расположенныя противъ центра и села Бородина. Подъ прикрытіемъ этого огня, непріятель одновременно сдвинулся въ атаку на село Бородино и на Семеновское.

М. И. Кутузовъ въ Бородинскомъ бою.

Скрытыя густымъ утреннимъ туманомъ, войска вице-короля атаковали Бородино сразу съ фронта и съ сѣверной стороны, въ томъ направленіи, котораго мы не ожидали. Гвардейскіе егеря, послѣ отчаянной кровопролитной схватки, очистили селеніе и отошли за Колочу, но ихъ поддержали другіе егерскіе полки. Французовъ отбросили снова на сѣверный берегъ, а мостъ уничтожили. Вице-король оставилъ часть силъ своихъ въ Бородинѣ и у д. Беззубово, а для остальныхъ приказалъ наводить, выше Бородина, мосты.

На Семеновскія флеши ударили двѣ дивизіи Даву; третья пока оставалась въ резервѣ. Французамъ пришлось выходить изъ лѣса

Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.
(Съ карт. В. В. Верещагина).

всего въ 800 шагахъ отъ нашихъ батарей, которыя встрѣтили врага жестокой картечью, при содѣйствіи бокового огня разсыпанныхъ егерей. Нѣсколько разъ наши отбрасывали французовъ въ лѣсъ. Наконецъ, противнику удалось взять нашу крайнюю лѣвую флешь; но кн. Багратіонъ ввелъ въ дѣло нѣсколько свѣжихъ батальоновъ, и врагъ былъ не только выбитъ, но даже наша конница преслѣдовала его. Самъ маршалъ Даву, во время бѣгства своихъ войскъ, пытался возстановить среди нихъ порядокъ и, контуженный ядромъ, упалъ съ лошади.

Тогда французы сосредоточили для новой атаки флешей подавляющія силы; кромѣ дивизій Даву, двинутъ былъ весь корпусъ Нея

и масса конницы: всего 6 пѣхотныхъ дивизій, 3 кавалерійскихъ корпуса и 2 кавалерійскихъ дивизіи да 120 орудій, изрыгавшихъ огненную смерть на это роковое мѣсто...

Князь Багратіонъ видѣлъ грозившую бѣду и принялъ мѣры, чтобы стянуть къ себѣ побольше силъ. Герой ввелъ въ боевую линію всѣ бывшія у него позади войска (24-ю гренадерскую и 24-ю кирасирскую дивизіи); всю артиллерію изъ резерва притянулъ на позицію; наконецъ, Раевскій получилъ приказаніе передвинуть къ флешамъ всѣ батальоны 2-й его линіи, а Тучковъ 1-й, хотя не былъ подчиненъ главнокомандующему 2-й арміи, получилъ распоряженіе отрядить туда же отъ Утицы 3-ю дивизію Коновницына. Кромѣ того, Багратіонъ послалъ къ Барклаю-де-Толли за подкрѣпленіями, вслѣдствіе чего съ праваго фланга былъ двинутъ къ флешамъ 2-й пѣхотный корпусъ Багговута и нѣсколько полковъ конницы, а изъ общаго резерва — 3 полка гвардіи (Измайловскій, Литовскій и Финляндскій), 3 полка кирасиръ, 8 гренадерскихъ батальоновъ и 3 роты артиллеріи.

Но эти подкрѣпленія могли поспѣть только часа черезъ 2, т.-е. въ десятомъ часу, а уже около 8-и часовъ корпусъ Нея, подготовивъ себѣ атаку артиллерійскимъ огнемъ, ворвался во флеши, почти совершенно истребивъ первыхъ геройскихъ ихъ защитниковъ, гренадеръ сводной дивизіи... «Мое сопротивленіе не могло быть продолжительно (писалъ впослѣдствіи Воронцовъ): моя дивизія исчезла не *съ поля* сраженія, а *на полѣ* сраженія».

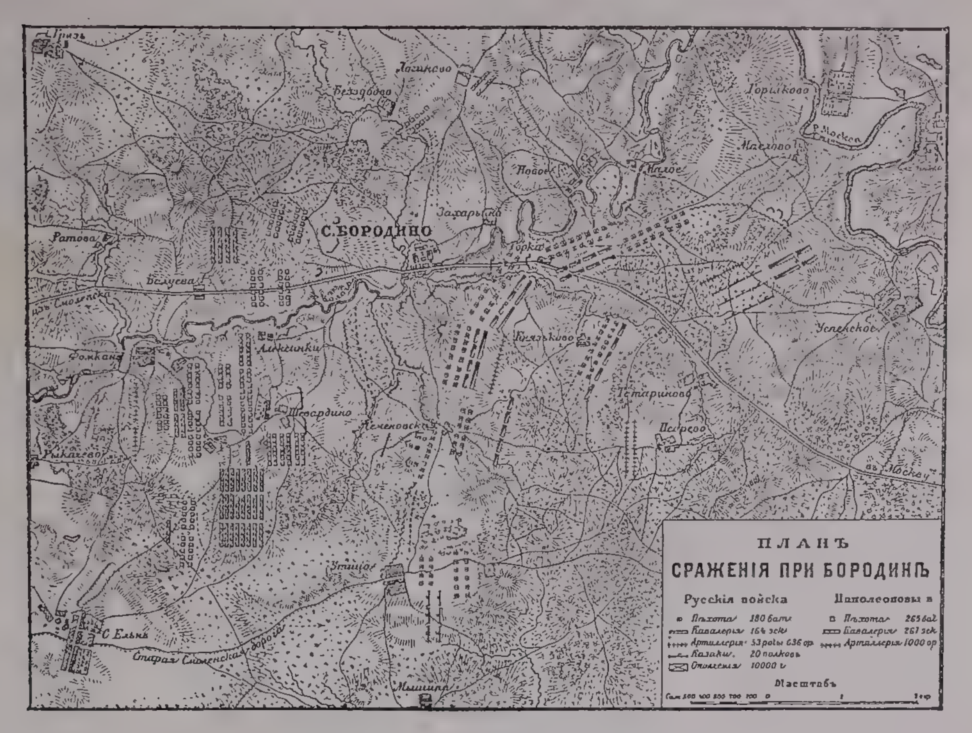
Тотчасъ же князь Багратіонъ бросилъ на противника все, что имѣлъ подъ рукою, прихвативъ и только что прибывшіе батальоны Раевскаго. Нашу пѣхоту встрѣтила конница Мюрата, но ее опрокинули наши кирасиры и, преслѣдуя непріятельскую конницу, ворвались въ окопы. Самъ Мюратъ едва ускользнулъ отъ плѣна. Молодцы-кирасиры захватили у противника 6 орудій.

Въ 10 часовъ, французы въ третій разъ, послѣ новаго отчаяннаго штыкового боя (во время котораго ранены кн. Горчаковъ и Невѣровскій), овладѣли флешами. Но подходившая 3-я пѣхотная дивизія Коновницына, съ кромкимъ «ура» и барабаннымъ боемъ, бросилась на врага и вытѣснила его изъ флешей.

Наполеонъ получилъ извѣстіе о взятіи флешей въ 9 часовъ и, полагая, что поддержка корпуса Жюно тамъ болѣе не потребуется, направилъ его въ промежутокъ между флешами и старой Смоленской дорогой, для поддержки связи съ Понятовскимъ. Здѣсь находился лѣсъ, занятіе котораго позволило французамъ дѣйствовать въ охватъ обѣихъ позицій нашихъ, какъ у Семеновскаго, такъ и у

Утицы. Къ счастью, Жюно двигался такъ медленно, что наши подкрѣпленія къ флешамъ успѣли подойти раньше.

И Наполеонъ скоро узналъ, что мы отбили флеши. Ней просилъ свѣжихъ войскъ. Великій полководецъ не сразу рѣшился удовлетворить эту просьбу. Такое упорное сопротивленіе непріятеля было для него дѣломъ необычнымъ. Наконецъ, Наполеонъ отправилъ туда дивизію, которая двинулась только въ 11-мъ часу, что, конечно, вредно отразилось для французовъ на ходѣ дѣла у Семеновскихъ флешей.

Планъ сраженія при Бородинѣ.

Съ прибытіемъ этой дивизіи непріятель имѣлъ здѣсь 26 тысячъ противъ 18 тысячъ русскихъ. Огромныя батареи изрыгали огонь. Отъ пушечнаго гула дрожала вся окрестность. Войска обѣихъ сторонъ соперничали въ самоотверженіи. Во время четвертой атаки флешей мы понесли невознаградимую потерю: былъ смертельно раненъ кн. Багратіонъ, «генералъ по образу и подобію Суворова», какъ называлъ его графъ Растопчинъ, московскій главнокомандующій.

Въ 11 часовъ дня, французы снова овладѣли флешами, но были выбиты опять и отогнаны до самаго лѣса. До прибытія ген. Дохтурова, которому Кутузовъ ввѣрилъ начальство надъ второю арміей, старшимъ

генераломъ у Семеновскихъ флешей оставался Коновницынъ, и на него легла вся тяжесть этихъ послѣднихъ усилій. Въ половинѣ 12-го, французы снова бросились на флеши. Изнеможеніе нашихъ войскъ, гибель многихъ начальниковъ, наконецъ, оттѣсненіе корпусомъ Жюно егерей Шаховскаго въ Утицкомъ лѣсу,—все это заставило Коновницына окончательно уступить флеши французамъ и отойти за оврагъ Семеновскій. Отступленіе произошло въ полномъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ, выставленныхъ вдоль оврага сильныхъ батарей и прибывшихъ изъ главнаго резерва трехъ гвардейскихъ полковъ: Измайловскаго, Литовскаго и Финляндскаго.

За Семеновскимъ оврагомъ на лѣвомъ флангѣ расположились гвардейскіе полки, между ними и деревней Семеновской—3-я пѣхотная дивизія, а остатки 2-й гренадерской дивизіи заняли уцѣлѣвшую часть деревни и возвышенность сѣвернѣе ея; еще правѣе стали остатки 27-й дивизіи.

Французы установили на взятыхъ ими высотахъ многочисленную артиллерію и, закрѣпивъ ихъ этимъ за собою, атаковали пѣхотой деревню Семеновскую, но безуспѣшно. Тогда Мюратъ, посовѣтовавшись съ Неемъ, рѣшилъ ввести въ дѣло кавалерійскія массы. Дѣйствіе артиллеріи было очень губительно для насъ, такъ какъ западный берегъ оврага выше восточнаго и дугой охватывалъ нашу новую позицію. Уронъ оказался настолько большимъ, что, напримѣръ, Литовскій полкъ менѣе, чѣмъ въ часъ, изъ 1740 чел. потерялъ 956 выбывшими изъ строя.

И на эту-то подверженную столь жестокому огню пѣхоту обрушилась многочисленная масса всадниковъ, подъ которыми задрожала земля. Одинъ кавалерійскій корпусъ (ген. Нансути) перешелъ оврагъ выше д. Семеновки; онъ былъ встрѣченъ почти въ упоръ картечью нашей артиллеріи; гвардія же, смѣшавшись съ остатками гренадеръ свѣжей дивизіи, построила 6 карре [1]), въ одномъ изъ которыхъ находился самъ Коновницынъ. Эта геройская пѣхота открыла такой жестокій огонь по французской конницѣ, что всѣ повторныя атаки грозныхъ латниковъ, прозванныхъ Наполеономъ «желѣзными людьми», не имѣли никакого успѣха.

Солдаты Литовскаго полка такъ остервенились, что съ криками «ура» сами бросались въ штыки на непріятельскую конницу. Наши артиллеристы осыпали чугуннымъ градомъ французскихъ кавалеристовъ до послѣдней возможности, а затѣмъ отбивались отъ нихъ

---

[1]) Такъ называется четыреугольное построеніе войскъ, въ которомъ послѣднія обращены лицомъ во всѣ четыре стороны.

банниками. Устроившаяся у лѣса наша 2-я кирасирская дивизія, въ свою очередь, обрушилась на отбитыхъ французовъ и преслѣдовала ихъ.

Другой кавалерійскій корпусъ (Латуръ-Мобура) нѣсколько задержался, будучи направленъ сѣвернѣе Семеновки, гдѣ переходъ черезъ ручей болотистъ. Но здѣсь наша артиллерія была слишкомъ отодвинута отъ края оврага и потому не могла поражать, какъ слѣдуетъ, конницу противника. Головные эскадроны ея, перебравшись черезъ оврагъ, прежде всего бросились на ближайшую батарею и опрокинули прикрытіе изъ гренадеръ. Французы обскакали дер. Семеновскую и даже ударили въ тылъ гвардейскимъ карре. Но въ эту минуту генералъ Бороздинъ 2-й, съ 3-мя кирасирскими полками 1-й кирасирской дивизіи, какъ буря, налетѣлъ на непріятельскихъ латниковъ, разгромъ которыхъ былъ довершенъ ударомъ во флангъ подоспѣвшихъ Ахтырскихъ гусаръ...

Ген.-лейт. Н. А. Тучковъ 1-й.

Зато, пока шла сшибка кавалеріи, пѣхота французовъ безнаказанно успѣла завладѣть развалинами деревни Семеновской и заставила нашу пѣхоту отойти отъ оврага на пушечный выстрѣлъ, гдѣ она и продержалась до конца сраженія. Сильныя батареи, выставленныя маршаломъ Неемъ у д. Семеновской, продолжали громить остатки этихъ войскъ, разстройство которыхъ, къ счастью, не было замѣчено французами вслѣдствіе обилія порохового дыма и столбовъ пыли, поднятой кавалеріей. Маршалы Даву, Ней и Мюратъ, войска которыхъ понесли тоже ужасныя потери и были въ конецъ истомлены безпрерывными атаками, не чувствовали себя въ силахъ довершить одержанный съ такимъ трудомъ полу-успѣхъ, и просили Наполеона подкрѣпить ихъ свѣжими силами. Наполеонъ, скрѣпя сердце, двинулъ одну дивизію молодой гвардіи, но только до ручья Каменки.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось на старой Смоленской дорогѣ. Понятовскій началъ свои дѣйствія раньше другихъ; но движеніе его по лѣсу (несмотря на побужденія Наполеона) происходило такъ медленно, что только къ 8 часамъ онъ подошелъ къ Утицѣ, которою и овладѣлъ довольно быстро, сбивъ нашихъ егерей. Тучковъ 1-й, оставшійся съ одною только 1 гренадерской дивизіей (Коновницынъ уже былъ отпра-

вленъ по призыву Багратіона), сталъ за Утицей, уперевъ лѣвый флангъ въ высокій курганъ. Понятовскій не зналъ о слабости бывшихъ передъ нимъ силъ. Онъ долго ограничивался одною канонадою. Только съ подходомъ, съ сѣверной стороны, войскъ Жюно (около 10 ч. 30 минутъ утра), польскій корпусъ атаковалъ Тучкова и овладѣлъ курганомъ. Но тутъ подоспѣла къ Тучкову часть 2-го корпуса Багговута, передвинутаго съ праваго крыла, и онъ тотчасъ же перешелъ въ наступленіе, выбилъ поляковъ съ высоты, занялъ ее нашей артиллеріей и отогналъ къ Утицѣ. Вслѣдствіе смертельной раны Тучкова I-го начальство здѣсь принялъ генералъ Багговутъ.

Перейдемъ къ лѣвому флангу французовъ. Вице-король Евгеній утвердился въ Бородинѣ и повелъ около 10 часовъ утра атаку на главный укрѣпленный пунктъ центра нашей позиціи батарею Раевскаго.

Ген.-м. А. А. Тучковъ 4-й.

Казалось, минута для этого удара была выбрана весьма удачно: артиллерійскимъ огнемъ громили батарею уже нѣсколько часовъ. Семеновскія флеши только что (въ третій разъ) были взяты французами. Раевскій уже успѣлъ отправить свои резервы на помощь Багратіону (чего, впрочемъ, французы знать не могли).

Раевскій имѣлъ впереди разсыпанныхъ егерей. По обѣ стороны батареи стояло по 4 батальона пѣхоты, чтобы бить атакующаго врага во фланги; за батареей въ резервѣ находилось три егерскихъ полка, пришедшихъ на помощь изъ 6-го и 4-го корпусовъ.

Вице-король хотѣлъ напасть одною пѣхотной дивизіей на батарею Раевскаго со стороны села Бородина, т.-е. съ сѣвера, другою дивизіей—съ фронта, третью имѣть въ резервѣ, а конницею ударить съ южной стороны. Первая атака, съ сѣверной стороны, была отбита. Французы отошли и стали устраиваться въ оврагѣ. Вторично, въ 11-мъ часу, непріятель атаковалъ съ фронта и, воспользовавшись временнымъ недостаткомъ снарядовъ у нашей артиллеріи, ворвался на батарею... Этотъ крупный успѣхъ, если бы только французы здѣсь утвердились, сразу могъ повернуть сраженіе въ ихъ пользу: наша позиція была бы прорвана и войска подѣлены на двѣ отдѣльныя части. Уже третья дивизія вице-короля спѣшила на выручку. Въ свою очередь, у насъ квартирмейстеръ 1-й арміи Толь поскакалъ ко 2-му пѣхотному

корпусу, шедшему въ это время на лѣвый флангъ, и взялъ оттуда на помощь 4-ю дивизію принца Виртембергскаго.

Но еще прежде ея прибытія, дѣло спасъ генералъ Ермоловъ, начальникъ штаба 1-й арміи, который былъ посланъ Кутузовымъ провѣрить опасное положеніе 2-й арміи. Проѣзжая случайно мимо батареи Раевскаго, Ермоловъ замѣтилъ здѣсь полное смятеніе и увидѣлъ, что наши войска покидаютъ ее въ совершенномъ разстройствѣ. Тогда онъ приказалъ бывшей вблизи конной артиллеріи открыть огонь по французамъ; самъ же схватилъ первую попавшуюся подъ руку часть (это былъ 3-й батальонъ Уфимскаго полка) и повелъ впередъ. «Толпою въ образѣ колонны — какъ пишетъ самъ Ермоловъ—

Бой на батареѣ Раевскаго у Бородина.

ударили эти войска на непріятеля. Къ нимъ примкнули и другія, сосѣднія части. Ударъ этотъ ошеломилъ противника и далъ выигрышъ времени, необходимый для подхода дивизіи, приведенной Толемъ, и другой, присланной самимъ Барклаемъ-де-Толли, на смѣну Раевскому, измученныя войска котораго отведены были за конницу.

Французы потеряли здѣсь до трехъ тысячъ человѣкъ; израненный штыками бригадный генералъ Бонами былъ взятъ въ плѣнъ. Но мы понесли жестокую потерю въ лицѣ начальника артиллеріи 1-й арміи, графа Кутайсова. Его смерть, какъ говорилъ впослѣдствіи и самъ Кутузовъ, была несомнѣнною причиною того, что многія наши батареи такъ и остались до конца боя въ резервѣ. Вообще, въ Бородин-

скомъ бою наша артиллерія не выказала въ полной мѣрѣ всей своей силы.

Такимъ образомъ, около полудня побѣда была блестяще вырвана изъ рукъ врага. Послѣ 6 часовъ упорнаго боя мы удержали почти всѣ свои позиціи, у села Бородина и Семеновскихъ флешей.

Въ первомъ часу дня, Наполеонъ готовился къ третьей атакѣ батареи Раевскаго, и намѣревался поддержать вице-короля молодою гвардіей, находя, что битва уже достаточно назрѣла для рѣшительнаго удара.

Но этотъ ударъ оказался отсроченнымъ на цѣлыхъ 2 часа благодаря совершенно непредвидѣннымъ для противника дѣйствіямъ нашей конницы на лѣвомъ берегу Колочи...

Артил. ген.-м. гр. Кутайсовъ.
(Грав. Кардели).

Платовъ, съ самаго ранняго утра, посылалъ уже разъѣзды, чтобы отыскать броды на Колочѣ, при чемъ убѣдился, что у Бородина осталось французовъ весьма немного. Тогда онъ испросилъ у Кутузова разрѣшенія перейти съ конницей въ бродъ Колочу и атаковать противника въ обходъ съ лѣваго крыла. Главнокомандующій далъ согласіе и приказалъ Платову съ 9 казачьими полками ($3^1/_2$ тыс.) и съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Уварова ($2^1/_2$ тыс), напасть на лѣвый флангъ противника съ тыла, дабы отвлечь его вниманіе отъ нашего центра.

Около полудня вся эта конница перешла Колочу близъ с. Малаго и двинулась къ р. Войнѣ: Уваровъ—въ направленіи на Беззубово, а Платовъ—еще выше по теченію р. Войны.

У Беззубова находились 84-й французскій пѣхотный полкъ и легкая кавалерійская бригада Орнано. Конница эта тотчасъ же укрылась за Беззубовскую плотину, а пѣхота построилась передъ плотиною въ карре. Уваровъ приказалъ атаковать его, не обстрѣлявъ предварительно артиллеріей. При атакѣ наши были отбиты. Когда же заговорили наши орудія, тотчасъ же 84-й франц. полкъ быстро

отошелъ за плотину. Но атаковать его безъ пѣхоты Уваровъ не рѣшился, тѣмъ болѣе, что вице-король уже стягивалъ сюда сильныя пѣхотныя подкрѣпленія.

Платовъ переправился выше Беззубова; казаки его по кустамъ разсыпались между непріятельскими обозами и колоннами, зашли даже имъ въ тылъ и произвели своимъ появленіемъ огромный переполохъ.

Смятеніе и бѣгство въ обозахъ замѣтилъ самъ Наполеонъ, какъ разъ въ то время, когда онъ собиралъ войска, для рѣшительнаго удара на батарею Раевскаго.

Узнавъ о нападеніи въ тылъ лѣваго крыла своего, императоръ французовъ пріостановилъ наступленіе на батарею Раевскаго и направилъ часть силъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, а самъ поскакалъ на большую дорогу. Здѣсь уже ему донесли объ отходѣ нашей конницы назадъ.

Гр. Ѳ. П. Уваровъ.

Такимъ образомъ ощутительныхъ послѣдствій молодецкій поискъ Платова и Уварова, казалось, не имѣлъ. Но онъ произвелъ огромное вліяніе на весь ходъ сраженія, такъ какъ благодаря ему Наполеонъ *отсрочилъ нанесеніе рѣшительнаго удара.*

Эта двухчасовая отсрочка дала возможность подойти къ батареѣ Раевскаго, прежде всего, 4-му корпусу графа Остермана-Толстого; 4-я дивизія принца Виртембергскаго была выдвинута въ промежутокъ между батареей и д. Семеновскимъ.

Изъ общаго резерва пришли полки Преображенскій и Семеновскій, а также Кавалергардскій и Л.-гв. Конный. Ожидалось прибытіе 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ.

Впереди, за батареей и налѣво отъ нея, сталъ 4-ый корпусъ, принявъ въ себя остатки 7-го. Сзади, въ частныхъ резервахъ, были Преображенцы и Семеновцы; конница находилась за ними; правѣе батареи, до д. Горки, стали части 6-го корпуса. Артиллеріи было до 100 орудій.

Въ 2 часа, дня Наполеонъ успокоился за свой лѣвый флангъ и приказалъ возобновить намѣченный имъ рѣшительный ударъ на батарею, одновременно съ фронта и на оба фланга. Болѣе 150 орудій, съ фронта и со стороны Бородина и Семеновскаго, перекрестнымъ убійственнымъ огнемъ подготовляли грозную атаку.

Батарея Раевскаго, валы которой къ этому времени уже почти осыпались, продолжала неустанно жерлами своихъ орудій изрыгать смерть. Первыми ударили на нее кирасиры, которые проскакали мимо батареи и опрокинули въ оврагъ части 6-го корпуса; одинъ же полкъ ихъ прямо пронесся черезъ осыпавшійся валъ укрѣпленія. Пѣхота наша своимъ огнемъ заставила кирасиръ отскакать. Но надвигались новыя массы конницы, которыя окружили батарею съ трехъ сторонъ. Снова саксонскіе кирасиры ворвались внутрь ея, а прочая конница атаковала наши пѣхотныя карре.

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ...

(«Бородино», Лермонтова).

Подъ прикрытіемъ этихъ кавалерійскихъ атакъ французская пѣхота могла безнаказанно приблизиться къ батареѣ и захватить ее.

Защитникъ батареи, генералъ Лихачевъ, не имѣя болѣе надежды отстоять ее, бросился въ толпу непріятеля, ища смерти, и былъ весь исколотъ. Но враги узнали въ немъ русскаго генерала и пощадили.

Наша пѣхота начала отступать. Массы непріятельской конницы ринулись съ новымъ пыломъ на нашихъ истомленныхъ героевъ.

Польскіе уланы налетѣли на одну изъ нашихъ батарей... Находившійся здѣсь начальникъ артиллеріи 6-го корпуса генералъ Костенецкій, отличавшійся необыкновенною силою, самъ схватилъ банникъ и, съ помощью артиллеристовъ, отбилъ орудія отъ непріятеля [1])...

Но на выручку уже летѣли наши кавалергарды и конная гвардія, а за ними части 2 и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ съ ихъ конной артиллеріей... Заварилась позади батареи Раевскаго упорная и долгая кавалерійская свалка... Атаки слѣдовали одна за другою, съ

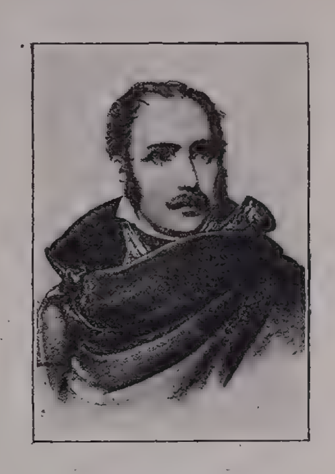
---

[1]) Впослѣдствіи Костенецкій вошелъ съ предложеніемъ ввести въ артиллерію желѣзные банники, на что Императоръ Александръ отвѣчалъ: «желѣзные банники у Меня могутъ быть, но откуда взять Костенецкихъ, чтобы владѣть ими?»

перемѣннымъ успѣхомъ... Истомленные эскадроны не могли уже скакать и бросались другъ на друга на рысяхъ... Самъ Барклай-де-Толли со своимъ штабомъ былъ вовлеченъ въ пылъ битвы и вынужденъ былъ обнажить шпагу для собственной защиты. Лошади павшихъ всадниковъ цѣлыми табунами носились по полю.

Пока вице-король утверждался на занятой батареѣ, русская пѣхота, выученная своею конницей, отошла на 400 саженъ и, примкнувъ правымъ флангомъ къ деревнѣ Горкамъ, устроилась въ порядкѣ.

Къ этому же времени, т.-е. около 4 часовъ дня, корпусу Жюно удалось, наконецъ, одержать верхъ въ Утицкомъ лѣсу надъ нашими егерями, поддержанными 17-й дивизіей. Теперь Жюно сталъ угрожать правому флангу Багговута. Послѣдній тоже отошелъ на версту по старой Смоленской дорогѣ, расположившись такимъ образомъ на одной высотѣ съ прочими войсками.

Евгеній, вице-король итальянскій.

Въ общемъ, наша армія къ 6 часамъ вечера была въ слѣдующемъ положеніи: 6-й корпусъ — у Горокъ; къ нему, подъ угломъ, примыкали остатки 4-го и 7-го корпусовъ. Еще лѣвѣе (между д. Семеновской и Псарево) находились остатки 2-й арміи, южнѣе которыхъ, по обѣ стороны старой Смоленской дороги, 3-й корпусъ и большая часть 2-го корпуса. Конница была за пѣхотой. У д. Князькова—остатки 5-го корпуса и у Псарева—остатки артиллерійскаго резерва, часть котораго была, повидимому, введена въ дѣло.

Расположеніе наше не представляло выгодъ для обороны. Сзади него, почти параллельно, тянулась Московская дорога, путь нашего отступленія. Но наши герои, несмотря на ужасныя потери, стояли твердо и грозно, въ ожиданіи новаго боя. Маршалы неотступно просили Наполеона ввести въ дѣло послѣдній резервъ, гвардію. Наполеонъ самъ поскакалъ къ сражавшимся войскамъ. Вѣроятно, внушительный видъ русскихъ рядовъ не произвелъ на него такого впечатлѣнія, что бы однимъ свѣжимъ натискомъ можно было окончательно сломить ихъ.

— Не хочу разстроить мою гвардію,—отвѣчалъ онъ.—За три тысячи верстъ отъ Франціи нельзя рисковать своимъ послѣднимъ резервомъ.

Наступленія гвардіи ожидали и у насъ. Оно могло бы, пожалуй, имѣть для насъ невыгодныя послѣдствія, такъ какъ мы не имѣли болѣе свѣжихъ силъ, кромѣ необученнаго ополченія. Но для Наполеона

пускать свою гвардію безъ увѣренности одержать рѣшительную побѣду равносильно было потерѣ всей кампаніи. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ еще не вся артиллерія была использована и что, несмотря на адскія потери, духъ русской арміи горѣлъ яркимъ свѣточемъ; французы же испытывали горькое разочарованіе.

Самъ Наполеонъ впослѣдствіи признавалъ, что «изъ пятидесяти сраженій, имъ данныхъ, въ битвѣ подъ Москвою (Бородино) выказано наиболѣе доблести и одержанъ наименьшій успѣхъ».

Кутузовъ остался доволенъ исходомъ сраженія.

— Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской,—сказалъ нашъ вождь.

По окончаніи битвы Кутузовъ издалъ распоряженіе возобновить бой на другой день. Но Толь, которому Кутузовъ поручилъ объѣхать войска 2-й арміи и осмотрѣть, въ какомъ они состояніи, убѣдился въ полной невозможности возобновить немедленно сраженіе.

Дѣйствительно, потери оказались страшными, при чемъ у французовъ онѣ были не менѣе нашихъ: у нихъ выбыло изъ строя до 50 тысячъ человѣкъ, т.-е. около $^{1}/_{3}$ всѣхъ силъ; у насъ—до 58 тыс., при чемъ во 2-й арміи изъ 34 тыс. выбыло 20 тыс. Въ сводной гренадерской дивизіи Воронцова осталось, напримѣръ, налицо всего на все *триста человѣкъ!*..

При такихъ условіяхъ въ нашей арміи оставалась годною къ строю едва половина силъ, дравшихся наканунѣ; нельзя было и помышлять о боѣ. Поэтому Кутузовъ, продолжая считать (и совершенно правильно) Бородинскій бой побѣдою русскаго оружія, отдалъ распоряженіе объ отступленіи къ Москвѣ и донесъ объ этомъ Государю въ такихъ выраженіяхъ:

«Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростью: батареи переходили изъ рукъ въ руки и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными силами. Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнаго, 15 часовъ продолжавшагося сраженія наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться и за потерею, въ сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстной; а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль, будучи устремлена на истребленіе французской арміи, я, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и, собравъ разстроенныя баталіей войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ уповаціи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную

храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля».

Рѣшивъ отступать къ Москвѣ, Кутузовъ, повидимому, еще и не помышлялъ о возможности отдать Москву французамъ безъ новаго боя.

Несмотря на огромность потерь и страшное напряженіе силъ сражавшихся, Бородинское сраженіе, казалось, существенно ни въ чемъ не измѣнило положенія обѣихъ воюющихъ сторонъ. Силы противниковъ остались въ томъ же соотношеніи. Наполеонъ, съ подошедшими подкрѣпленіями, сохранилъ еще до 100 тыс. человѣкъ, а у насъ, хотя и осталось не болѣе 50 тыс., годныхъ къ бою, но мы съ каждымъ шагомъ назадъ *сближались* съ источниками своего пополненія и питанія; между тѣмъ положеніе французовъ, отдалявшихся все болѣе и болѣе отъ источниковъ своихъ силъ и средствъ, а также отъ корпусовъ, выдвинутыхъ на фланги, должно было только ухудшаться. Расчеты Наполеона на отдыхъ и возможность пополнить силы и запасы свои въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе, совершенно не оправдались.

Являясь искупительною жертвою за предстоявшее неизбѣжное оставленіе Москвы, Бородинское сраженіе доставило патріотическому чувству арміи и народа полное удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ не побѣдилъ насъ. Онъ не получилъ ни обычныхъ трофеевъ, ни плѣнныхъ. Несмотря на громадныя потери, врагъ передъ нимъ оставался настолько грознымъ и несокрушимымъ, что въ самую ночь послѣ кровопролитнаго боя французы сочли болѣе осторожнымъ оставить захваченныя отъ насъ позиціи и отошли на прежнія мѣста, а Наполеонъ даже ночевалъ въ карре своей гвардіи!.. Отсюда видно, что сами французы предвидѣли возможность возобновленія битвы съ нашей стороны на другой день,—настолько великъ былъ нашъ геройскій отпоръ!

Русскіе не были сломлены, въ душу же французскихъ воиновъ запало сомнѣніе въ счастливомъ исходѣ кампаніи...

По мѣткому выраженію Ермолова, подъ Бородинымъ «французская армія расшиблась о русскую».

ГЛАВА VIII.

Отступленіе нашихъ войскъ къ Москвѣ.—Военный совѣтъ въ Филяхъ, 1 сентября. — Отступленіе нашей арміи на Рязанскую дорогу. — Распоряженія графа Растопчина. — Занятіе Москвы французами. — Донесеніе Кутузова Государю.—Разговоръ Императора Александра съ полковникомъ Мишо.—Французы въ Москвѣ.—Пожаръ Москвы и его значеніе.—Переходъ Кутузова на Калужскую дорогу и къ Тарутину.

Отступленіе нашей арміи отъ Бородина къ Москвѣ, начавшееся въ ночь на 27 августа, происходило въ полномъ порядкѣ, насколько

это возможно послѣ такого упорнаго и кровопролитнаго боя. Оно прикрывалось арьергардомъ, сперва подъ начальствомъ Платова, а потомъ—Милорадовича.

Кутузовъ выслалъ впередъ лучшихъ офицеровъ своего штаба, для выбора выгодной оборонительной позиціи. Такую позицію могли подыскать только подъ самою Москвою, впереди деревни Фили, но протяженіе ея, около 4 верстъ, было слишкомъ велико для нашей арміи, уже очень уменьшившейся въ числѣ послѣ Бородинскаго боя. Къ тому же, эта позиція была изрѣзана нѣсколькими оврагами, стѣснявшими сообщеніе, а отступленіе затруднялось въ тылу рѣкою съ крутыми, обрывистыми берегами. Осмотрѣвъ позицію и признавъ ее крайне-невыгодной, Кутузовъ убѣдился, что Москву придется оставить безъ новаго боя. Чтобы провѣрить настроеніе своихъ подчиненныхъ, фельдмаршалъ созвалъ къ 5 часамъ дня 1 сентября въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ главнокомандующій поставилъ вопросъ:

— Пока существуетъ армія, всегда есть еще надежда на успѣшный исходъ войны; съ потерей же арміи, будутъ потеряны не только Москва, но и Россія. Поэтому слѣдуетъ ли принимать бой въ невыгодныхъ условіяхъ или, сохранивъ армію, уступить безъ боя Москву?

Мнѣнія участниковъ совѣта раздѣлились. Беннигсенъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ, Ермоловъ стояли за принятіе сра-

Военный совѣтъ въ Филяхъ.
(Съ карт. Кившенко).

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ онарядьı, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

27 Августа, 1812. Графъ Растопчинъ.

Объявленіе гр. Растопчина о Бородинскомъ сраженіи.

женія подъ Москвой; Барклай-де-Толли, Остерманъ, Раевскій, Толь высказались за отступленіе.

Выслушавъ всѣ мнѣнія и давъ каждому высказаться, Кутузовъ сказалъ:

— Я вижу, что мнѣ придется платиться за все, но жертвую собою для блага Отечества. Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. Приказываю отступать.

Великій старецъ отдалъ приказъ объ отходѣ всѣхъ войскъ через Москву по Рязанской дорогѣ.

Участь Москвы была рѣшена.

По свидѣтельству состоявшаго при Кутузовѣ генерала Кайсарова, маститый нашъ вождь всю ночь не спалъ и нѣсколько разъ плакалъ, чувствуя горячо всю тягость приносимой жертвы.

Но эта жертва уготовила врагу вѣрную гибель. Пребываніе въ Москвѣ окончательно разслабило потрясенную Бородинскимъ уда-

ромъ французскую армію и превратило ее вскорѣ въ разнузданную толпу, утратившую способность повиноваться своимъ вождямъ и переставшую быть въ рукахъ полководца послушнымъ и грознымъ орудіемъ...

Еще съ конца іюля, по отъѣздѣ Государя изъ Москвы въ Петербургъ, населеніе Первопрестольной стало готовиться къ оборонѣ. Обыватели покупали оружіе; Московскій главнокомандующій графъ Растопчинъ учредилъ строгій надзоръ за иностранцами, возбуждалъ патріотическій духъ населенія своими воззваніями, устраивалъ прибывшихъ съ Бородинскаго поля битвы раненыхъ, старался всячески успокоить и разсѣять опасенія Московскихъ жителей.

Но, по мѣрѣ приближенія враговъ, мирное населеніе постепенно оставляло Москву. Болѣе цѣнное казенное и частное имущество вывозилось. Городъ замѣтно пустѣлъ. Въ день совѣщаній въ Филяхъ, часть населенія, разобравъ въ арсеналѣ раздававшееся тамъ оружіе, спѣшила за заставу Дорогомиловскую, чтобы принять участіе въ защитѣ святынь Московскихъ. Другіе усердно молились со слезами въ храмахъ. Иные спасали свои семьи и сами спѣшили покинуть Первопрестольную...

Получивъ къ вечеру 1 сентября отъ Кутузова опредѣленную вѣсть объ оставленіи Москвы, Растопчинъ тотчасъ же, на всѣхъ имѣвшихся въ городѣ подводахъ, вывезъ больныхъ и раненыхъ, выпроводилъ изъ столицы всѣ пожарныя команды съ ихъ инструментами и приказалъ истреблять всѣ невывезенные изъ города запасы...

Послѣ Бородинскаго боя французской арміи пришлось ночевать окруженной трупами.

Наполеонъ обратилъ вниманіе на призрѣніе раненыхъ, но многіе изъ нихъ дождались перевязки только черезъ трое сутокъ. Недостатокъ въ боевыхъ припасахъ едва не заставилъ Наполеона остановиться не доходя Москвы. Потребовалось нарядить до 800 лошадей для доставки ихъ изъ Смоленска.

Наполеонъ торопился къ Первопрестольной столицѣ русской.

На разсвѣтѣ 2 сентября, когда русская армія проходила черезъ Москву, прикрываемая арьергардомъ Милорадовича, расположеннымъ на Воробьевыхъ горахъ, голова французскаго авангарда Мюрата уже вошла въ соприкосновеніе съ нами. Двигаясь въ нѣсколькихъ колоннахъ, французы грозили отрѣзать Милорадовича отъ Москвы...

Чтобы выиграть время и избѣжать напраснаго кровопролитія, Милорадовичъ завязалъ съ Мюратомъ переговоры, добиваясь отъ него разрѣшенія отойти спокойно черезъ городъ, при чемъ французы обѣщали до утра не тѣснить русскихъ...

Переговоры увѣнчались успѣхомъ. Милорадовичъ безпрепятственно прошелъ черезъ Москву и остановился за нею въ 6 верстахъ, у деревни Вязовки. Наши главныя силы были уже въ 17 верстахъ за Москвой...

Наполеонъ въ ожиданіи депутаціи бояръ. (Съ карт. В. В. Верещагина).

Въ 2 часа дня 2 сентября, Наполеонъ лично пріѣхалъ на Поклонную гору. У ногъ его разстилалась древняя столица Русскаго Царства.

— Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ! Давно пора! — воскликнулъ завоеватель.

Французскія войска густыми колоннами облегли съ запада Москву и постепенно вступали въ нее; раздавались восторженные крики многихъ тысячъ голосовъ:

— Да здравствуетъ Наполеонъ!

Подъѣхавъ къ Дорогомиловской заставѣ, императоръ французовъ слѣзъ съ коня и долго прогуливался взадъ и впередъ, поджидая депутацію «бояръ» съ ключами отъ города. Но тщетны были его ожиданія: никто и не подумалъ явиться... Наконецъ, приближенные рѣшились доложить своему повелителю объ оставленіи Москвы.

— Какое невѣроятное событіе!—воскликнулъ великій полководецъ.

Вскорѣ нѣсколько иностранцевъ предстали передъ нимъ и подтвердили, что Москва оставлена жителями...

Первое извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы дошло въ Петербургъ черезъ прибывшаго туда помѣщика, которому сперва никто не хотѣлъ вѣрить. Затѣмъ пришло донесеніе графа Растопчина, а 9 сентября изъ арміи пріѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Мишо, который и былъ немедленно принятъ Государемъ во дворцѣ на Каменномъ островѣ. Узнавъ отъ Мишо, что армія наша вся горитъ желаніемъ сразиться съ врагомъ и доказать Монарху свою преданность, Императоръ Александръ, положивъ руку на плечо Мишо, сказалъ ему слѣдующія замѣчательныя слова:

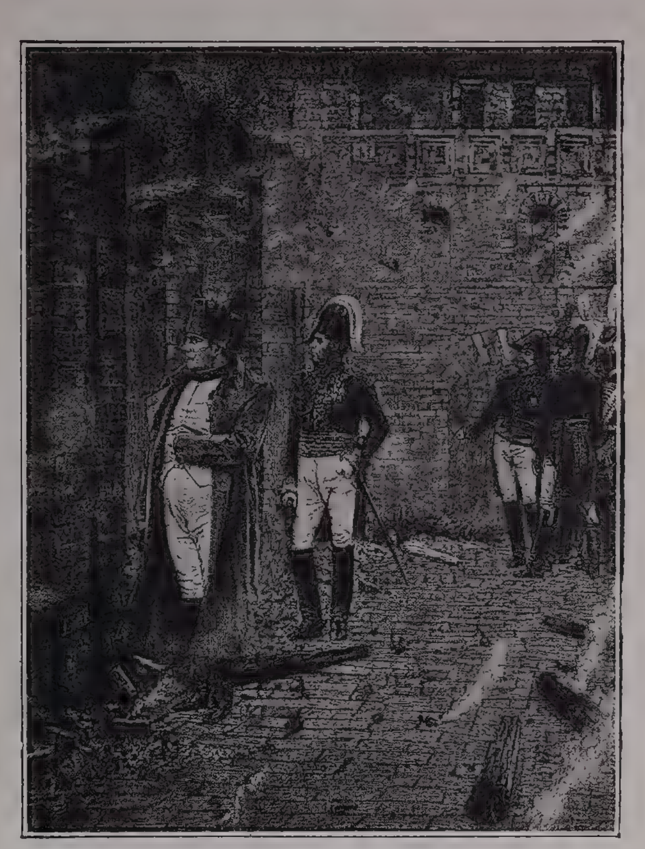

Вступленіе французской арміи въ Москву.
(Съ карт. Куше).

— Возвратитесь въ армію и вездѣ, гдѣ только вы будете проѣзжать, говорите Моимъ вѣрноподданнымъ, что, если у Меня не останется ни одного солдата, Я созову Мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду Самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства Моей Имперіи. Россія предоставляетъ Мнѣ болѣе способовъ защиты, чѣмъ полагаетъ непріятель... Но если судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду Моему не царствовать болѣе на престолѣ Моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, Я отращу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего Отечества и добрыхъ

Моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что Оно насъ не оставитъ.

— Не забудьте, что Я теперь говорю вамъ,—прибавилъ Государь, крѣпко сжимая руку посланнаго.—Можетъ-быть, настанетъ время, когда мы оба вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или Я, Я или онъ,—но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Я узналъ его: онъ болѣе Меня не обманетъ.

Наполеонъ смотритъ на пожаръ въ Кремлѣ.
(Съ карт. В. В. Верещагина).

Въ донесеніи, доставленномъ Мишо, Кутузовъ изложилъ причины, побудившія его оставить непріятелю Москву и прибавлялъ: «Пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества». Тутъ же Кутузовъ высказывалъ первое намѣреніе совершить фланговое (боковое) движеніе, для прикрытія Тулы, Брянска и плодородныхъ губерній и для того, чтобы угрожать непріятельскому пути дѣйствій на участкѣ отъ Москвы до Смоленска.

По вступленіи въ Москву, Наполеонъ расположился въ Кремлевскомъ дворцѣ. 3 сентября, городъ запылалъ со всѣхъ концовъ. Поднялся сильный вѣтеръ. Пламя вихремъ вздымалось и переносилось съ одной улицы на другую. Всѣ мѣры, принятыя Наполеономъ для борьбы съ пожаромъ, были тщетны. Огонь, затушенный въ одномъ мѣстѣ, вспыхивалъ въ другомъ. Населеніе предпочитало лучше обречь на гибель древній стольный городъ предковъ своихъ, чѣмъ доставить

врагу надежное и спокойное убѣжище, въ которомъ онъ всего болѣе нуждался. 4-го числа, пожарище приблизилось къ Кремлю, и самому Наполеону грозила опасность. Это заставило его переѣхать въ Петровскій дворецъ.

Къ 6 сентября огонь началъ нѣсколько стихать. Но все же изъ 9.257 строеній сгорѣло 6.496, т.-е. болѣе $^2/_3$ всего города. Причина пожара, кромѣ поджоговъ жителей, стремившихся вредить непріятелю всѣми способами, заключалась еще въ неосторожности французскихъ войскъ, разводившихъ огни прямо на улицахъ.

Пожаръ Москвы.
(Съ нѣмецкой лубочной гравюры).

Отдача Москвы непріятелю, а затѣмъ пожаръ ея, былъ великою жертвой русскаго народа. Но жертва эта была пагубна для враговъ. Всѣ свои соображенія и расчеты Наполеонъ доводилъ только до взятія Москвы, гдѣ онъ располагалъ окончить съ блескомъ войну выгоднымъ для себя миромъ. Въ этомъ завоеватель жестоко ошибся.

Занявъ Москву, онъ думалъ, что война уже кончена, а старый прозорливецъ-Кутузовъ говорилъ, что она «только еще начинается»... Русскій Монархъ, въ полномъ единеніи со всѣми подданными своими, теперь, послѣ сдачи Москвы, вновь подтвердилъ свою непоколебимую рѣшимость бороться до послѣдней капли крови...

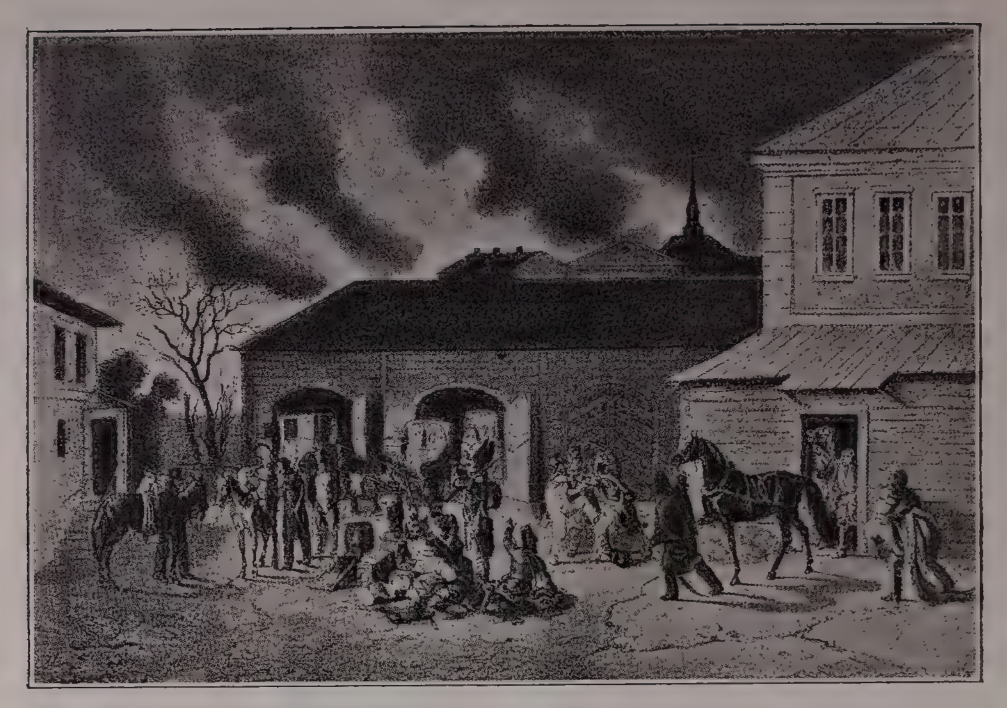
Непріятель думалъ отдохнуть въ захваченной столицѣ. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: вокругъ Москвы разгорается грозное народное движеніе, вырастаютъ неуловимые отряды *партизановъ*.

Борьба противъ французовъ становится не только дѣломъ одной арміи: она воистину превращается въ *народную войну*.

Французская армія разсчитывала найти въ Первопрестольной столицѣ богатые запасы, спокойный отдыхъ, а вмѣсто этого попала въ брошенный, полу-обгорѣлый городъ, безъ хлѣба, фуража и безъ пристанища. Въ непріятельскихъ войскахъ, съ расшатанной дисциплиной, развивается полная разнузданность: грабежи и разбои сдѣлались заурядным явленіемъ; въ нихъ приняла участіе даже гвардія Наполеона. Несмотря на постоянные приказы, на примѣненіе даже жестокихъ каръ, остановить грабежъ не удавалось. Впрочемъ, примѣръ подавали сами предводители, не исключая Наполеона и его маршаловъ, обозы которыхъ пополнились множествомъ цѣнныхъ вещей, набранныхъ въ Москвѣ... Желая водворить хоть какой-нибудь порядокъ, Наполеонъ учредилъ выборное городское управленіе и

Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.
(Съ карт. В. Верещагина).

Французы въ Москвѣ.
(Съ литогр. того времени Германа).

полицію, въ составъ которыхъ преимущественно вошли жившіе въ Москвѣ иностранцы.

Но грабежъ и неистовства продолжались попрежнему. Въ особенности, глубоко оскорблено было религіозное чувство русскихъ людей грубымъ святотатственнымъ отношеніемъ къ святынямъ Московскимъ... Многія церкви превращены были въ казармы и даже конюшни. Близъ святыхъ алтарей кавалерійскія лошади ѣли сѣно. Оклады съ святыхъ иконъ сдирались, церковное облаченіе употреблялось на попоны для коней, изъ священныхъ сосудовъ пили вино, образа превращали въ мишени, по которымъ стрѣляли въ цѣль... Казалось, повторялись времена татарскаго нашествія!

Пока враги въ Москвѣ предавались неистовствамъ, русская армія, отойдя на два перехода отъ Москвы по Рязанской дорогѣ, совершила то знаменитое боковое передвиженіе, которое доставило намъ столько выгодъ и сразу поставило насъ по отношенію къ французамъ въ угрожающее положеніе.

Кутузовъ свернулъ въ новомъ направленіи достаточно далеко отъ противника, пройдя за Москву болѣе 2 переходовъ. Затѣмъ все движеніе происходило, подъ прикрытіемъ притока р. Москвы—Красной

Пахры. Сзади наша армія охранялась сильнымъ арьергардомъ (заднимъ отрядомъ) Раевскаго, въ составѣ одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго корпусовъ. Намѣренія главнокомандующаго были тщательно скрыты отъ самихъ войскъ, и даже старшіе начальники (кромѣ корпусныхъ командировъ) не знали, куда и зачѣмъ идутъ. На Рязанской дорогѣ оставленъ былъ казачій отрядъ полковника Ефремова, который получилъ приказъ продолжать движеніе въ прежнемъ направленіи. На рѣкѣ же Красной Пахрѣ, по мѣрѣ прохожденія арміи вдоль нея, на всѣхъ путяхъ оставлялись отряды, которымъ вмѣнено въ обязанность, при появленіи французовъ, отходить на югъ.

Въ эти дни все вниманіе непріятеля было поглощено Московскимъ пожаромъ, и потому преслѣдованіе совершалось вяло.

5 сентября, армія свернула съ Рязанской дороги и 6-го—достигла Подольска, на Тульской дорогѣ, гдѣ дана была дневка. Въ это время Раевскій оставался на Рязанской дорогѣ. Конница его все время имѣла стычки съ французской конницей генерала Себастіани, высланной Наполеономъ для преслѣдованія насъ.

9 сентября, Кутузовъ былъ уже на старой Калужской дорогѣ, выдвинувъ авангардъ Милорадовича въ направленіи къ Москвѣ, а Раевскій находился съ пѣхотою между Тульской и Калужской дорогами, оставя конницу въ Подольскѣ. Что же касается Себастіани, то наши казаки втянули его за собою по Рязанской дорогѣ до самыхъ Бронницъ, гдѣ только онъ понялъ, что введенъ въ обманъ.

ГЛАВА IX.

Тарутинская позиція.—Значеніе пребыванія здѣсь нашей арміи и принятыя мѣры. — Положеніе французовъ въ Москвѣ. — Народная и партизанская война.—Подвиги нашихъ партизановъ и народныхъ партій.—Мирныя предложенія Наполеона. — Положеніе обѣихъ сторонъ къ началу октября. — Планъ Императора Александра. — Рѣшеніе Наполеона выступить изъ Москвы.—Бой подъ Тарутинымъ.

Положеніе нашей арміи подъ Тарутинымъ давало намъ очень важныя преимущества. Тарутинская позиція непосредственно запирала старую Калужскую дорогу и прикрывала обѣ сосѣднія, ведущія на югъ, дороги—новую Калужскую и Тульскую. Она обезпечивала отъ французовъ нашъ богатый югъ, имѣя въ немъ для нашей арміи надежную опору, источникъ питанія и пополненія всѣмъ необходимымъ. Въ то же время, Тарутинская позиція находилась *ближе* къ Можайску, Вязьмѣ и другимъ мѣстамъ, расположеннымъ вдоль главнаго пути сообщеній Наполеона, т.-е. пути, по которому его армія

связана была со своимъ тыломъ. Кутузовъ получилъ возможность во всякое время предупредить Наполеона и преградить ему путь на западъ или, по крайней мѣрѣ, тревожить его связь съ тыломъ. А въ этой связи, по условіямъ пребыванія французовъ въ разоренной Москвѣ, они болѣе чѣмъ когда-либо нуждались.

Двухнедѣльная стоянка въ Тарутинѣ чрезвычайно благодѣтельно отозвалась на состояніи и численности нашихъ войскъ. Вступая на Тарутинскую позицію, армія наша насчитывала въ своихъ рядахъ $86^1/_2$ тысячъ человѣкъ (при 622 орудіяхъ), при чемъ болѣе 25 тысячъ составляли мало-обученные рекрута и ополченцы. Другими словами, регулярныхъ войскъ у насъ было всего около 50—60 тыс.

Гр. М. А. Милорадовичъ.

Прибывшія постепенно подкрѣпленія усилили армію до 97 тыс. *регулярныхъ войскъ*, не считая казаковъ и ополченія. Войска отдохнули, набрались новыхъ силъ, сплотились, оправились.

Существованіе двухъ отдѣльныхъ армій, еще со времени назначенія одного надъ ними главнокомандующаго, въ сущности, теряло смыслъ. Но Кутузовъ до сихъ поръ не отмѣнялъ этого порядка, щадя самолюбіе Барклая-де-Толли и кн. Багратіона. Послѣ Бородинскаго боя обстоятельства измѣнились: князь Багратіонъ скончался отъ раны; армія его, послѣ Бородина, уменьшилась болѣе чѣмъ на половину, на подкрѣпленіе же ей прибыли совершенно новыя части войскъ. Поэтому Кутузовъ соединилъ обѣ арміи въ одну, ввѣривъ начальство надъ 2-мъ, 4-мъ, 6-мъ, 7-мъ, 8-мъ и тремя кавалерійскими корпусами Барклаю-де-Толли, а 3-й и 5-й корпуса и обѣ кирасирскія дивизіи подчинилъ, подъ названіемъ резерва арміи, Милорадовичу.

Между тѣмъ, положеніе французовъ въ Москвѣ съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе. Уцѣлѣвшіе въ городѣ отъ пожара и грабежей, немногочисленные запасы были истреблены весьма быстро. Стали употреблять въ пищу конское мясо, нерѣдко даже павшихъ лошадей (отъ недостатка фуража онѣ околѣвали ежедневно сотнями). Французы скоро остались почти безъ конницы: только 4 тысячи гвардейской кавалеріи были еще годны къ работѣ.

Это имѣло весьма важныя послѣдствія для непріятельской арміи, такъ какъ въ чужой странѣ, съ крайне враждебцо настроеннымъ и возставшимъ съ оружіемъ въ рукахъ населеніемъ, конница являлась, въ сущности, *единственнымъ средствомъ* для сбора свѣдѣній о противникѣ.

Отсутствіе продовольственныхъ и фуражныхъ средствъ заставило прибѣгнуть къ насильственному сбору запасовъ вооруженными отрядами въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ узаконенный грабежъ еще болѣе расшатывалъ въ непріятельскихъ войскахъ послѣдніе остатки дисциплины. Самый же сборъ фуража и провіанта и подвозъ къ Москвѣ запасовъ съ тыла—о чемъ дѣятельно и съ полнымъ напряженіемъ заботились всѣ интендантскіе чины Наполеоновской арміи—были чрезвычайно затруднены дѣйствіями нашихъ *партизанскихъ* и *народныхъ партій*.

Д. В. Давыдовъ.

Слово «партизанъ» происходитъ отъ французскаго слова «parti», что значитъ буквально «часть», т.-е. *партія*, или маленькій отрядъ. Партизаны—это небольшіе военные отряды, большей частью—кавалерійскіе, дѣйствующіе совершенно самостоятельно, на рискъ и страхъ своихъ начальниковъ... Основными условіями успѣха такихъ отрядовъ являются: *быстрота*, неуловимость, внезапность ихъ налетовъ, *сочувствіе населенія*.

Начало партизанской войны положилъ Ахтырскаго гусарскаго полка подполковникъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, впослѣдствіи написавшій даже книгу «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій».

Еще въ то время, когда наши западныя арміи подходили къ Колоцкому монастырю, Давыдовъ, черезъ князя Багратіона, убѣдилъ Кутузова дать въ его распоряженіе небольшой конный отрядъ (50 гусаръ и 80 казаковъ), для самостоятельныхъ набѣговъ въ тылъ противнику. Большинство генераловъ и офицеровъ отнеслись къ затѣѣ Давыдова съ недовѣріемъ.

Послѣ Бородинской битвы Давыдовъ окольными путями пробрался со своимъ отрядомъ въ Гжатскій уѣздъ и, очутившись въ тылу у противника, выслѣдилъ одинъ изъ его транспортовъ (обозы) въ тридцать повозокъ, съ 215 человѣками пѣхотнаго прикрытія, напалъ на этотъ транспортъ, захватилъ его, взялъ около 100 человѣкъ въ плѣнъ,

истребивъ остальныхъ, а вслѣдъ за тѣмъ овладѣлъ другимъ обозомъ.

Этотъ первый подвигъ нашихъ партизановъ, о которомъ Наполеону донесли въ ночь съ 9 на 10 сентября, поселилъ страшную тревогу въ непріятельской арміи.

Наполеонъ двинулъ къ Подольску цѣлый корпусъ Понятовскаго, на Можайскую дорогу послалъ кавалерійскій отрядъ, который долженъ былъ присоединить къ себѣ всѣ шедшіе съ тыла, на пополненіе конницы, эскадроны (такъ называемые «маршевые»). Въ помощь этому отряду, 11 сентября, изъ Москвы отправились гвардейскіе драгуны, а 14-го двинулась въ направленіи Можайска дивизія Брусье, съ конницей и итальянскими гвардейскими егерями. Жюно (стоявшій со своимъ корпусомъ въ Можайскѣ), а также Смоленскій комендантъ получили приказаніе, чтобы отправленные ими транспорты двигались въ порядкѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, имѣя сильныя прикрытія. Маршалу Виктору велѣно въ Смоленскѣ задерживать всѣ идущіе къ арміи отряды и обозы и не отсылать ихъ частями; а составлять цѣлыя дивизіи, которыя затѣмъ послѣдовательно и отправлять. Успѣхи Давыдова, быстро вызвавшіе подражаніе, подали Кутузову мысль прибѣгнуть къ партизанскимъ дѣйствіямъ въ широкихъ размѣрахъ. Партизанскіе отряды окружили Москву плотнымъ кольцомъ.

А. С. Фигнеръ.

Давыдовъ дѣйствовалъ между Можайскомъ и Вязьмою; полковникъ *князь Вадбольскій*—въ окрестностяхъ Можайска; поручикъ *фонъ-Визинъ*—на Боровской дорогѣ; капитанъ *Сеславинъ*—между Боровскомъ и Москвою; артиллеріи капитанъ *Фигнеръ*, самый смѣлый изъ всѣхъ партизановъ,—близъ самой Москвы; полковникъ князь *Кудашевъ*—на Тульской дорогѣ и, наконецъ, полковникъ *Ефремовъ*—на Рязанской дорогѣ. Эти отряды, выдѣленные изъ нашихъ главныхъ

силъ, занимали все пространство къ югу отъ Москвы, между Вязьмой и Бронницами. Отрядъ генералъ-адъютанта Винцингероде, стоявшій у Клина для прегражденія пути на Петербургъ, высылалъ и отъ себя партизановъ. У Волоколамска находился полковникъ *Бенкендорфъ*, у Рузы дѣйствовалъ майоръ *Прендель;* сѣвернѣе Можайска—подполковникъ *Чернозубовъ* съ казаками; у Воскресенска—майоръ *Фиглевъ*. На Дмитровской, Ярославской и Владимірской дорогахъ были казачьи партіи.

Для южныхъ партизанскихъ отрядовъ опорою служила Тарутинская позиція, а для сѣверныхъ—Клинъ, гдѣ находился отрядъ Винцингероде. Въ эти мѣста партизаны сдавали свою добычу и все, стѣснявшее ихъ движеніе, какъ-то: больныхъ, раненыхъ, плѣнныхъ... Оттуда же получали они наставленія для своихъ дѣйствій и, въ случаѣ надобности, пополненія своихъ силъ.

А. Н. Сеславинъ.

Партизаны перехватили всѣ дороги, которыя вели отъ расположенной въ Москвѣ непріятельской арміи. Они производили безпрерывные набѣги, нечаянныя нападенія, захватывали обозы, почту, курьеровъ и т. п. Вскорѣ они совершенно прервали сообщеніе французовъ съ ихъ тыломъ и держали врага въ постоянномъ напряженіи и тревогѣ... Въ плѣнъ попадали не только отдѣльные люди, но часто даже цѣлые отряды...

Партизаны ухудшали и безъ того незавидное въ отношеніи жизненныхъ средствъ состояніе французской арміи, поселяли въ ней страшный упадокъ духа и постоянный страхъ. Еще тяжелѣе стало врагу, когда къ партизанамъ вскорѣ примкнули и добровольныя народныя дружины.

Партизаны двигались, большею частью, ночью, по проселочнымъ едва замѣтнымъ и, конечно, совершенно противнику неизвѣстнымъ дорогамъ и даже тропинкамъ. Соблюдали они полную тишину. Ночевали въ мѣстахъ укрытыхъ, въ лѣсахъ, оврагахъ, часто и быстро переходили съ мѣста на мѣсто. Никто, кромѣ начальника, обыкновенно, не зналъ, куда отрядъ идетъ и съ какою цѣлью дѣйствуетъ. Свѣдѣнія о приближеніи противника, большею частью, доставлялись крестьянами, которые, то въ видѣ проводниковъ, то добровольцевъ-

охотниковъ, примыкали къ партизанскимъ отрядамъ. Нападеніе производилось неожиданно, быстро и съ разныхъ сторонъ. Послѣ одержаннаго успѣха старались возможно неуловимѣе скрыться, заметавъ за собою всѣ слѣды.

Огромную помощь партизанамъ оказывали, какъ мы уже упоминали, сочувствіе и дѣятельная поддержка населенія. Послѣ извѣстнаго читателямъ Высочайшаго манифеста, изданнаго въ іюлѣ мѣсяцѣ, приступлено было къ сбору и формированію ополченій. Изъ ратниковъ этихъ ополченій образованы три округа: 1-й—для обороны Москвы, 2-й—для обороны Петербурга и 3-й—составлявшій резервъ двухъ первыхъ. Ратники 1-го округа уже вошли въ составъ арміи (ополченіе Смоленское и Московское, тѣхъ губерній, откуда послѣдовалъ первый толчокъ народнымъ вооруженіямъ) и приняли участіе въ Бородинскомъ сраженіи. Ополченія другихъ губерній, по мѣрѣ ихъ образованія, постепенно располагались на путяхъ, шедшихъ изъ Москвы въ разныя стороны.

Вокругъ французской арміи, мало-по-малу, образовывалось второе сплошное кольцо народныхъ дружинъ, которыя, по распоряженію Кутузова, охраняли подмосковныя губерніи отъ набѣговъ непріятеля. *Тверское* ополченіе частью вошло въ отрядъ генералъ-адъютанта Винцингероде, частью прикрывало Петербургскую дорогу, располагаясь между Клиномъ и Тверью. *Ярославское* ополченіе находилось на пути изъ Москвы въ Ярославль. *Владимірское* ополченіе стояло у Покрова, на Владимірской дорогѣ. *Рязанское*—имѣло свое пребываніе у Коломны и Егорьевска, прикрывая дороги Рязанскую и Касимовскую. *Тульское*—стояло отъ Каширы до Алексина. *Калужское*—находилось частью по границѣ своей губерніи съ Московской и Смоленской, частью, въ видѣ особаго отряда съ придачей регулярныхъ войскъ и артиллеріей, прикрывало Брянскъ (съ его арсеналомъ).

Населеніе тѣхъ губерній, которыя первыя подверглись нашествію врага, еще до воззванія Государя о всеобщемъ вооруженіи, взялось за оружіе, по собственному почину.

Первыми сдѣлали это жители Порѣченскаго уѣзда, Смоленской губерніи, немедленно послѣ вторженія французовъ въ ихъ предѣлы. Они побросали и сожгли свои дома, уничтожили все имущество, предали пламени всѣ запасы хлѣба и скрылись въ лѣса. Кто изъ нихъ чувствовалъ себя въ силахъ сражаться, обращалъ въ оружіе свои земледѣльческія орудія. Крестьяне подстерегали непріятельскихъ фуражировъ, шпіоновъ, отсталыхъ, мародеровъ, во множествѣ бродившихъ въ тылу «великой арміи», перехватывали и истребляли ихъ. Изъ Порѣченскихъ воиновъ-поселянъ особенно отличался мѣщанинъ Маячниковъ, за-

хватившій курьера съ важными донесеніями и награжденный Георгіевскимъ крестомъ.

Большая часть Смоленской губерніи превратилась въ усѣянную развалинами пустыню. Главными очагами народнаго возстанія сдѣлались города, не занятые французскими войсками: Бѣлый, Сычевка, Юхновъ и Рославль.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ во главѣ народныхъ дружинъ стали: дворянскій предводитель Полѣновъ и городничій Адамовичъ. Отставной подполковникъ Дибичъ съ небольшимъ отрядомъ смолянъ дѣйствовалъ съ полнымъ успѣхомъ во все время занятія французами губерніи.

Подвигъ Энгельгардта въ 1812 году.
(Съ гравюры Ческаго).

Сычевскій уѣздъ особенно прославился истребленіемъ французовъ. Самымъ страшнымъ ихъ врагомъ явился тамъ бывшій сподвижникъ Суворова, отставной майоръ Емельяновъ. Его дружина, сначала вооруженная только вилами, косами и топорами, потомъ вся снабжена была отнятыми у непріятеля ружьями. Она отличалась не только храбростью, но и замѣчательнымъ порядкомъ. Къ несчастью, Емельяновъ погибъ въ одной изъ жаркихъ схватокъ съ французами. Многіе изъ сычевскихъ дружинниковъ впослѣдствіи удостоились награжденія знаками отличія военнаго ордена и всѣ, по Высочайшему повелѣнію, получили по пяти рублей.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ, предводитель дворянства Храповицкій, екатерининскій воинъ, собралъ двухтысячную дружину, которая преградила своими силами путь французскому отряду, пробиравшемуся къ Калугѣ.

Жители города Рославля составили конную дружину въ сто человѣкъ, которая, подъ предводительствомъ городского головы Полозова, производила лихіе налеты на непріятельскихъ мародеровъ. Рославльскій исправникъ Семичевъ сложилъ свою голову, защищая съ дружиной дорогу на Брянскъ. Помѣщикъ князь Тенишевъ переловилъ до 400 мародеровъ и пожертвовалъ все свое состояніе на устройство госпиталя для раненыхъ.

Въ Гжатскомъ уѣздѣ, оставшійся на полѣ сраженія раненымъ простой гусаръ Самусь, вылѣчившись отъ ранъ, составилъ изъ мѣстныхъ жителей отрядъ, постепенно усилившійся до двухъ тысячъ человѣкъ и даже имѣвшій отбитую у противника пушку. Храбрый Самусь истребилъ до трехъ тысячъ враговъ. Генералъ Милорадовичъ произвелъ его въ унтеръ-офицеры и ходатайствовалъ о его награжденіи.

Одними изъ первыхъ смолянъ взялись за оружіе помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ. Они были захвачены французами и приговорены къ разстрѣлянію. Французы старались уговорить ихъ перейти къ непріятелю, а Энгельгардту, какъ военному, предлагали даже чинъ полковника. Оба героя съ презрѣніемъ отвергли гнусное предложеніе.

Роднымъ Энгельгардта и Шубина, по Высочайшему повелѣнію, были пожалованы пенсіи.

Если въ Смоленской губерніи во главѣ ополченій и дружинъ народныхъ, по преимуществу, становились помѣщики или должностныя лица, то въ Московской губерніи, по большей части, образовывались партіи болѣе мелкія съ начальниками изъ среды крестьянъ. Жители одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній обязывались взаимно клятвою истреблять французовъ и крѣпко стоять другъ за друга.

На возвышенныхъ пунктахъ устраивались посты, зорко сторожившіе приближеніе непріятеля. Небольшую команду поселяне неожиданно окружали и захватывали; при появленіи же значительныхъ силъ, они собирались заранѣе къ условленному мѣсту, по особому сигналу партіи, со всѣхъ окрестныхъ селеній, подъ предводительствомъ своихъ вождей, помѣщиковъ или выборныхъ, послѣ чего организовывалось нападеніе. Обыкновенно, частью силъ отвлекали вниманіе противника, въ то время, какъ остальные скрытно обходили его съ тыла и затѣмъ окружали со всѣхъ сторонъ.

Наполеонъ отлично сознавалъ, какою опасностью можетъ грозить ему народное возстаніе, и пытался воззваніями умиротворить жителей, даже привлечь ихъ на свою сторону. Но подобныя увѣренія встрѣчались съ презрѣніемъ. Наше духовенство и мѣстныя власти разсылали воззванія, которыя читались по церквамъ и на мірскихъ сходкахъ. Само правительство также обнародовало воззваніе, имѣвшее цѣлью предостеречь населеніе отъ козней непріятеля. Впрочемъ, это было сдѣлано только 9 октября, когда французы уже очистили Москву, и послѣ того, какъ русскій народъ, слѣдуя внушенію своей совѣсти и повинуясь врожденному чувству долга, самъ выказалъ въ полномъ блескѣ свои превосходныя качества. Все мужское населеніе губерній, охваченныхъ войною, не исключая дряхлыхъ стариковъ и подростковъ, поднялось и вооружилось на защиту Родины. Земледѣльческія работы, перевозка военныхъ грузовъ, доставка почты и курьеровъ,—все это дѣлалось однѣми женщинами, которыя не остались чуждыми и бранныхъ подвиговъ. Въ народныхъ преданіяхъ свято хранится имя старостихи Василисы, взявшей въ плѣнъ цѣлую партію французовъ. Точно также были и духовные пастыри, ставшіе на брань за Отечество, во главѣ своей паствы.

Народъ жестоко мстилъ врагу за сожженіе Москвы и за поруганіе ея святынь.

Вся Россія превратилась въ огромный военный лагерь. Обычныя занятія были брошены,—всякій стремился принять хоть какое-нибудь участіе въ дѣлѣ освобожденія Родины. Женщины съ презрѣніемъ смотрѣли на тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь колебался. Семейныя утраты и несчастія какъ-то мало замѣчались, огромныя имущественныя потери были нечувствительны. Всѣ русскіе пребывали въ восторженно-патріотическомъ настроеніи, одинаково охватившемъ собою всѣ классы населенія...

Въ результатѣ, Наполеоновы полчища, вмѣсто обычной борьбы съ одною арміею, должны были сражаться съ цѣлымъ народомъ, къ тому же окружавшимъ ихъ со всѣхъ сторонъ...

Партизаны и народныя дружины, содѣйствуя другъ другу, довели французовъ въ Москвѣ до полнаго изнуренія, нравственнаго и матеріальнаго.

Это и было главною причиною тѣхъ огромныхъ потерь, которыя понесла «великая армія» за время своего пребыванія въ столицѣ, несмотря на то, что серьезныхъ боевыхъ столкновеній за это время не было. Французы вступили въ Москву въ числѣ 100 тысячъ человѣкъ; за время стоянки въ Москвѣ они получили подкрѣпленій 30 тысячъ

человѣкъ, а вышли изъ Москвы, имѣя въ своихъ рядахъ только 104 тысячи человѣкъ.

Къ концу сентября, дѣйствія партизановъ становились все болѣе и болѣе смѣлыми... Особенно отличался Фигнеръ, который сперва, въ порывѣ ненависти своей къ Наполеону, пытался убить его, для чего переодѣтый нѣсколько дней скитался по Москвѣ. Затѣмъ, со своимъ отрядомъ, онъ держался все время близъ самой Москвы, и постоянно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается у непріятеля. Неоднократно онъ переодѣвался въ мундиръ французскаго офицера и проникалъ обманнымъ образомъ въ расположеніе противника, гдѣ, бесѣдуя съ французами, вывѣдывалъ все, что было ему нужно.

И. С. Дороховъ.

Чтобы свободнѣе дѣйствовать въ тылу у непріятеля, Кутузовъ поручилъ партизанскому отряду генерала Дорохова овладѣть городомъ Вереей (на юго-востокъ отъ Можайска), который былъ послѣ Бородина занятъ и укрѣпленъ французами по распоряженію Наполеона, для обезпеченія ихъ тыла. 27 сентября, Дороховъ, присоединивъ къ себѣ князя Вадбольскаго, выслалъ отряды для наблюденія всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ Москвѣ, и для связи съ Тарутинымъ, а самъ ночью перешелъ рѣку Протву и на разсвѣтѣ внезапно атаковалъ Верею, врасплохъ застигнувъ непріятельскій гарнизонъ, сложившій оружіе...

Бѣдственное положеніе французовъ въ Москвѣ побудило Наполеона сдѣлать первый шагъ къ примиренію.

Дѣйствительно, голодъ въ Москвѣ достигъ ужасающихъ размѣровъ. Французы ѣли не только павшихъ лошадей, но стрѣляли воронъ, кошекъ, крысъ... Слѣдствіемъ этого была болѣзненность и страшный упадокъ духа, а распущенность и грабежи истребили послѣдніе остатки дисциплины...

Отъ опытнаго глаза Наполеона всѣ эти зловѣщіе признаки не могли укрыться. На двадцатый день своего пребыванія въ Москвѣ онъ отправилъ къ Кутузову своего генералъ-адъютанта Лористона, съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ подготовлялась почва для переговоровъ о мирѣ.

Разумѣется, Кутузовъ отлично зналъ твердую рѣшимость Императора Александра не заключать мира съ врагомъ. Послѣ знаменательныхъ словъ Высочайшаго манифеста: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ», и неоднократно послѣ того выраженнаго Государемъ твердаго намѣренія вести борьбу до послѣдней крайности, нечего было и думать о мирѣ.

Но Кутузовъ прекрасно понималъ, что для насъ будетъ очень выгодно, если Наполеонъ продлитъ свое пребываніе въ Москвѣ: эта стоянка, столь гибельно отражавшаяся на французахъ, для насъ была спасительна, ибо мы съ каждымъ днемъ усиливались. Кромѣ того, важно было протянуть дѣло до зимы, когда союзникомъ нашимъ явилось бы еще и суровое время года.

Нашъ дальновидный полководецъ придумалъ слѣдующую уловку: онъ заявилъ, что не имѣетъ полномочій вступать въ переговоры о мирѣ, и потому, отвергнувъ временное перемиріе, предложилъ донести Государю о сдѣланныхъ мирныхъ предложеніяхъ.

Къ началу октября, главныя массы нашихъ войскъ, подъ начальствомъ Кутузова, находились у Тарутина. Отрядъ Винцингероде стоялъ у Клина, прикрывая путь на Петербургъ. Партизанскіе отряды, а за ними ополченія, образовали сплошное кольцо вокругъ Москвы. 3-я и Дунайская арміи, соединившіяся вмѣстѣ и поставленныя подъ общимъ начальствомъ Чичагова (Тормасовъ привлеченъ въ главныя силы на замѣну Барклая, взявшаго по болѣзни отпускъ), находились у Бреста, готовыя начать наступленіе. Корпусъ Витгенштейна, имѣя за собой Петербургское ополченіе, у Полоцка прикрывалъ пути на сѣверъ; къ нему на поддержку изъ Финляндіи черезъ Ригу двигался корпусъ графа Штейнгеля. Рижскій гарнизонъ продолжалъ наблюдать за Макдональдомъ, а въ Мозырѣ находился резервный корпусъ генерала Эртеля.

Главная масса французовъ находилась въ Москвѣ, выдвинувъ противъ Кутузова авангардъ Мюрата. Остальныя войска были разбросаны по всему театру войны. Главнымъ назначеніемъ ихъ было обезпечить пути сообщенія Наполеона, на протяженіи отъ Нѣмана до Москвы. Вновь прибывшій 9-й корпусъ Виктора находился въ Смоленскѣ. Корпусъ Жюно былъ выдѣленъ въ Можайскъ. Съ сѣвера сообщенія прикрывались корпусами С.-Сира и Удино у Полоцка и Макдональдомъ, занимавшимъ теченіе Западной Двины отъ Динабурга до Риги. Съ юга—у Дрогичина ихъ прикрывали Шварценбергъ и Ренье, а для наблюденія за Эртелемъ и Бобруйскомъ выдѣлена дивизія Домбровскаго.

Силы всѣхъ этихъ войскъ, выполнявшихъ второстепенную задачу—*обезпеченія тыла* Наполеоновой арміи, въ данную минуту едва ли не превосходили главную массу французовъ...

Еще во время стоянки нашей арміи у Красной Пахры, флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ доставилъ Кутузову планъ, начертанный самимъ Императоромъ Александромъ, для совмѣстныхъ наступательныхъ дѣйствій всѣхъ нашихъ силъ, съ цѣлью *совершенно преградить Наполеону выходъ изъ Россіи и истребить его армію.*

Согласно этого плана, наши боевые корпуса должны сбить непріятельскія части, прикрывшія сообщенія французовъ, образовать у нихъ въ тылу, по соединеніи этихъ корпусовъ, значительныя силы, на которыя и потѣснить главную массу Наполеона, что уже долженъ былъ исполнить Кутузовъ. Въ окончательномъ результатѣ, предполагалось полное окруженіе непріятельскихъ силъ и уничтоженіе ихъ.

П. В. Чичаговъ.

Выполненіе этого плана намѣчалось такимъ образомъ: 15-тысячный корпусъ графа Штейнгеля, перевезенный моремъ изъ Финляндіи въ Ревель, долженъ соединиться съ рижскимъ гарнизономъ, потѣснить Макдональда къ югу и дѣйствовать совмѣстно съ Витгенштейномъ. Послѣдній, усилясь подкрѣпленіями изъ Новгорода и Петербурга, отбрасываетъ С.-Сира и Удино на Штейнгеля, послѣ чего наступаетъ къ рѣкѣ Уллѣ и входитъ въ связь съ Чичаговымъ.

Чичаговъ, въ свою очередь, обойдетъ слѣва Ренье и Шварценберга, выдѣлитъ противъ нихъ часть силъ, а съ остальными отправится на Минскъ къ Борисову, куда къ нему присоединится и Эртель. Съ образовавшимися 50-ю тысячами Чичаговъ войдетъ въ связь съ Витгенштейномъ и совмѣстно съ нимъ запретъ путь отступленія Наполеону, на котораго съ фронта будетъ все время напирать Кутузовъ.

Изъ этого основного плана вытекали всѣ наши дѣйствія до самаго конца войны, и онъ былъ въ общихъ чертахъ выполненъ, хотя и не достигъ въ полной мѣрѣ намѣченнаго исхода.

Наполеонъ увидѣлъ, что занятіемъ Первопрестольной столицы нельзя русскихъ ни покорить, ни даже склонить къ миру. Онъ сознавалъ, что дальнѣйшимъ пребываніемъ въ Москвѣ можно окончательно погубить свою армію, и потому, въ концѣ сентября, принялъ окончательное рѣшеніе уйти изъ Москвы. Сначала онъ намѣревался сдѣлать движеніе на Петербургъ, разсчитывая понудить насъ къ миру; затѣмъ видоизмѣнилъ этотъ планъ и хотѣлъ боковымъ движеніемъ перейти къ Западной Двинѣ, притянуть къ себѣ здѣсь С.-Сира, Удино и тыльные корпуса, а также шедшія еще изъ Германіи подкрѣпленія, перезимовать и весною начать наступленіе къ сѣверу. Но и отъ этого плана завоеватель отказался и, въ концѣ-концовъ, рѣшилъ двинуться на югъ, попытаться разбить Кутузова, послѣ чего зазимовать въ нашихъ богатыхъ хлѣбными запасами губерніяхъ, а весною возобновить военныя операціи, смотря по ходу дѣла.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы было ускорено пораженіемъ Мюрата подъ Тарутинымъ.

ГЛАВА X.

Переходъ нашихъ войскъ въ наступленіе.—Тарутинское сраженіе.—Выступленіе Наполеона изъ Москвы.—Бой подъ Малоярославцемъ.—Положеніе сторонъ 13—14 октября.—Выходъ Наполеона на прежнюю Смоленскую дорогу и начало «отступленія Великой арміи».—Бои подъ Вязьмой и Дорогобужемъ.—Наполеонъ въ Смоленскѣ.—Бой подъ Краснымъ.

Наша армія подъ Тарутинымъ прикрывалась авангардомъ Милорадовича, расположеннымъ между деревнями Дедневой и Глодовой. Съ сѣвера, верстахъ въ двухъ, тянулась казачья сторожевая цѣпь. Сильные казачьи разъѣзды во всѣхъ направленіяхъ наблюдали всѣ пути, не говоря о кишѣвшихъ повсюду партизанахъ и народныхъ дружинахъ. Русская армія наша была прекрасно освѣдомлена обо всемъ, что дѣлалось во французскомъ авангардѣ Мюрата, стоявшемъ у села Винкова, верстахъ въ 7 сѣвернѣе Тарутина.

Силы Мюрата доходили до 25 тысячъ и состояли изъ корпуса Понятовскаго, двухъ дивизій корпуса Даву и легкой конницы обоихъ этихъ корпусовъ. Авангардъ Мюрата слишкомъ далеко зашелъ впередъ отъ главныхъ силъ французовъ (60 верстъ отъ Москвы), благодаря чему онъ могъ легко подвергнуться нападенію противника. Съ другой стороны, партизаны наши могли свободно хозяйничать въ тылу у Мюрата, доходя до самой Москвы. Изнуреніе конскаго состава у французовъ не позволяло правильно нести развѣдочную службу. Да и сторожевая служба послѣ затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ

выполнялась крайне небрежно... Мюратъ оставилъ безъ надлежащей охраны и даже безъ всякаго наблюденія обширный лѣсъ, почти вплотную подходившій къ лѣвому флангу французовъ.

Всѣ эти обстоятельства побудили нашихъ генераловъ убѣдить Кутузова произвести на Мюрата внезапное нападеніе. Главнокомандующій долго противился, ясно понимая, что, даже при удачѣ, послѣдствія боя для насъ едва ли будутъ полезны, ибо это, *несомнѣнно, ускоритъ выступленіе Наполеона изъ Москвы.*

Побѣда при Тарутинѣ надъ Мюратомъ, 6 октября 1812 года.
(Рисов. Д. Скотти).

Но всеобщее рвеніе было настолько сильно, что старому вождю пришлось уступить.

6 октября, произошло Тарутинское сраженіе, въ которомъ мы, наконецъ, дѣйствовали наступательно. Для атаки армія была раздѣлена на двѣ части. *Правому крылу*, подъ начальствомъ Беннигсена (3 пѣхотныхъ корпуса и одинъ кавалерійскій, кирасирская дивизія и 10 казачьихъ полковъ), приказано скрытно обойти лѣвый непріятельскій флангъ, двигаясь черезъ вышеупомянутый лѣсъ. *Главныя же силы*, подъ личнымъ начальствомъ Кутузова, тѣмъ временемъ, должны были поддерживать правое крыло атакою съ фронта. Вмѣстѣ съ тѣмъ партизаны, которымъ указано перехватить Мюрату путь отступленія

къ Москвѣ, заняли у него въ тылу, верстахъ въ 30, тѣснину близъ деревни Вороновой.

Но обходное движеніе нѣсколькихъ колоннъ праваго крыла было крайне трудно согласовать между собою, особенно ночью и при маломъ знакомствѣ съ дорогами.

Всѣхъ колоннъ у Беннигсена имѣлось 3; за среднею направленъ резервъ. Въ правой колоннѣ находились всѣ казаки графа Орлова-Денисова, конная батарея, а пѣхоты—только одинъ егерскій полкъ. Ей назначено было выйти въ лѣвый флангъ и тылъ Мюрату; средняя и лѣвая колонны направлены на лѣвое крыло его, но спереди. Главныя силы, перейдя рѣку Нару, должны были атаковать Мюрата съ фронта, при чемъ 6-му корпусу Дохтурова назначено держать связь

Гр. Орловъ-Денисовъ.

Л. Л. Беннигсенъ.

между войсками Кутузова и Беннигсена. Всѣ войска получили приказаніе занять свои мѣста съ ночи и до разсвѣта стоять въ полной тишинѣ; не курить, не разговаривать громко; въ лагерѣ же велѣно зажечь обычные костры и, какъ всегда, пробить вечернюю зарю.

Но трудное ночное движеніе, какъ и при отступленіи отъ Смоленска, не удалось: колонны сбились съ дороги, пересѣкали другъ другу путь. Только одинъ Орловъ-Денисовъ прибылъ на мѣсто и ожидалъ условленныхъ сигнальныхъ выстрѣловъ. Но сигналы не послѣдовали (ихъ должна была подать средняя колонна)... Между тѣмъ, съ разсвѣтомъ, на бивакѣ у французовъ началось движеніе. Орловъ-Денисовъ опасался, что противникъ замѣтитъ его движеніе. Герой надѣялся, что прочія колонны подходятъ смѣло, и бросился на ближайшихъ къ нему французскихъ кирасиръ.

Лихой внезапный налетъ донцовъ совершенно ошеломилъ непріятеля, который въ полномъ безпорядкѣ бѣжалъ, бросивъ свой лагерь и всѣ пушки. Къ сожалѣнью, молодцы-станичники, попавъ на мѣсто бивака противника, увлеклись «добычью» и разсыпались. На сборъ ихъ ушло время, которымъ Мюратъ воспользовался, чтобы привести въ порядокъ своихъ и построиться за оврагомъ. Оттуда кирасиры сами произвели атаку на казаковъ, но были отбиты огнемъ конной артиллеріи. Подъ прикрытіемъ завязавшагося кавалерійскаго боя, французы стали отводить назадъ свои обозы, а затѣмъ отошли сами. Казаки пытались задержать ихъ, угрожая отхватить путь отступленія, но для этого были слишкомъ слабы... Наконецъ, на опушкѣ лѣса показались наши пѣхотныя части, которыя рѣшительно атаковали противника, но были удержаны огнемъ его батарей, а также смѣлымъ налетомъ конницы, порубившей нашихъ зарвавшихся впередъ егерей. Когда же, наконецъ, подтянулись прочія колонны пѣхоты, и у насъ на опушкѣ лѣса сосредоточилось 46 батальоновъ, — Мюратъ успѣлъ отступить. Партизаны также запоздали; видя путаницу на правомъ флангѣ, Кутузовъ не ввелъ въ дѣло главныя силы.

Планъ сраженія при Тарутинѣ.

Потеря у насъ доходила до тысячи человѣкъ, а у непріятеля вдвое больше; сверхъ того, французы потеряли 38 орудій и часть лагеря.

Нашъ планъ атаки въ общемъ не удался. Задачу выполнили только одни молодцы-казаки, но все же Тарутинскій бой, какъ нашъ первый, хотя и частичный, успѣхъ въ наступательномъ бою, имѣлъ огромное

значеніе. Онъ чрезвычайно ободрилъ войска, поднялъ ихъ духъ и окрылилъ надеждами... Кутузовъ приказалъ во всѣхъ частяхъ войскъ отслужить благодарственное молебствіе и послалъ Государю донесеніе и отбитый у французовъ штандартъ съ тѣмъ самымъ полковникомъ Мишо, который доставилъ Монарху печальное извѣстіе о занятіи французами Москвы и, по желанію самого Государя, долженъ былъ явиться вѣстникомъ первой нашей побѣды...

За Тарутино Государь пожаловалъ Кутузову золотую шпагу, украшенную брильянтами и лавровымъ вѣнкомъ; прочимъ чинамъ арміи даны были также щедрыя награды.

О Тарутинскомъ сраженіи Наполеонъ узналъ въ Кремлѣ въ тотъ же самый день, во время смотра корпуса Нея. Это извѣстіе заставило

Выступленіе Наполеона изъ Москвы.
(Съ рис. Фаберъ-дю-Форъ).

завоевателя прекратить смотръ и сдѣлать распоряженіе къ немедленному выступленію арміи изъ Москвы.

Наполеонъ стремился обойти Кутузова слѣва и потому направился по новой Калужской дорогѣ. Однако, онъ свернулъ туда лишь послѣ того, какъ соединился съ разстроенными войсками Мюрата. Въ Москвѣ онъ на время (до 11 октября) оставилъ маршала Мортье для прикрытія движенія главной массы обозовъ прямо на Смоленскъ.

На другой день по выступленіи арміи, Мортье предстояло обнародовать воззваніе,—съ цѣлью увѣрить жителей, что Наполеонъ ушелъ изъ Москвы только на время, для овладѣнья Тулой, Калугой и Брянскомъ. Маршалъ долженъ былъ вооружить Кремль и свозить туда запасы, а затѣмъ взорвать Кремль и отойти къ Вереѣ, для связи

съ корпусомъ Жюно (находившимся въ Можайскѣ) и главными силами французовъ, которыя, по расчетамъ Наполеона, могли прибыть къ 13 октября въ Боровскъ.

При выступленіи изъ Москвы, въ рядахъ «великой арміи» насчитывалось отъ 104 до 107 тыс. человѣкъ, при чемъ сколько-нибудь надежною боевою силою являлась только пѣхота; артиллерійскія и кавалерійскія лошади были совершенно изнурены и негодны къ работѣ. Изъ 18.500 кавалеристовъ только 4.600 гвардейцевъ оставались до нѣкоторой степени годными къ службѣ.

6 октября, вечеромъ, направились изъ Москвы головныя части французовъ. Въ авангардѣ шелъ корпусъ вице-короля Евгенія; за нимъ—Ней, далѣе старая гвардія, Даву и молодая гвардія.

Странное зрѣлище представляла собою эта армія. Всѣ повозки, не исключая принадлежавшихъ маршаламъ и генераламъ, были доверху нагружены награбленною добычею, среди которой попадалась церковная утварь, оклады отъ св. иконъ, ризы и т. п. Иностранцы съ семьями, раненые и больные французы, бросивъ госпитали, шли съ войсками, увеличивая тѣсноту и безпорядокъ. Сами солдаты двигались, изнемогая подъ тяжестью ранцевъ, набитыхъ награбленнымъ въ Москвѣ добромъ. Бросалась въ глаза пестрота одеждъ, такъ какъ обносившіеся за походъ французы облачились, кто во что горазъ.

8 октября, Наполеонъ выдѣлилъ Нея для поддержки Мюрата и началъ переходить со старой на новую Калужскую дорогу. 10 октября, уже всѣ его силы сосредоточились на этой дорогѣ, близъ села Фоминскаго.

Партизанскій отрядъ Дорохова, бывшій поблизости отъ Фоминскаго, донесъ еще 7-го числа о нахожденіи здѣсь французовъ (это была головная дивизія Брусье). Но Кутузовъ ожидалъ Наполеона по старой Калужской дорогѣ (т.-е. по тому направленію, куда отошелъ Мюратъ) и потому ограничился лишь тѣмъ, что двинулъ для овладѣнія Фоминскимъ особый отрядъ Дохтурова (его 6-й корпусъ и 1-й кавалерійскій).

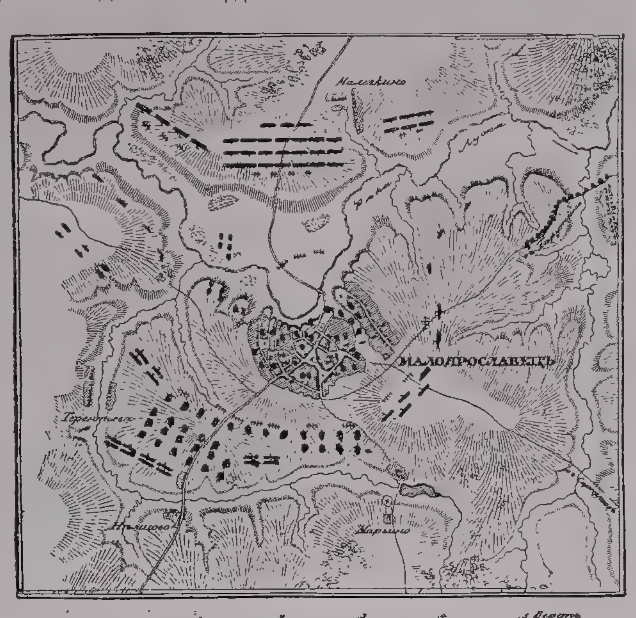
Дохтуровъ выступилъ 10-го числа изъ Тарутина и, послѣ тяжелаго перехода по распустившимся отъ дождя дорогамъ, къ ночи добрался до села Аристова. Сюда-то и было доставлено партизаномъ *Сеславинымъ* драгоцѣнное извѣстіе, выяснившее намъ дѣйствительное положеніе вещей.

Сеславинъ, прокравшись лѣсами, съ высокаго дерева наблюдалъ за движеніемъ по дорогѣ всей французской арміи. Онъ видѣлъ самого Наполеона въ каретѣ и, въ подтвержденіе вѣрности своего извѣстія, захватилъ въ плѣнъ французскаго гвардейца.

Донесеніе Сеславина, доставленное Дохтурову, имѣло громадное значеніе. Во-1-хъ, оно спасло отрядъ Дохтурова отъ несомнѣнной гибели, такъ какъ у Фоминскаго генералъ нарвался бы на всѣ почти силы противника; во-2-хъ—что самое главное—это извѣстіе раскрыло намъ совершенно всѣ карты Наполеона.

Дохтуровъ немедленно извѣстилъ Кутузова о полученныхъ важныхъ свѣдѣніяхъ и, по совѣту Ермолова (находившагося при немъ въ качествѣ начальника штаба отряда), быстро двинулся къ Малоярославцу, т.-е. *наперерѣзъ* Наполеону. Сюда же прибыли и посланные Кутузовымъ казаки Платова. Но Малоярославецъ уже оказался занятымъ французскою дивизіей Дельзона.

11-го вечеромъ, Кутузовъ двинулся со всѣми силами на Спасское Малоярославецъ.

Планъ сраженія при Малоярославцѣ.

Городъ *Малоярославецъ* расположенъ на правомъ берегу рѣчки Лужи, образующей здѣсь широкую луку, выпуклостью своею обращенную къ югу. Правый (южный) берегъ былъ выше лѣваго и, огибая городъ полукольцомъ, давалъ намъ прекраснѣйшую артиллерійскую позицію.

Дельзонъ занялъ городъ только двумя батальонами, а всѣ остальныя войска своей дивизіи расположилъ на отдыхъ на сѣверномъ берегу рѣки. Въ свою очередь и Дохтуровъ, подойдя къ городу съ юга въ 5 часовъ утра 12 октября, послалъ для атаки Малоярославца только одинъ егерскій полкъ. Если бы сразу были назначены достаточныя силы, то, вѣроятно, мы могли бы немедленно занять городъ и овладѣть переправой. Дельзонъ всею дивизіей своей выбилъ насъ изъ Малоярославца, французы заняли церковь и ближайшіе къ ней дома, откуда обстрѣливали большую дорогу.

Въ дальнѣйшемъ бой за Малоярославецъ превратился въ рядъ упорныхъ и ожесточенныхъ атакъ съ обѣихъ сторонъ. Городъ *восемь*

разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Обѣ стороны дѣлали одинаковую ошибку — вводили свои силы въ дѣло *по частямъ:* французы — по дивизіямъ, мы—сперва по полкамъ, а потомъ—по бригадамъ. Бой продолжался 18 часовъ безпрерывно, до самой ночи. Подъ конецъ дня въ дѣло ввязался съ нашей стороны уже и весь 7-й корпусъ Раевскаго, шедшій въ головѣ главныхъ силъ Кутузова; со стороны же французовъ—весь корпусъ вице-короля и почти весь корпусъ Даву, съ обѣихъ сторонъ, примѣрно, по 24.000 человѣкъ.

Упорная продолжительная борьба за городъ принесла намъ, все-таки, ту пользу, что бой затянулся, и мы поэтому *успѣли* подтянуть къ Малоярославцу всю армію.

Сраженіе въ Малоярославцѣ.
(Съ карт. Гесса).

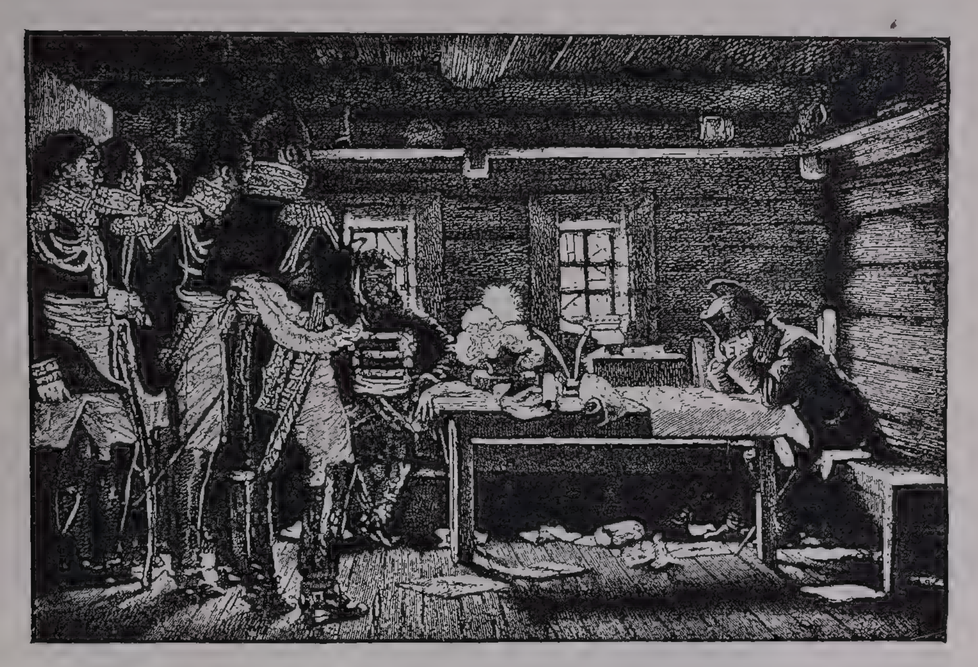
Въ концѣ-концовъ, мы уступили французамъ городъ, но достигли *главной цѣли:* преградили Наполеону путь къ хлѣбороднымъ губерніямъ.

Теперь Кутузову предстояло принять крайне важное рѣшеніе: давать ли рѣшительное сраженіе Наполеону, иначе говоря—пытаться ли сразу, однимъ ударомъ, окончить кампанію, или же продолжать осторожно дѣйствовать, добиваясь медленнаго разрушенія силъ противника.

Мы имѣли у Малоярославца сосредоточенными 97 тысячъ регулярныхъ войскъ и 20 тысячъ казаковъ. У Наполеона было въ данную минуту—только 63 тысячи (корпуса Даву и вице-короля, гвардія и резервная конница); остальныя силы его были разбросаны. Ней (15 тысячъ) находился между Городнею и Боровскомъ; Попя-

товскій (6 тысячъ)—въ Вереѣ; Мортье (8 тысячъ)—по дорогѣ изъ Москвы на Верею; Жюно (6 тысячъ)—въ Можайскѣ.

При такихъ условіяхъ немудрено, что въ нашей арміи было много сторонниковъ рѣшительныхъ дѣйствій и въ числѣ ихъ—наиболѣе вліятельный изъ совѣтниковъ главнокомандующаго, генералъ Толь. Но Кутузовъ, все-таки, предпочелъ избрать болѣе осторожное рѣшеніе: самому не искать сраженія, а только ежеминутно грозить противнику рѣшительнымъ боемъ. Французская армія постепенно ослабѣвала, состояніе ея ухудшалось съ каждымъ днемъ. Ясно, что затягиваніе дѣла, безъ всякаго съ нашей стороны риска, несомнѣнно,

Наполеонъ на военномъ совѣтѣ въ Городнѣ: «Пробиваться или отступать?»

приведетъ къ тому же исходу, но путемъ болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ, хотя менѣе быстрымъ.

Разумѣется, рѣшительная побѣда подъ Малоярославцемъ надъ всею арміей Наполеона блестяще закончила бы войну. Но осторожный фельдмаршалъ помышлялъ болѣе о своемъ Отечествѣ, чѣмъ о собственной славѣ, и потому предпочелъ несомнѣнный расчетъ рискованному блеску,—въ этомъ его громадная заслуга передъ потомствомъ.

Положеніе Наполеона также требовало зрѣлаго размышленія. И ему нужно было рѣшить важный вопросъ: *пробиваться ли* на югъ *силою* или же отказаться отъ первоначальнаго намѣренія и отходить

къ Смоленской дорогѣ. Тутъ для великаго полководца ставилась на карту судьба всей кампаніи.

Въ ночь на 13 октября, въ Городнѣ Наполеонъ созвалъ нѣчто въ родѣ *военнаго совѣта* изъ наличныхъ генераловъ, но и послѣ этого онъ не пришелъ ни къ какому заключенію. 13-го утромъ онъ снова совѣщался съ генералами: Бессьеромъ и Мутономъ, которые настаивали на необходимости *немедленнаго отступленія по кратчайшей дорогѣ*. Продолжая пребывать въ нерѣшимости, онъ отправился осматривать мѣстность возможнаго поля сраженія.

Тѣмъ временемъ, главнокомандующій приказалъ Платову произвести поискъ въ тылъ непріятелю. Платовъ перешелъ на лѣвый берегъ рѣки Лужи еще въ ночь, тремя партіями бросился на Боровскую дорогу и у Городни отбилъ 40 орудій. Здѣсь казаки наткнулись на самого Наполеона, ѣхавшаго на развѣдку, и едва не захватили его въ плѣнъ...

Вслѣдъ за тѣмъ Кутузовъ получилъ донесеніе объ удачномъ дѣлѣ при Медыни, гдѣ казаки Иловайскаго наткнулись на передовой отрядъ французовъ и отбили 5 орудій. Это былъ передовой отрядъ корпуса Понятовскаго, который отъ Вереи двигался на Калугу черезъ Медынь. Опасаясь, что Наполеонъ можетъ обойти его слѣва, Кутузовъ передвинулъ свою армію на Гончарово и Детчино...

Какъ разъ въ это время, Наполеонъ окончательно рѣшилъ отходить на старую Смоленскую дорогу, черезъ Боровскъ на Можайскъ, и на 14-е число отдалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Ней направился къ Можайску; Понятовскій задержался у Егорьевскаго, чтобы прикрыть движеніе арміи съ боку, послѣ чего долженъ былъ отходить на Гжатскъ; Мортье велѣно свернуть на Можайскъ.

Такимъ образомъ 14-го числа, въ силу случайно сложившихся обстоятельствъ, обѣ арміи одновременно почти двинулись въ расходящихся направленіяхъ. Кутузовъ прошелъ еще далѣе на юго-западъ, къ Полотнянымъ Заводамъ, продвинувъ передовыя части въ направленіи на Медынь, пока, 16 октября, окончательно не убѣдился въ отступленіи французовъ.

16 октября—первый шагъ къ окончательной гибели Наполеоновской арміи. Въ этотъ день приведено въ исполненіе его рѣшеніе отступать на прежній путь слѣдованія, на разоренную Смоленскую дорогу.

День этотъ справедливо считается *переломомъ* всей войны и безспорно является послѣдствіемъ боя подъ Малоярославцемъ. Эта битва произвела полный *переворотъ* въ положеніи обѣихъ сторонъ и потому имѣетъ въ ходѣ Отечественной войны *огромное значеніе*.

Для Кутузова теперь стало очевидно, что французы отступаютъ; не ясно было только, по какому направленію...

Намѣренія стараго вождя въ данную минуту ясно видны изъ письма, посланнаго, какъ разъ въ этотъ день, графу Витгенштейну: «полагаю ему (т.-е. противнику),—писалъ нашъ фельдмаршалъ,—нанести величайшій вредъ *параллельнымъ* преслѣдованіемъ».

Что значитъ «параллельное» преслѣдованіе? Это значитъ не догонять уходившаго противника *сзади*, тою же дорогой, а настигать его, идя по другой, рядомъ идущей, въ томъ же направленіи, дорогой, *постоянно грозя обогнать его*. Короче говоря, параллельное преслѣдованіе является обходомъ въ каждой точкѣ. Стоитъ преслѣдуемому остановиться, чтобы передохнуть, а преслѣдователю продолжать движеніе, какъ преслѣдуемый подвергается опасности быть отрѣзаннымъ, и онъ ищетъ спасенія въ продолженіи своего бѣгства. Такимъ путемъ можно въ полномъ смыслѣ слова не давать отступающему «ни отдыха, ни срока».

Двигаясь рядомъ, чуть на югъ отъ противника, наша армія прикрывала все время нетронутыя войною области, имѣя оттуда сама въ изобиліи продовольствіе и фуражъ.

Кутузову долго не вѣрилось, что Наполеонъ рѣшился отступать по опустошенной дорогѣ. Онъ думалъ, что французы пойдутъ сѣвернѣе, ближе къ Зап. Двинѣ; чтобы сблизиться съ ними, онъ пошелъ отъ Полотняныхъ Заводовъ на Адамовское и Кременское. Занявъ послѣднее 18 октября и продвинувъ къ Егорьевскому авангардъ Милорадовича, Кутузовъ окончательно убѣдился, что противникъ идетъ на Вязьму.

Тогда нашъ полководецъ съ 18-го числа приступилъ къ выполненію своей мысли о параллельномъ преслѣдованіи. Главныя силы онъ направилъ на Вязьму черезъ Спасъ-Кузовы и Дуброву, т.-е. путемъ значительно болѣе короткимъ, чѣмъ пошелъ Наполеонъ (черезъ Можайскъ—Гжатскъ); Милорадовичъ съ авангардомъ двинулся на Ѳедоровское (въ промежуткѣ между путями движенія французовъ и Кутузова), а Платовъ (усиленный дивизіей Паскевича) долженъ былъ преслѣдовать французовъ непосредственно сзади, по пути ихъ слѣдованія. Партизанамъ дано повелѣніе все время сопровождать непріятельскую армію, держа ее въ постоянномъ окруженіи. Отрядъ, бывшій Винцингероде (который былъ взятъ въ плѣнъ), а теперь—ген.-ад. Голенищева-Кутузова, пошелъ изъ Москвы (занятой имъ по уходѣ французовъ) прямо на Гжатскъ, сѣвернѣе Смоленской дороги. Вновь образованному отряду ген.-ад. Ожаровскаго приказано двигаться южнѣе главныхъ силъ, черезъ Ельню, прямо на Смоленскъ.

Очутившись на большой Смоленской дорогѣ, французская армія продолжала движеніе въ одной колоннѣ. Впереди шла гвардія, при которой, по обыкновенію, находился Наполеонъ, затѣмъ Ней, Жюно, Понятовскій и вице-король; эти корпуса слѣдовали въ полупереходѣ (т.-е., примѣрно, верстахъ въ десяти) одинъ отъ другого. Арьергардомъ (тыльнымъ отрядомъ) былъ корпусъ Даву, какъ наиболѣе сохранившій порядокъ.

17 октября, французы миновали Бородинское поле, а 19-го числа Наполеонъ прибылъ въ Вязьму, гдѣ получилъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ извѣстій. Не говоря уже о томъ, что движеніе Кутузова грозило отрѣзать французскую армію отъ Смоленска, С.-Сиръ доносилъ, что Витгенштейнъ заставилъ его очистить Полоцкъ; Викторъ— что ему пришлось итти на помощь С.-Сиру; наконецъ отъ Шварценберга шли вѣсти объ успѣхахъ Чичагова. Эта безотрадная картина заставила Наполеона позаботиться объ ускореніи своего отступленія. Въ ночь на 22 октября, онъ съ гвардіей и корпусомъ Жюно уже былъ за Вязьмой въ 30 верстахъ. Ней задержался въ Вязьмѣ, чтобы смѣнить въ арьергардѣ Даву; вице-король и Понятовскій ночевали между Вязьмой и Ѳедоровскимъ, Даву—у Ѳедоровскаго. Наши главныя силы ночевали у Дубровы (27 верстъ отъ Вязьмы), Милорадовичъ—у Спасскаго (верстъ 15 отъ Вязьмы), а Платовъ съ Паскевичемъ дошли вплотную до войскъ Даву.

На 22-е число Милорадовичъ и Платовъ, не зная, что между Вязьмой и Ѳедоровскимъ имѣются еще три непріятельскихъ корпуса, согласились между собою отрѣзать арьергардъ Даву. На разсвѣтѣ Милорадовичъ вышелъ на большую дорогу западнѣе Ѳедоровскаго и преградилъ путь Даву одною дивизіей, пока съ фронта его тѣснили Паскевичъ съ Платовымъ. Но на поддержку Даву повернулъ вице-король. Милорадовичу пришлось сойти съ большой дороги и ограничиться обстрѣливаніемъ противника съ фланга. Даву, хотя и съ большими потерями, проскользнулъ за Вязьму, которую занималъ Ней. Съ нимъ соединился вице-король и занялъ на окраинѣ города сильную позицію; но появленіе въ его тылу партизанскихъ отрядовъ, а затѣмъ и высланной изъ главныхъ силъ кавалеріи Уварова, заставило непріятеля отступить, предавъ городъ пламени. Наши войска бросились въ 6 часовъ дня на штурмъ Вязьмы, вытѣснивъ послѣднихъ ея защитниковъ.

Въ этомъ дѣлѣ французы потеряли до 4 тысячъ убитыми и ранеными и до 3 тысячъ плѣнными. У насъ потери—около 1.800 человѣкъ. Наши главныя силы, во время боя подъ Вязьмой, были въ 10 верстахъ отъ поля сраженія, но Кутузовъ, вѣрный своей основной мысли—

избѣгать рѣшительнаго боя и предоставить времени разрушеніе французской арміи,—умышленно не ввелъ ихъ въ дѣло.

Современники, въ особенности многіе изъ пылкихъ генераловъ, жаждавшихъ славы и отличій, жестоко осуждали Кутузова за эту медлительность и доходили до того, что обзывали его за глаза «выжившимъ изъ ума» старикомъ. Но въ настоящее время нельзя не преклониться передъ проницательностью прозорливаго фельдмаршала. Онъ прекрасно видѣлъ, въ какомъ положеніи была французская армія, и потому имѣлъ полное право утверждать:

— Все это развалится и безъ меня.

Взятіе гор. Вязьмы, 22 октября 1812 года.
(Рис. Д. Скотти).

Дѣйствительно, еще подъ Вязьмой состояніе французской арміи внушало ея вождю самыя серьезныя опасенія. Исходъ боя при Малоярославцѣ и поворотъ на Можайскъ поколебалъ окончательно духъ непріятельскихъ войскъ, впервые терпѣвшихъ полную неудачу. Дисциплина ослабѣла совершенно. Множество солдатъ уже не оказывали повиновенія офицерамъ, побросали оружіе, расходились въ стороны отъ пути слѣдованія, въ надеждѣ найти хоть какое-нибудь пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ цѣлыми шайками бросались грабить свои же обозы.

Запасы, взятые изъ Москвы, были на исходѣ, а на пополненіе ихъ можно было разсчитывать только въ Смоленскѣ.

Въ довершеніе всего, *начались холода*. Первые легкіе морозы появились еще съ 16 октября, а на другой день послѣ боя подъ Вязьмой выпалъ первый снѣгъ. Лишенные теплой одежды, французы жестоко страдали отъ холода. Каждый ихъ бивакъ, какъ поле сраженія, оставался покрытымъ трупами. Лошади, не кованныя на острые шипы и лишенныя фуража, падали сотнями, служа пищей голоднымъ людямъ. Французы во время отступленія бросали повозки и даже пушки. По всему обратному пути Наполеона лежали трупы людей и лошадей, испорченныя орудія, зарядные ящики и повозки всякаго рода.

24-го числа Наполеонъ съ гвардіей достигъ Дорогобужа. Отсюда онъ двинулъ вице-короля черезъ Порѣчье къ Витебску, чтобы поддержать С.-Сира и Виктора, тѣснимыхъ въ это время Витгенштейномъ. Милорадовичъ, шедшій до Дорогобужа вмѣстѣ съ Платовымъ, свернулъ отсюда южнѣе, попрежнему прикрывая съ боку главныя силы, двигавшіяся черезъ Ельню, въ обходъ Смоленска, прямо на Красное. Казаки же Платова бросились въ погоню за вице-королемъ по направленію на Духовщину.

Въ день прибытія Наполеона съ гвардіей въ Смоленскъ, 28 октября, противникъ дважды пострадалъ на Ельнинской и Духовщинской дорогахъ. Въ первомъ случаѣ, двухтысячный отрядъ генерала Ожеро былъ окруженъ нашими партизанами (Сеславинымъ, Давыдовымъ и Фигнеромъ) и частью истребленъ, частью взятъ въ плѣнъ. Во второмъ случаѣ, корпусъ вице-короля, настигнутый Платовымъ на переправѣ черезъ рѣку Вопь, потерялъ почти всю артиллерію. Только что наведенный на судахъ мостъ былъ сорванъ ледоходомъ, и войскамъ пришлось переходить рѣку въ бродъ, по поясъ въ водѣ. Орудія и обозы пришлось бросить; Платову достались 64 пушки изъ 76. Потери были огромны.

Въ Духовщинѣ вице-король былъ предупрежденъ отрядомъ ген.-ад. Кутузова, а вслѣдъ за тѣмъ узналъ, что Витебскъ занятъ русскими. Вице-король свернулъ на Смоленскъ, куда привелъ *всего 6 тысячъ человѣкъ!*

Въ Смоленскѣ французы надѣялись хоть отчасти оправиться отъ бѣдственнаго отступленія. Наполеонъ даже разсчитывалъ расположиться здѣсь на зимовку.

Но безостановочное движеніе русскихъ, въ обходъ Смоленска на Ельню, не позволяло и думать о продолжительномъ пребываніи здѣсь. Чтобы упорядочить раздачу запасовъ, войскъ въ городъ не впустили. Удовлетворена, какъ слѣдуетъ, была только гвардія. Корпуса Даву

и вице-короля ожидали очереди, оставаясь безъ хлѣба двое сутокъ. Кончилось тѣмъ, что нахлынула толпа безоружныхъ отсталыхъ, и эти изголодавшіеся люди, сдержать которыхъ не было никакой возможности, бросились грабить и расхищать все, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Въ одну ночь (съ 28 на 29 октября) зарѣзано и съѣдено 215 обозныхъ лошадей... Изъ-за недостатка конскаго состава французы оставили въ Смоленскѣ часть артиллеріи и повозокъ.

Въ Смоленскѣ они были всего 4 дня. Оттуда «великая армія» вышла въ составѣ не болѣе 50.000 человѣкъ, за которыми тащилась жалкая 30-тысячная толпа безоружныхъ...

Французскіе солдаты, по непривычкѣ, жестоко страдали отъ мороза (хотя онъ и не былъ черезчуръ силенъ). Отморозившіе руки или ноги не находили себѣ мѣста у костровъ; ихъ оттаскивали другіе; несчастные умирали тутъ же, за спиною грѣвшихся, подвергаясь тотчасъ же ограбленію. Всѣ человѣческія чувства притупились, дѣйствовалъ одинъ животный *инстинктъ самосохраненія*...

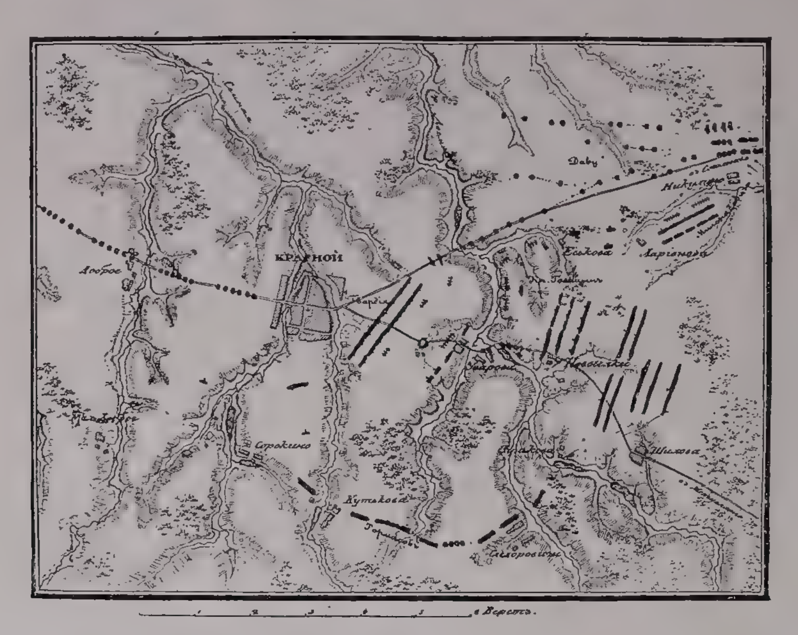
Корпуса французской арміи только сохраняли свои названія. Достаточно сказать, что у Жюно было всего 700, а у Понятовскаго 800 человѣкъ подъ ружьемъ. Конницы оставалось не болѣе 5 тысячъ, при чемъ сюда вошли остатки всѣхъ четырехъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ.

31 октября вышелъ, по дорогѣ на Оршу, 1-й отрядъ (эшелонъ)— Жюно и Понятовскій; 1 ноября—2-й эшелонъ, гвардія съ императоромъ во главѣ; 2-го числа—вице-король; 3-го числа—Даву и 4-го—арьергардъ Нея. Такое распоряженіе сдѣлано было для того, чтобы, при малочисленности, разбросанности и небольшой величинѣ селеній, дать возможность всей арміи имѣть ночлегъ подъ крышей. Зато увеличивалась опасность пораженія по частямъ.

Наша армія также сильно уменьшилась числомъ, хотя условія ея движенія были неизмѣримо лучше: она была снабжена теплою одеждою и не нуждалась въ продовольствіи. Но все же усиленные переходы въ 25 и болѣе верстъ, по глубокимъ снѣгамъ, оставляли много заболѣвшихъ и отсталыхъ, такъ что теперь изъ прежнихъ 100 тысячъ въ рукахъ Кутузова оставалось не болѣе половины, при чемъ убыль въ бояхъ не превышала 10 тысячъ. Однако, всѣ выбывшіе изъ строя могли, оправившись, вернуться въ ряды арміи. Духъ же ея былъ превосходенъ, и все, что оставалось въ строю, выдерживая тягости похода, было во всѣхъ отношеніяхъ отборнымъ по качеству. По свойственному русскимъ людямъ чувству состраданія и человѣколюбія, попадавшіе въ наши руки отсталые, полузамерзшіе французы, обыкновенно, у насъ отогрѣвались и накармливались. Нерѣдко наши сол-

даты дѣлились съ такими несчастными послѣднимъ кускомъ. Попасть въ плѣнъ къ русскимъ было наиболѣе счастливымъ удѣломъ для непріятелей, и большинство изъ нихъ только объ этомъ и мечтало.

Изъ Ельни Кутузовъ направился къ Красному, опять наперерѣзъ Наполеону, прикрываясь попрежнему съ боку Милорадовичемъ. Послѣдній, у деревни Ржавки, 3 ноября, опередилъ гвардію Наполеона, пропустилъ ее подъ сильнымъ огнемъ и атаковалъ въ хвостъ, при чемъ захватилъ 11 орудій и двѣ тысячи плѣнныхъ. Въ тотъ же день вечеромъ, достигнувъ Краснаго, Наполеонъ узналъ о близости Кутузова и о грозящей отсюда страшной опасности всѣмъ остальнымъ тремъ эшелонамъ. Онъ рѣшилъ тогда, жертвуя своей гвардіей, остаться въ

Планъ сраженія при Красномъ.

Красномъ и облегчить отступленіе своихъ сподвижниковъ. Это смѣлое рѣшеніе могло дать ему успѣхъ, въ виду извѣданной уже осторожности Кутузова, который оберегалъ свою армію, и безъ того сильно пострадавшую отъ тяжелаго похода.

4 ноября наши главныя силы подошли къ деревнѣ Новоселки; на сѣверо-востокъ отъ нихъ, у деревни Мерлино, расположился Милорадовичъ, карауля подходъ ближайшаго эшелона французовъ, корпуса вице-короля. Послѣдній имѣлъ мужество самъ атаковать позицію Милорадовича, но былъ отбитъ и, уже въ темнотѣ, окольными путями пробрался въ Красный, потерявъ 2 тысячи человѣкъ и опять всю артиллерію—17 пушекъ, данныхъ ему взамѣнъ потерянныхъ на рѣкѣ Вопи.

Получивъ, 5 ноября, извѣстіе (оказавшееся потомъ невѣрнымъ) объ отступленіи Наполеона отъ Краснаго, Кутузовъ, уступая просьбамъ Коновницына и Толя, рѣшилъ захватить слѣдующіе эшелоны «великой арміи», корпуса Даву и Нея. Для этого тремъ пѣхотнымъ корпусамъ и 1 кавалерійской дивизіи, подъ начальствомъ Тормасова, велѣно было обойти г. Красный съ юга и у села Доброе перехватить противнику путь отступленія. Милорадовичу приказано предварительно пропустить мимо себя противника и атаковать его съ тыла, а князю

Разбитіе маршала Даву при г. Красномъ, 5 ноября 1812 года.
(Съ рис. Д. Скотти).

Голицыну (съ 1 корпусомъ и кирасирской дивизіей)—атаковать противника во флангъ, со стороны деревни Уваровой.

Однако, Наполеонъ не только не отступилъ отъ Краснаго, а рѣшилъ самъ атаковать нашъ боковой авангардъ (т.-е. князя Голицына), разсчитывая заставить Кутузова притянуть къ себѣ Милорадовича и этимъ открыть дорогу Даву (Ней еще оставался въ Смоленскѣ).

Едва Голицынъ успѣлъ занять деревню Уварову, какъ Наполеонъ ударилъ на него своей молодою гвардіей, поддержанной остатками конницы. Присутствіе самого Наполеона смутило Кутузова. Не имѣя

понятія объ ужасающе-бѣдственномъ состояніи французской арміи, нашъ фельдмаршалъ пріостановилъ движеніе Тормасова.

Голицынъ, однако, отбилъ нѣсколько атакъ Наполеоновской гвардіи на Уварово. Тѣмъ не менѣе, Даву проскользнулъ къ Красному. Наполеонъ тогда рѣшилъ предоставить Нея, только что выходившаго изъ Смоленска, его собственной участи, а самъ началъ отступленіе отъ Краснаго. Милорадовичъ вмѣстѣ съ Голицынымъ успѣшно тѣснили непріятеля, а Кутузовъ приказалъ возобновить прерванный обходъ; но задержанное на 3 часа движеніе Тормасова по глубокимъ снѣгамъ не могло совершаться быстро, и онъ вышелъ къ Доброму только въ сумерки, гдѣ, все-таки, отрѣзалъ хвостъ корпуса Даву и его обозы.

Въ этотъ день мы взяли 6 тысячъ плѣнныхъ, 45 орудій, 2 знамени и множество повозокъ.

Считая маршала Нея погибшимъ, Наполеонъ горько сожалѣлъ о своемъ «храбрѣйшемъ изъ храбрыхъ» (прозвище Нея) и, сокрушаясь, говорилъ:

— У меня двѣсти милліоновъ франковъ въ подвалахъ моего дворца—и я всѣ бы ихъ отдалъ за маршала Нея.

Въ дѣйствительности Ней, имѣя подъ ружьемъ 8 тысячъ, 300 кавалеристовъ, 12 орудій и около 7 тысячъ безоружныхъ, подошелъ, 6 ноября, къ Красному, гдѣ еще были войска Милорадовича. Полагая, что всѣ силы французовъ прослѣдовали мимо него, Милорадовичъ стоялъ тыломъ къ оврагу, пролегавшему на востокъ отъ города, и совершенно неожиданно былъ атакованъ сзади французами. Пользуясь туманомъ, враги подкрались и безъ выстрѣла бросились на насъ. Но Милорадовичъ оправился, стянулъ всѣ войска и отбился отъ истощеннаго и малочисленнаго противника. Однако, Ней продержался до вечера. Такъ какъ мы не преслѣдовали, то онъ ночью, съ наиболѣе сильными 3 тысячами, двинулся безъ дороги къ Днѣпру, руководствуясь теченьемъ ручья. У Сырокоренья Ней при помощи досокъ и ползкомъ перешелъ по только что образовавшемуся тонкому слою льда на ту сторону рѣки, конечно, бросивъ артиллерію.

Уже казалось, спасеніе было близко. Но казаки Платова настигли безстрашнаго маршала. На предложеніе сдаться послѣдовалъ гордый отвѣтъ:

— Маршалъ Франціи не сдастся никогда...

Казаки вцѣпились въ непріятельскій отрядъ, продолжавшій отбиваться отъ нихъ, неуклонно продвигаясь пядь за пядью къ своей цѣли. Ней пробился сквозь противника и привелъ въ Оршу человѣкъ 800 храбрецовъ...

Такъ безстрашные люди находятъ исходъ изъ самыхъ, повидимому, безвыходныхъ положеній!

Одинъ изъ очевидцевъ такъ описываетъ прибытіе Нея въ Оршу: «Ко мнѣ въ комнату вошелъ рослый человѣкъ, съ мѣдно-краснымъ лицомъ, воспаленными бѣлками глазъ и огромною рыжею бородой... «Кто вы?» спросилъ я въ недоумѣніи... «Я—*арьергардъ великой арміи*», отвѣтилъ незнакомецъ, и тогда только я узналъ маршала Нея»...

ГЛАВА XI.

Дѣйствія на флангахъ.—Взятіе Витгенштейномъ Полоцка.—Бой у Чашниковъ и Смоляницъ.—Дѣйствія Чичагова.—Нападеніе на Волковыскъ.—Взятіе Минска и Борисова.—Наполеонъ въ Оршѣ.—Положеніе сторонъ передъ Березинской переправой.—Бой у Лошницы 11 ноября.—12—13 ноября на Березинѣ.—Переправа 14 ноября.—15, 16 и 17 ноября.—Исходъ дѣйствій на Березинѣ.

Пока происходили описанныя событія, постепенно уже подготовлялось осуществленіе плана Императора Александра.

Согласно этого плана, графъ Витгенштейнъ, прикрывавшій до сихъ поръ своимъ корпусомъ Петербургскую дорогу, долженъ былъ овладѣть Полоцкомъ, отбросить С.-Сира къ западу и не дать ему присоединиться къ главнымъ силамъ Наполеона, послѣ чего, занявъ линію рѣки Уллы, искать связи съ Чичаговымъ.

Къ концу сентября, 1-й корпусъ доведенъ былъ до 31 тысячи человѣкъ, не считая 9 тысячъ ополченцевъ, противъ 27 тысячъ С.-Сира.

Согласно данныхъ Витгенштейномъ указаній, Финляндскій корпусъ Штейнгеля переправился черезъ Двину у Друи и двинулся лѣвымъ ея берегомъ. 6 октября (въ день Тарутинскаго боя), Витгенштейнъ атаковалъ Полоцкій укрѣпленный лагерь. Мужественный С.-Сиръ два дня держался противъ превосходныхъ силъ, но, получивъ извѣстіе о приближеніи съ тыла Штейнгеля, ночью очистилъ Полоцкъ, уничтоживъ за собою мосты, послѣ чего рѣшилъ воспользоваться раздѣльнымъ положеніемъ русскихъ и разбить ихъ по частямъ. Исполненіе этого плана С.-Сиръ, раненый подъ Полоцкомъ, возложилъ на баварскаго генерала Вреде, разбившаго арьергардъ Штейнгеля, который отвелъ всѣ силы свои обратно за Двину, крайне затруднивъ этимъ положеніе Витгенштейна.

Витгенштейнъ, вслѣдствіе порчи мостовъ, задержался у Полоцка до 11 октября, что позволило французамъ спокойно отступить. Но у баварца Вреде возникли разногласія съ французскими генералами корпуса Удино, вслѣдствіе чего силы противника отъ Полоцка ото-

Взятіе Полоцка гр. Витгенштейномъ, 6 октября 1812 года.
(Съ рис. Д. Скотти).

шли въ разныхъ направленіяхъ, потерявъ между собою всякую связь: баварцы (6-й корпусъ) къ Докшицамъ (въ верхнемъ теченіи рѣки Березины), а корпусъ Удино—черезъ Лепель къ Чашникамъ. Удино, оправясь отъ раны, полученной въ первомъ сраженіи подъ Полоцкомъ, снова вступилъ въ командованіе корпусомъ.

Между тѣмъ, маршалъ Викторъ, обезпокоенный успѣхами противника, съ частью своихъ силъ пошелъ отъ Смоленска на подкрѣпленіе къ Удино и соединился съ нимъ 18 октября, благодаря чему силы французовъ у Чашниковъ доведены были до 36 тысячъ человѣкъ.

19 октября, Витгенштейнъ, присоединивъ къ себѣ снова Штейнгеля у Лепеля, атаковалъ съ 30 тысячами непріятеля у Чашниковъ, отбросилъ его къ Череѣ, а затѣмъ въ крѣпкой позиціи у Смоляницъ отбилъ, 2 ноября, совмѣстную атаку Виктора и Удино. Такимъ образомъ Витгенштейнъ получилъ возможность продвинуться до линіи р. Уллы.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ Чичагова.

Послѣ сраженія при Городечнѣ, арміи Тормасова и Шварценберга, оставаясь по обѣ стороны р. Стыри, бездѣйствовали до начала сентября, когда пришла Дунайская армія Чичагова. Съ ея прибытіемъ наши

силы увеличились до 60 тысячъ человѣкъ, тогда какъ у противника было всего около 40 тысячъ человѣкъ. Въ половинѣ сентября соединенныя наши силы двинулись отъ Луцка и перешли Стырь. Тормасовъ, какъ извѣстно, былъ отозванъ Кутузовымъ къ главной арміи, а власть здѣсь объединилась въ рукахъ одного Чичагова.

Получивъ планъ Императора Александра, по которому прежде всего надлежало отбросить Шварценберга въ предѣлы «герцогства Варшавскаго», т.-е. нынѣшняго Привислинскаго края, а затѣмъ, оставя часть силъ для удержанія австро-саксонцевъ, итти къ рѣкѣ Березинѣ, Чичаговъ распорядился такъ: 1) 27 тысячъ, при 92 орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Сакена, оставилъ подъ Брестомъ, чтобы сдерживать Шварценберга, который въ это время самъ отошелъ за Бугъ къ Дрогичину, открывъ намъ путь на Минскъ; 2) съ 30 тысячами и 180 орудіями адмиралъ Чичаговъ двинулся по дорогѣ черезъ Пружаны — Слонимъ на Минскъ, на усиленіе отряда Лидерса (шедшаго изъ Сербіи), который въ это время подходилъ къ Пинску. У Чичагова составилось до 50 тысячъ.

Между тѣмъ Шварценбергъ и Ренье получили тоже подкрѣпленія. Силы ихъ возросли до 50 тысячъ. Убѣдившись, что Чичаговъ ушелъ по направленію на Минскъ, Шварценбергъ оставилъ саксонскій корпусъ Ренье на рѣкѣ Наревѣ, противъ Сакена, а самъ двинулся на Волковыскъ и Слонимъ наперерѣзъ Чичагову. Сакенъ бросился наперерѣзъ Шварценбергу, чтобы остановить его и помочь Чичагову. Въ свою очередь, Ренье пошелъ слѣдомъ за Шварценбергомъ и въ ночь на 6 ноября занялъ авангардомъ Волковыскъ, расположивши на сѣверъ отъ этого города свои главныя силы. Жестокіе морозы заставили всѣхъ начальствующихъ лицъ, не исключая и самого командира саксонскаго корпуса, искать убѣжища въ городѣ, почти вплотную за сторожевымъ охраненіемъ. Евреи тотчасъ же увѣдомили объ этомъ Сакена, который рѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ у противника бдительности и напасть на него ночью врасплохъ.

Четыре отдѣльныхъ отряда, руководимыхъ проводниками, въ 10 часовъ бурнаго ноябрьскаго вечера, съ разныхъ сторонъ осторожно подкрались къ городу. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ окружить домъ, занятый самимъ Ренье. Но шумъ всполошилъ часового. Начались выстрѣлы, и саксонское начальство успѣло спастись. Къ утру, послѣ безпорядочнаго боя и несмотря на разновременность нападенія нашихъ, нѣсколько сбившихся съ направленія въ темнотѣ, колоннъ, въ нашихъ рукахъ оказались городъ, часть обоза и 1 знамя.

Оба послѣдующихъ дня Сакенъ велъ упорный бой съ саксонцами въ окрестностяхъ Волковыска и довелъ дѣло до того, что Шварценбергъ, не дойдя до Слонима, повернулъ на поддержку къ Ренье. Тогда Сакенъ началъ постепенно отступать къ Бресту, втягивая за собой оба непріятельскихъ корпуса, и такимъ образомъ *совершенно оттянулъ* ихъ отъ Чичагова. Задача, выпавшая на долю Сакена, была выполнена имъ блестяще.

Пользуясь этимъ, адмиралъ Чичаговъ направился къ Минску, въ которомъ находился слабый 5-тысячный гарнизонъ,—по большей части, изъ литовскихъ ополченій. 2 и 3 ноября, авангардъ Чичагова, подъ начальствомъ графа Ламберта, разсѣялъ польско-литовскія части и 4-го овладѣлъ Минскомъ, предупредивъ дивизію Домбровскаго, которая спѣшила усиленными переходами со стороны Днѣпра.

5 ноября, Минскъ заняли главныя силы Чичагова, къ которымъ присоединился и отрядъ Лидерса. Эртель же по недоразумѣнію остался у Мозыря и выдѣлилъ на подкрѣпленіе Чичагову только часть своихъ силъ. Сначала Чичаговъ колебался, сможетъ ли онъ до прибытія отъ Сакена подкрѣпленій продолжать движеніе къ Березинѣ. Но, узнавъ о нашихъ успѣхахъ на главномъ театрѣ войны и о бѣдственномъ положеніи Наполеоновской арміи, онъ рѣшилъ итти безостановочно.

Для установленія связи съ Витгенштейномъ, Чичаговъ еще изъ Слонима выслалъ летучій отрядъ (одинъ полкъ казаковъ) флигель-адъютанта полковника Чернышева. Его смѣлое движеніе поражаетъ необычайной быстротою. Въ пять дней онъ прошелъ 350 верстъ по крайне тяжелымъ проселочнымъ дорогамъ въ краѣ, который былъ занятъ непріятелемъ, гдѣ большая часть жителей держала сторону врага. Черезъ Нѣманъ Чернышевъ перешелъ вплавь, по пути захватилъ нѣсколькихъ непріятельскихъ гонцовъ и освободилъ изъ плѣна ген.-ад. Винцингероде, у Верхняго Березина вошелъ въ связь съ Витгенштейномъ и, выполнивъ порученіе, вернулся обратно.

Тѣмъ временемъ, Домбровскій съ польскою дивизіей не успѣлъ захватить Минска и спѣшилъ къ Борисову, куда прибылъ вечеромъ 8 ноября. Въ Борисовѣ былъ единственный мостъ черезъ Березину, защищенный укрѣпленіями, которыя занимались слабыми остатками Минскаго гарнизона. Съ приходомъ Домбровскаго здѣсь находилось около 4 тысячъ человѣкъ. Расположившись на ночлегъ, Домбровскій не принялъ никакихъ мѣръ для развѣдки. Между тѣмъ, смѣлый авангардный начальникъ Чичагова, графъ Ламбертъ уже былъ у самыхъ Борисовскихъ укрѣпленій, которыми и овладѣлъ на разсвѣтѣ внезапнымъ штурмомъ. Захваченные врасплохъ поляки, послѣ отчаяннаго сопротивленія, очистили Борисовъ.

10 ноября, Борисовъ уже заняли главныя силы Чичагова. Благодаря подвигу графа Ламберта, *единственная переправа черезъ рѣку Березину была въ рукахъ Дунайской арміи...*

Положеніе Наполеона становилось чуть не безвыходнымъ. Требовалось полное напряженіе всѣхъ его геніальныхъ способностей, чтобы выпутаться изъ тисковъ.

Между тѣмъ, адмиралъ Чичаговъ былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что самъ Наполеонъ не избѣгнетъ плѣна, и даже разослалъ всѣмъ начальникамъ примѣты великаго французскаго завоевателя.

Послѣ сраженія подъ Краснымъ наступила оттепель. Въ Оршѣ Наполеонъ рѣшилъ сдѣлать остановку и возстановить хоть нѣкоторый порядокъ въ своихъ войскахъ.

Узнавъ здѣсь о неудачѣ Виктора подъ Чашниками и о захватѣ Минска Чичаговымъ, Наполеонъ не могъ не видѣть всей серьезности положенія... Онъ перевелъ къ Борисову корпусъ Удино, которому приказалъ составить авангардъ «великой арміи», а самъ воспользовался кратковременной остановкой въ Оршѣ (до 2 дней всего), чтобы раздать продовольствіе и посредствомъ переформированій привести остатки арміи въ стройный видъ.

Раздача запасовъ нѣсколько пріостановила убыль въ рядахъ, которая была такъ огромна, что корпусъ Даву превратился въ *три батальона*, а вице-короля—въ два. Изъ остатковъ всей конницы Мюрата образовали эскадронъ въ 500 коней, названный «священнымъ» и призванный охранять особу Наполеона; здѣсь генералы командовали взводами, полковники занимали мѣста унтеръ-офицеровъ, а офицеры—рядовыхъ. Орлы и знамена были сняты съ древковъ, хранить ихъ велѣно на отвѣтственности полковыхъ командировъ. Бывшій въ Оршѣ 36-орудійный артиллерійскій паркъ далъ возможность сформировать 6 батарей, которыя и были распредѣлены между остатками корпусовъ, потерявшихъ почти всю свою артиллерію. Чтобы сократить огромное количество обозовъ и обезпечить подвижность артиллеріи, сожгли всѣ лишнія повозки, а также два, оставленныхъ ранѣе въ Оршѣ, понтонныхъ парка. Послѣднее дало до 600 совершенно свѣжихъ упряжныхъ лошадей. Но эта мѣра поставила армію въ большое затрудненіе, въ виду необходимости переправы черезъ Березину, еще не покрывшуюся льдомъ.

Наполеонъ послалъ въ Вильну распоряженіе выслать арміи навстрѣчу транспорты продовольствія и, 8 ноября, съ гвардіей выступилъ изъ Орши. На другой день были уничтожены переправы на Днѣпрѣ. Послѣ этого двинулись остальныя войска, къ которымъ присоединился съ горстью своихъ храбрецовъ маршалъ Ней.

10-го, въ Толочинѣ Наполеонъ получилъ отъ бывшаго впереди Удино роковое извѣстіе о *взятіи Чичаговымъ Борисова.*

Планъ Императора Александра былъ близокъ къ осуществленію. Находясь между Бобромъ и Толочинымъ, главныя силы Наполеона были окружены со всѣхъ сторонъ. Съ запада Чичаговъ съ 30 тысячами преграждалъ путь отступленія. Съ сѣвера грозилъ Витгенштейнъ, противъ котораго боковымъ заслономъ оставался Викторъ. Съ востока настигали казаки Платова и авангардъ Кутузова, подъ начальствомъ Ермолова, перешедшій Днѣпръ у Дубровны. Съ *юго-востока* подходили къ Копысю (на Днѣпрѣ) главныя силы Кутузова. На югъ отъ нихъ черезъ Шкловъ шелъ отрядъ Ожаровскаго. Партизанскіе отряды, подобно пчелиному рою, окружали французовъ со всѣхъ сторонъ.

Къ счастью для непріятеля, послѣ Красненскаго сраженія Кутузовъ двигался чрезвычайно медленно. Фельдмаршала безпокоила быстро разраставшаяся, вслѣдствіе трудностей похода, убыль въ рядахъ. Кромѣ того, Кутузовъ былъ убѣжденъ въ саморазрушеніи французской арміи и былъ увѣренъ, что, во всякомъ случаѣ, соединенныхъ силъ Витгенштейна и Чичагова вполнѣ достаточно, чтобы доконать врага. Старый вождь хотѣлъ притти къ границѣ, по очищеніи Россіи отъ непріятеля, имѣя въ рукахъ достаточно силъ, свѣжихъ и грозныхъ, чтобы внушительно воздѣйствовать на послѣдующія событія.

Да Кутузовъ едва ли принадлежалъ къ числу сторонниковъ полнаго низложенія Наполеона и уничтоженія его власти надъ Франціей. Нашъ полководецъ находилъ, что *для Россіи* совершенно достаточно освободиться отъ непріятеля и показать кичливому врагу и всему міру свою неистощимую мощь. Дальнѣйшую же борьбу съ Наполеономъ, за интересы другихъ, порабощенныхъ имъ странъ Европы, главнымъ образомъ—пограничныхъ съ нами Германскихъ владѣній, Кутузовъ считалъ для насъ вредной, такъ какъ это, въ случаѣ удачи, приводило къ несомнѣнному *усиленію* пограничныхъ съ нами государствъ.

Будущее вполнѣ оправдало опасенія Кутузова: мы имѣемъ сейчасъ на западѣ сильныхъ и грозныхъ въ военномъ отношеніи сосѣдей — имперіи Германскую и Австрійскую.

Для спасенія остатковъ своей арміи, Наполеону приходилось брать силою (или какъ говорятъ: форсировать) переправу черезъ Березину, отбиваясь, въ то же время, отъ противника и съ боку, и сзади. Подъ ружьемъ у него оставалось не болѣе 36 тысячъ человѣкъ, которыхъ сопровождала пятидесятитысячная толпа безоружныхъ.

Рѣка Березина протекаетъ въ болотистой долинѣ, почти не имѣя бродовъ. Ширина самой рѣки—до пятидесяти саженей; въ довершеніе всего, начинался ледоходъ.

Донося о потерѣ Борисова, Удино прибавлялъ, что намѣренъ попытаться отобрать его у русскихъ. Наполеонъ одобрилъ это рѣшеніе, но въ то же время приказалъ Удино произвести подробную развѣдку рѣки по обѣ стороны Борисова и подготовить переправу, если она окажется возможной гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ, Чичаговъ, по занятіи Борисова, выдвинулъ къ Лошницѣ около 3 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ графа Палена. Но оказалось, что Лошницу успѣлъ еще раньше занять авангардъ корпуса Удино, присоединившій здѣсь къ себѣ остатки разбитой у Борисова польской дивизіи Домбровскаго.

На разсвѣтѣ 11-го числа, Удино подкрѣпилъ свой авангардъ и, верстахъ въ трехъ не доходя Лошницы, обрушился на подходившаго Палена. Путь его слѣдованія пролегалъ обширнымъ лѣсомъ, такъ что развернуться было негдѣ. Только близъ Лошницы лѣсъ кончался, но небольшой перелѣсокъ еще отдѣлялся отъ опушки. Этотъ перелѣсокъ Удино занялъ пѣхотою, конницу скрылъ сзади, а артиллерію расположилъ по бокамъ. И вотъ голова колонны Палена была неожиданно осыпана жестокимъ перекрестнымъ огнемъ. Палену такъ и не удалось развернуться. Удино же воспользовался удобной минутой, перешелъ въ наступленіе; его конница вогнала нашу пѣхоту въ лѣсъ и внесла полный безпорядокъ въ нашемъ отрядѣ, который поспѣшно отступилъ, преслѣдуемый по пятамъ французами.

Пораженіе авангарда и быстрые успѣхи французовъ были полною неожиданностью для Чичагова.

Второпяхъ распорядился онъ перевести какъ можно скорѣе свои войска на правый берегъ Березины, что было выполнено не безъ нарушенія порядка. На мосту столпились. Повозки и лошади сталкивались въ воду. Часть обозовъ была брошена. Собственный багажъ Чичагова достался въ руки французовъ. Но благодаря находчивости князя Щербатова, быстро выставившаго батарею близъ дороги, французы были нѣсколько задержаны, и мы *успѣли уничтожить* мостъ. Часть егерей Палена перешла Березину кружнымъ путемъ черезъ бродъ у Студянки.

Извѣстный баснописецъ нашъ Крыловъ въ своей баснѣ «Щука и Котъ» намекаетъ именно на этотъ случай съ адмираломъ Чичаговымъ, котораго, какъ моряка, общественное мнѣніе прежде всего обвиняло въ нашихъ неудачахъ на Березинѣ. То, что «зубастой щукѣ», принявшейся за «кошачье ремесло», крысы отъѣли *хвостъ*,—именно и

заключало въ себѣ намекъ на потерю Чичаговымъ въ Борисовѣ своихъ собственныхъ вещей вмѣстѣ съ прочими обозами.

Послѣ отхода отъ Борисова положенiе Чичагова во многомъ измѣнилось къ худшему. Онъ вынужденъ былъ держать всѣ свои силы на западной сторонѣ рѣки, лишенъ возможности имѣть вѣрныя свѣдѣнiя о противникѣ и оставался безъ связи съ остальными нашими войсками. По основному плану Императора Александра предполагалось, что на Березинѣ преградятъ Наполеону выходъ изъ Россiи соединенныя силы Чичагова и Витгенштейна. Теперь великому полководцу удалось разъединить ихъ и поставить между ними такую серьезную преграду, какъ Березина. Правда, французамъ предстояла еще крайне трудная задача преодолѣть эту преграду, обороняемую противникомъ. Однако, положенiе врага стало много лучше съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали обладать свободнымъ переходомъ через эту преграду.

Послѣ дѣла при Лошницѣ Чичаговъ цѣлый день, 12 ноября, оставался съ главными своими силами противъ Борисова. Дивизiю Чаплица (около 5 тыс. человѣкъ) онъ передвинулъ къ деревнямъ Брили и Веселова, противъ брода у Студянки. Южнѣе, между Борисовымъ и Нижнимъ Березино, находился отрядъ графа Орурка. Такимъ образомъ Чичаговъ оборонялъ участокъ рѣки, протяженiемъ до 80 верстъ. Главныя его силы были гораздо ближе къ сѣверному краю этого участка и могли поспѣть туда въ тотъ же день; на южный же конецъ они могли подойти только къ исходу вторыхъ сутокъ.

Наполеонъ окончательно рѣшилъ пробиться черезъ рѣку у самаго Борисова или поблизости, у Студянки, гдѣ какъ разъ совершенно случайно его конница обнаружила бродъ. Выгода этого направленiя заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что армiя кратчайшимъ путемъ двигалась на Вильну; другое, тоже весьма выгодное, направленiе шло южнѣе Борисова и выводило на Минскъ: оно сближало Наполеона съ Шварценбергомъ и Ренье, т.-е. со свѣжими силами.

Чтобы успѣшно выйти изъ готовившейся западни, Наполеонъ долженъ былъ обмануть противника и сдѣлать видъ, что переправа будетъ южнѣе Борисова.

Едва Наполеонъ получилъ извѣстiе о существованiи у Студянки брода, какъ тотчасъ же приказалъ маршалу Удино произвести скрытно точное его изслѣдованiе. Удино выяснилъ, что ширина рѣки здѣсь не превосходитъ десяти саженъ, но болотистые берега увеличиваютъ ее до 30—35 саженъ; глубина же брода, обыкновенно—около 4 футовъ, увеличилась вслѣдствiе прибыли воды. Наполеонъ рѣшилъ пе-

реправляться здѣсь и поручилъ артиллерійскому генералу Обри, подъ строжайшимъ секретомъ, собирать у Студянки матеріалы и дѣлать всѣ нужныя приготовленія къ устройству переправы; маршалъ

Планъ мѣстоположенія между Борисовымъ и Зембиномъ.

же Удино, тѣмъ временемъ, старался своими дѣйствіями вселить въ Чичагова убѣжденіе въ томъ, что переправа будетъ въ направленіи на Минскъ. Маршалъ Викторъ получилъ приказаніе передвинуться къ Баранамъ, чтобы прикрывать переправу отъ Витгенштейна.

Для введенія Чичагова въ заблужденіе были предприняты слѣдующія мѣры: во-1-хъ, французы показались по *обѣ* стороны Борисова, на протяженіи 30—40 верстъ; во-2-хъ, часть саперъ и понтонеръ (кромѣ посланныхъ къ Студянкѣ) появились у Борисова и у д. Ухолоды, ниже его (здѣсь также былъ бродъ); они производили рубку лѣса и *явно* дѣлали всѣ приготовленія для наводки моста; въ-3-хъ, войскамъ французскимъ было объявлено, что переправа будетъ ниже Борисова, въ расчетѣ, что это дойдетъ до русскихъ; тѣ же слухи пущены были среди мѣстныхъ жителей. Начальникъ штаба корпуса Удино потребовалъ къ себѣ нѣсколькихъ знакомыхъ съ мѣстностью евреевъ и началъ разспрашивать ихъ о бродѣ у деревни Ухолоды и далѣе о путяхъ, ведущихъ оттуда къ Минску; сдѣлавъ видъ, что вполнѣ удовлетворенъ полученными свѣдѣніями, онъ оставилъ при себѣ въ качествѣ проводниковъ только часть опрошенныхъ, а остальныхъ отпустилъ. Понятно, евреи тотчасъ же сообщили эти свѣдѣнія Чичагову.

Въ это время Чичаговъ получилъ отъ Витгенштейна увѣдомленіе, что корпусъ Виктора отступаетъ къ *югу*, а слѣдовательно, можно было предполагать, что французы будутъ переправляться южнѣе Борисова.

Дѣйствительно, Викторъ неправильно понялъ данное ему Наполеономъ приказаніе и отъ Череи пошелъ не къ Баранамъ (т.-е. *на юго-западъ)*, а къ Лошницѣ. Такимъ образомъ Викторъ открывалъ дѣйствительное мѣсто переправы ударамъ Витгенштейна, если бы послѣдній не поддался обману.

13 ноября, Чичаговъ сдѣлалъ какъ разъ то, чего добивался Наполеонъ: онъ двинулся правымъ берегомъ рѣки съ главными силами на югъ, къ Шебашевичамъ, а Чаплицэ перевелъ къ Борисову, приказавъ ему оставить противъ Студянки лишь небольшой отрядъ (4 слабыхъ батальона съ артиллеріей полковника Корнилова).

Въ тотъ же день, Удино лѣвымъ берегомъ Березины двинулся къ Студянкѣ, оставивъ у Ухолоды одинъ батальонъ и всѣ толпы безоружныхъ, которыя съ того берега могли быть приняты за сильныя колонны войскъ.

Одинъ изъ очевидцевъ, состоявшій при главной квартирѣ Наполеона, французскій генералъ, такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ о канунѣ переправы:

«Мы прибыли въ главную квартиру Удино на разсвѣтѣ. Императоръ говорилъ нѣсколько минутъ съ маршаломъ и, закусивъ, отдалъ приказанія. Ней отозвалъ меня въ сторону и, когда мы вышли, сказалъ мнѣ по-нѣмецки:

« — Наше положеніе—неслыханное. Если Наполеонъ выпутается сегодня, въ немъ сидитъ самъ чортъ...

«Мы испытывали большое безпокойство, да и было отчего. Подошедшій къ намъ король неаполитанскій (т.-е. Мюратъ) казался не менѣе озабоченнымъ.

« — Я предложилъ Наполеону,—сказалъ онъ,—спастись самому, переправясь черезъ рѣку въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда; у меня есть поляки, которые берутся доставить его въ Вильну, но онъ и слышать объ этомъ не хочетъ. Что касается до меня, то я не думаю, чтобы мы вывернулись.

«Мы всѣ трое были того же мнѣнія. Мюратъ продолжалъ:

« — Мы всѣ тутъ погибнемъ: о сдачѣ не можетъ быть и рѣчи.

«Разговаривая, мы замѣтили, что непріятель уходитъ; его сомкнутыя части исчезли, огни потухли, виднѣлся только хвостъ колонны, исчезавшій въ лѣсу, и 5—6 сотенъ казаковъ, разсыпанныхъ по равнинѣ. Мы принялись разсматривать въ подзорную трубу и убѣдились, что лагерь былъ снятъ. Я отправился къ Наполеону, который разговаривалъ съ маршаломъ Удино.

« — Государь, непріятель очистилъ позицію.

« — Не можетъ быть!

«Вошедшіе въ эту минуту король неаполитанскій и маршалъ Ней подтвердили мои слова. Императоръ вышелъ изъ лачуги и, бросивъ взглядъ на противоположный берегъ, воскликнулъ: «Я обманулъ адмирала! Онъ предполагаетъ меня на томъ пунктѣ, гдѣ я приказалъ вводить его въ заблужденіе»...

Искусныя дѣйствія Наполеона привели къ тому, что въ самую важную минуту и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о судьбѣ остатковъ «великой арміи», имъ могли противодѣйствовать только четыре батальона! Французская же армія въ вечеру *14-го числа* была стянута на пространствѣ 30 верстъ между Студянкой (Удино) и Лошницей (Викторъ).

Прежде всего французы на правый берегъ рѣки перевезли на плотахъ 400 человѣкъ егерей, а выше Студянки перешла въ бродъ конница (бригада генерала Корбино, изъ корпуса Удино), имѣя на крупахъ лошадей по пѣхотинцу. Эти силы оттѣснили Корнилова, при поддержкѣ 40-пушечной батареи, осыпавшей его огнемъ съ противоположнаго берега.

Корниловъ укрылся въ лѣсу. Тогда французы приступили къ одновременной постройкѣ двухъ мостовъ: одного для пѣхоты, другого для артиллеріи. Такъ какъ по рѣкѣ шелъ густой сплошной ледъ, то нужно было дѣлать мосты на козлахъ, а не на пловучихъ устояхъ. Козлы же, вслѣдствіе недостатка матеріала, были непрочны, отсюда—постоянная порча мостовъ, задерживавшая переправу.

Воодушевляемые личнымъ присутствіемъ императора, французскіе понтоперы и саперы работали днемъ и ночью съ полнымъ самоотверженіемъ, почти все время—по поясъ въ ледяной водѣ. Трудность наводки мостовъ усугубилась вслѣдствіе того, что изъ-за прибыли воды увеличилась до 46 саженъ ширина рѣки, а глубина до 6 футовъ. Морозъ, стянувъ болота, нѣсколько увеличилъ доступность береговъ, но зато стужа мѣшала строителямъ мостовъ при работѣ наводки. Многіе платились жизнью за беззавѣтное исполненіе долга, но выбывшіе немедленно замѣщались другими, и работа не прекращалась ни на секунду. Къ часу дня верхній мостъ былъ готовъ, и корпусъ Удино

Переправа французской арміи через Березину въ 1812 году.
(Съ картины Ланглуа).

(наиболѣе сохранившій порядокъ) былъ переведенъ на тотъ берегъ, съ обычными криками: «да здравствуетъ императоръ!» — Удино прикрылъ переправу и постройку другого моста, законченнаго къ 4 часамъ. Слѣдомъ за Удино переправилась гвардія, далѣе корпусъ Нея, подкрѣпившій Удино.

Корнилова потѣснили еще глубже въ лѣсъ и тамъ закипѣлъ упорный бой; но къ Корнилову уже подоспѣлъ на помощь изъ Борисова Чаплицъ, пославшій Чичагову спѣшное донесеніе о происходившемъ...

Чичаговъ не повѣрилъ донесенію и рѣшилъ ждать у Шебашевичей извѣстій отъ графа Орурка.

За день 14 ноября, наши другія войска передвинулись: Витгенштейнъ—до Кострицы; Платовъ дошелъ до Лошницы, Ермоловъ—до Крупокъ, Милорадовичъ—до Малявки; Кутузовъ только переправился черезъ Днѣпръ...

У французовъ, къ утру 15-го числа, на лѣвомъ берегу оставался лишь корпусъ Виктора, всѣ безоружные и обозы. Арьергардъ (дивизія Партуно этого корпуса) оставался у Борисова.

Переправа тянулась непрерывно всю ночь. Мосты неоднократно ломались и на переправѣ происходили громадные безпорядки. Для устраненія ихъ и ускоренія движенія войскъ, самъ Наполеонъ провелъ безотлучно всю ночь у мостовъ.

15 ноября, у Студянки обѣ стороны бездѣйствовали. Наши войска поджидали главныхъ силъ Чичагова, а французы безпрепятственно продолжали переправу... Черезъ мосты длинною, безконечною лентой потянулись обозы и безоружные...

Утромъ, 15 ноября, Чичаговъ получилъ и отъ графа Орурка донесеніе, что южнѣе Борисова нѣтъ французовъ. Тогда Чичаговъ двинулся къ Борисову, но, подойдя сюда къ вечеру, остановился на ночлегъ. Между тѣмъ, онъ долженъ былъ итти съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ, и тогда онъ попалъ бы къ Стахову какъ разъ въ то время, когда, вслѣдствіе поломки одного изъ мостовъ, переправа у французовъ замедлилась.

Витгенштейну также стало извѣстно о переправѣ французовъ у Студянки. Онъ пошелъ на Борисовъ, гдѣ отрѣзалъ отъ прочихъ войскъ дивизію Партуно и заставилъ ее положить оружіе...

Въ ночь на 16-е число, у Борисова былъ наведенъ мостъ, и Чичаговъ, наконецъ, вошелъ въ связь съ Витгенштейномъ, а также съ Платовымъ и Ермоловымъ, изъ коихъ первый уже достигъ Борисова, а второй былъ отъ него въ 17 верстахъ...

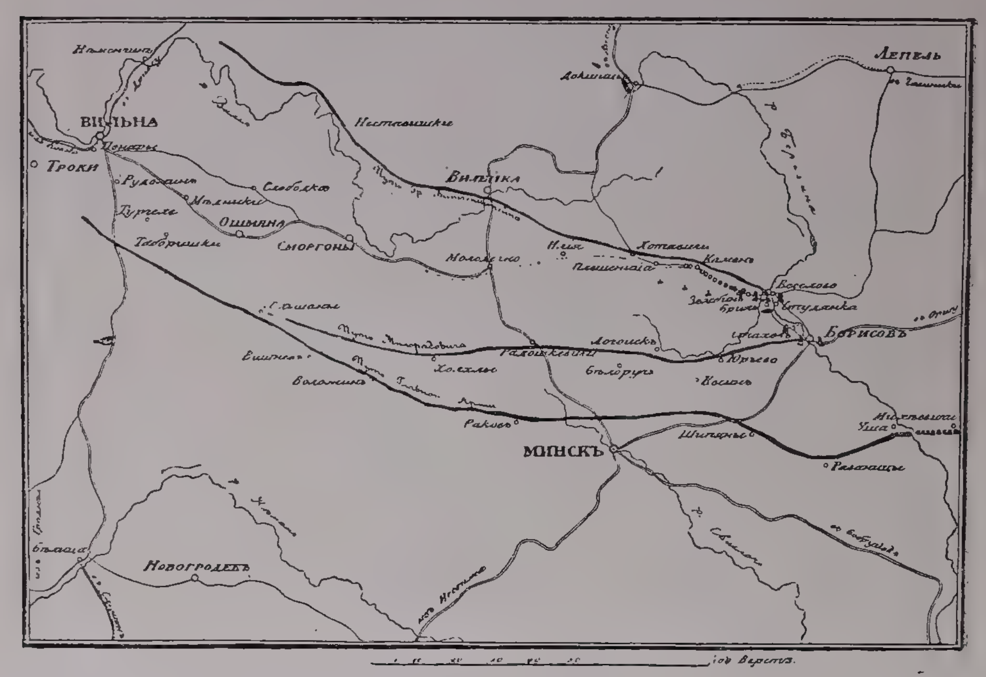
16-го числа, Витгенштейнъ и Чичаговъ атаковали французовъ, каждый на своемъ берегу; но французы на обоихъ берегахъ удержались до ночи, а ночью войска маршала Виктора, дравшіяся съ Витгенштейномъ на лѣвомъ берегу, начали отступать. Но отступленіе это удалось выполнить далеко не сразу. Мосты были запружены до нельзя повозками и спѣшившими на тотъ берегъ Березины безоружными бѣглецами, которые тѣснились между ними. Весь огромный обозъ «великой арміи» запрудилъ совершенно выходъ на мостъ...

Во время боя одна изъ конныхъ батарей Витгенштейна открыла огонь по мостамъ и обозамъ... Тотчасъ же началось неописуемое смятеніе; все хлынуло къ мостамъ, у которыхъ образовалась жестокая

свалка; люди гибли подъ копытами, колесами и даже подъ ногами своихъ товарищей. Многіе были сброшены въ рѣку и старались пробраться вплавь между льдинами, но большинство изнуренныхъ людей, конечно, потонуло...

Только самоотверженіе войскъ Виктора, которыя произвели нѣсколько отчаянныхъ атакъ, заставившихъ насъ податься назадъ, спасло остатки французовъ отъ полнаго крушенія.

Переправа досталась Наполеону дорогою цѣною: по показаніямъ самихъ французскихъ писателей, у него осталось подъ ружьемъ не болѣе 9.000 человѣкъ, которыхъ преслѣдовали по направленію къ Вильнѣ.

Карта дѣйствій отъ Березины къ Вильнѣ.

Перейдя на другой берегъ, Викторъ уничтожилъ за собой мосты, хотя огромная толпа безоружныхъ и масса обозовъ остались непереправленными... Никакими мѣрами нельзя было заставить этихъ полузастывшихъ людей двигаться...

Видя это, Викторъ, уже въ седьмомъ часу утра 17-го числа, перевелъ черезъ мостъ свои послѣдніе войска. Тогда толпа несчастныхъ, понявъ, что мосты сейчасъ будутъ истреблены, ринулась къ нимъ. Возобновились потрясающія сцены... Приближеніе русскихъ заставило зажечь мосты. Снова тысячи людей, бросившихся на мостъ, обрѣли могилу въ ледяныхъ струяхъ Березины...

Въ концѣ-концовъ, величественный планъ Императора Александра удался лишь отчасти. Въ постигшемъ «великую армію» при подходѣ ея къ Березинѣ почти безвыходномъ положеніи военный геній Наполеона вдругъ вспыхиваетъ яркимъ блескомъ, и великій вождь встаетъ предъ нами во весь ростъ... Невольно приходится преклониться передъ тѣмъ неизмѣримымъ самоотверженіемъ и напряженіемъ силъ, которое проявлено было какъ самимъ полководцемъ, такъ и его сподвижниками въ эти дни послѣднихъ, предсмертныхъ судорогъ французской арміи...

Разбитіе маршала Виктора при Старомъ Борисовѣ, 15 и 16 ноября 1812 года. (Рис. Д. Скотти).

Рядъ несчастныхъ случайностей и—надо это признать,—рядъ, быть-можетъ, невольныхъ, но безусловно вредныхъ для успѣха дѣла ошибокъ, были причиною неналаженности дѣйствій нашихъ военачальниковъ. Дѣло затруднялось еще и потому, что Кутузовъ находился въ 100 верстахъ отъ мѣста дѣйствія, и Витгенштейнъ и Чичаговъ не были направляемы свыше. Ихъ упущеніями геніальный противникъ и сумѣлъ воспользоваться.

Обаяніе имени Наполеона также дѣйствовало на этихъ двухъ нашихъ генераловъ,—каждый изъ нихъ уклонялся отъ встрѣчи съ

нимъ лицомъ къ лицу, въ одиночку. По мѣткому выраженію знаменитаго военнаго писателя Клаузевица, Наполеонъ на Березинѣ всецѣло воспользовался давно отложеннымъ капиталомъ—славою прежнихъ побѣдъ...

Образъ дѣйствій Кутузова представляется въ данномъ случаѣ загадочнымъ, и онъ подвергся въ свое время не малымъ нареканіямъ, а Императоръ Александръ, хотя и наградилъ его щедро по окончаніи войны, но не скрывалъ своего нерасположенія. Разгадка такого поведенія Кутузова, вѣроятно, въ его политической проницательности: думая всего болѣе объ интересахъ *Россіи*, нашъ старый

Въ окрестностяхъ Бобра, 23 ноября 1812 года.
(Рис. Фаберъ-дю-Форъ).

вождь не хотѣлъ *совершеннаго уничтоженія власти Наполеона.* Онъ неустанно повторялъ, уже по прибытіи Государя въ Вильну, что, по его мнѣнію, дальнѣйшая война за границей Имперіи *вредна и безполезна.*

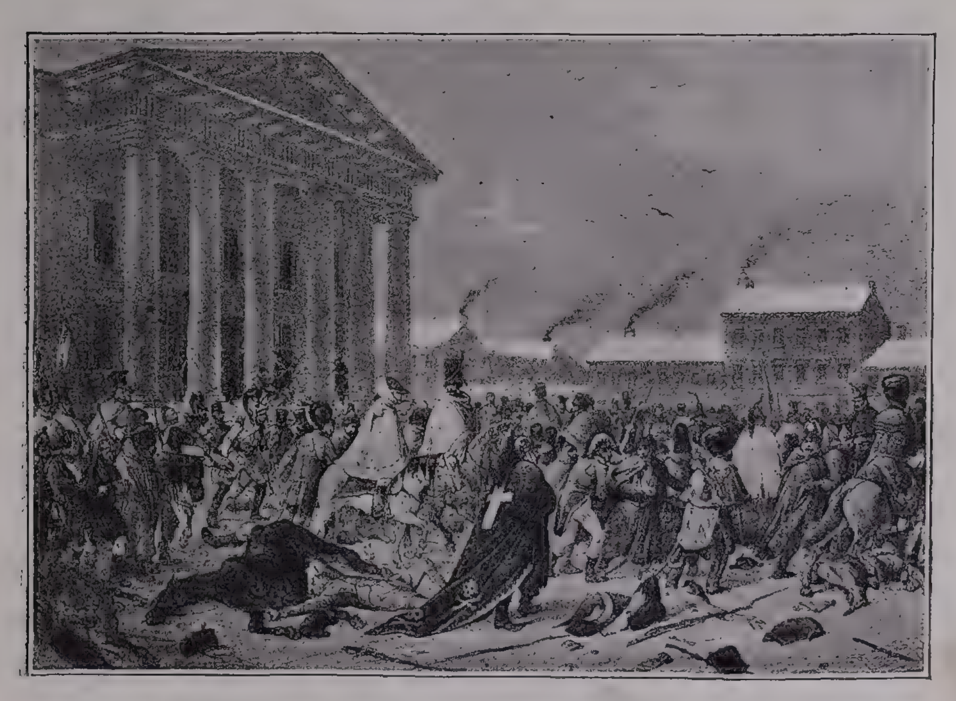
«Великая армія» погибла, но не погибъ самъ Наполеонъ и его маршалы. Эта горсть, но горсть, такъ сказать, золота, послужила основой для образованія новыхъ армій, не менѣе многочисленныхъ, чѣмъ погибшая, хотя, безспорно, и худшихъ по качеству...

Дальнѣйшее отступленіе французовъ послѣ Березины носило характеръ безпорядочнаго бѣгства. Цѣль нашего преслѣдованія

заключалась въ томъ, чтобы не дать боковымъ корпусамъ (Макдональда, Шварценберга и Ренье) присоединиться къ остаткамъ главной арміи французовъ. Разстройство Наполеоновскихъ войскъ было довершено сильными (почти 30-градусными) морозами: вся дорога была усѣяна трупами погибшихъ отъ холода и голода. Армія перестала существовать. Осталась безпорядочная толпа, въ которой нельзя было отличить офицеровъ отъ солдатъ... Только одна старая гвардія Наполеона сохранила еще подобіе строя, но ряды ея быстро рѣдѣли.

Видя полную гибель арміи и сознавая неизбѣжность продолженія борьбы, Наполеонъ счелъ необходимымъ лично вернуться на родину и взять въ свои руки дѣло созданія новой военной силы. Онъ издалъ, 21 ноября, свой послѣдній (29-й) приказъ по арміи (такъ называемый «бюллетень»), въ которомъ впервые откровенно оповѣстилъ Францію и Европу о постигшихъ его бѣдствіяхъ. Затѣмъ, передавъ командованіе Мюрату, онъ изъ Сморгони выѣхалъ въ Парижъ. По пути онъ едва не попалъ въ руки партизану Сеславину.

Прибывшей въ Вильну съ тыла 10-тысячной дивизіи Луазона велѣно было итти навстрѣчу отступавшимъ. Но послѣ двухъ пе-

Отступленіе французской арміи черезъ Вильну въ 1812 году.
(Съ рис. Дамеля).

реходовъ въ ней осталось только *3 тысячи:* такъ повліяла вѣсть о постигшемъ армію бѣдствіи. Солдаты пали духомъ и массами оставляли свои ряды...

По прибытіи въ Вильну, у французовъ находилось всего 4.300 человѣкъ.

28 ноября, мы заняли древнюю столицу Литвы, захвативъ обширные склады, болѣе 140 орудій и 14.000 плѣнныхъ. Въ числѣ отбитыхъ повозокъ находилась казна Наполеона, до 11 милліоновъ франковъ.

Бѣжавшій непріятель прошелъ разстояніе въ 100 верстъ отъ Вильны до Ковны въ три перехода. Маршалъ Ней, съ ничтожнымъ арьергардомъ, все время пытался задерживать русскихъ, но здѣсь казаки, 2 декабря, окончательно разсѣяли эту послѣднюю горсть вооруженныхъ людей...

Въ общемъ, изъ 600-тысячной арміи Наполеона обратно возвратилось только около 1.000 человѣкъ вооруженныхъ (400 человѣкъ старой гвардіи и 600 гвардейской кавалеріи), съ 9 орудіями, и до 20.000 безоружныхъ...

Занявъ Вильну, Кутузовъ расположилъ свои силы на широкихъ квартирахъ за Нѣманомъ, предоставивъ дальнѣйшее преслѣдованіе казакамъ Платова и авангардамъ Витгенштейна и Чичагова. Рѣшеніе это вызвано огромными потерями, понесенными нашей арміей во время преслѣдованія... Такъ, главныя силы со 100 тысячъ, выступившихъ изъ Тарутина, уменьшились до 42 тысячъ; армія Чичагова—съ 32 тысячъ до 17; болѣе другихъ сохранился корпусъ Витгенштейна (34 т.).

Кутузовъ полагалъ, что изгнаніемъ противника изъ Россіи война должна окончиться. Но не таково было намѣреніе Императора Александра.

— Или онъ (Наполеонъ)—или Я; но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ!—заявилъ Государь.

Кутузовъ получилъ повелѣніе преслѣдовать французовъ неотступно и внѣ границъ нашего Отечества. Такъ началась война за освобожденіе Европы отъ власти Наполеона.

Оставалось еще раздѣлаться съ боковыми корпусами Наполеона, отъ которыхъ послѣдній долго скрывалъ истинное положеніе дѣлъ. Только 27 ноября изъ Вильны имъ приказано было отходить: Шварценбергу—къ Бѣлостоку, а Макдональду—къ Тильзиту. Въ концѣ декабря, Шварценбергъ и Ренье вышли изъ нашихъ предѣловъ въ герцогство Варшавское, которое, въ свою очередь, было очищено въ январѣ 1813 года.

Макдональдъ, значительная часть силъ котораго состояла изъ пруссаковъ, получилъ слишкомъ поздно (6 декабря) приказаніе объ отступленіи. Часть его войскъ успѣла пройти къ Тильзиту, часть же (какъ разъ пруссаки) отстала. Въ разрѣзъ между ними проникли наши передовыя части, подъ начальствомъ Дибича. Послѣдній вступилъ въ переговоры съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ, который у Померунской мельницы подписалъ договоръ о присоединеніи своихъ войскъ (16 тыс. съ 47 орудіями) къ русскимъ. Остатки же корпуса, съ Макдональдомъ во главѣ (8 т.), дошли до Кенигсберга.

Въ окрестностяхъ Сморгони, 3 декабря 1812 года.
(Рис. Фаберъ-дю-Форъ).

Въ половинѣ декабря великій обѣтъ Русскаго Царя могъ считаться свято выполненнымъ. «*Ни единаго непріятельскаго воина*» въ русской землѣ уже не оставалось. Но, какъ было сказано, Императоръ Александръ не считалъ возможнымъ, по достиженіи этой цѣли, «положить оружіе». Онъ былъ убѣжденъ, что прочный миръ достижимъ только при условіи низложенія Наполеона. Прибывъ, 11 декабря, въ Вильну, Государь приказалъ нашимъ войскамъ переходить границу.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

«Отечественная» война кончилась.

Она занимаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ выдающееся, можно сказать, единственное по своему значенію мѣсто, такъ какъ она велась *въ отечествѣ, за отечество* и *всѣмъ отечествомъ.* Этою войной русскій народъ справедливо гордится передъ всѣми народами болѣе, нежели какой-либо другой.

Въ эту войну мы воевали не одною только арміей, а *всѣмъ народомъ.*

Мы дали всему міру нигдѣ не виданный и неподражаемый образецъ любви къ Родинѣ и способности къ самопожертвованію. Въ той же Франціи, когда ее, при племянникѣ Наполеона I, императорѣ Наполеонѣ III, постигло въ 1870 году германское нашествіе, развѣ было что-либо подобное? Правда, послѣ гибели всѣхъ регулярныхъ силъ французовъ и плѣненія самого императора съ его арміей подъ Седаномъ, новое правительство пыталось создавать свѣжія вооруженныя силы, собранныя съ населенія, и, помощью ихъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ отстаивало родину; но мирное населеніе все же покорялось врагу и послѣдній ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка... Точно также въ Германіи въ 1813 году не было недостатка въ одушевленіи: въ подражаніе Россіи и тамъ образовались партизанскіе отряды; но все же такого общаго, единодушнаго подъема всей народной массы, какъ у насъ, нигдѣ не было.

Этимъ-то единодушіемъ, этимъ общимъ пониманіемъ своихъ обязанностей передъ Отечествомъ, этой огромной, неистощимой, безпредѣльной *силой духа народнаго*— мы и побѣдили дотолѣ непобѣдимаго, величайшаго полководца.

Проницательный умъ Наполеона, казалось, все предусмотрѣлъ при подготовкѣ къ войнѣ, про которую онъ самъ говорилъ, что никогда не дѣлалъ столь обширныхъ приготовленій. Онъ не предвидѣлъ только *духовной мощи Россіи,*—онъ, который самъ говорилъ, что «въ каждомъ военномъ предпріятіи $^3/_4$ успѣха зависитъ отъ духа, и только одна четверть отъ силы»...

Иностранные писатели, обыкновенно, стараются доказывать, что въ 1812 году французская армія погибла отъ морозовъ и что будто бы въ ея гибели русское воинство и народъ сравнительно приняли мало участія; всѣ наши успѣхи объясняются только обезсиленіемъ жестоко страдавшихъ отъ холода французовъ.

Точныя данныя устанавливаютъ (по показаніямъ самихъ же французовъ), что морозы начались въ концѣ октября, т.-е. когда Напо-

леонъ *уже свернулъ* на старую Смоленскую дорогу. Сравнительно большіе холода (отъ 12 до 17 градусовъ по стоградусному термометру) были съ 25 по 28 октября (между Вязьмой и Смоленскомъ). Отъ Орши до Березины наступила оттепель, и морозъ ниже 4^0 (по 100 градуснику) не опускался. На Березинѣ, которую переходили по мостамъ, морозы усилились и держались до самаго конца не менѣе 20 градусовъ; но тогда уже французская армія перестала существовать.

Французы погибли не отъ морозовъ. Такіе же морозы были и въ кампанію 1807 года, однако—французы ее прекрасно выдержали. Вся сила заключалась въ умѣньѣ нашихъ предводителей, а за ними и всего народа, правильно угадывать *больное мѣсто* огромнаго Наполеонова полчища—вопросъ *продовольственный*.

При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ кормить такую огромную армію, особенно при быстротѣ ея наступленія къ Москвѣ, однимъ только подвозомъ съ тыла—было невозможно. Обозы всегда отставали, да къ тому же обозныя лошади нуждались въ подножномъ кормѣ, истребляемомъ шедшей впереди кавалеріей, а затѣмъ и самими жителями. Начиная отъ Смоленска, населеніе хорошо поняло, раньше какихъ бы то ни было на этотъ счетъ распоряженій свыше,—въ чемъ главная потребность непріятеля, и само старалось лишить его пропитанія.

Французская армія начала голодать еще задолго до Москвы. Самая побѣда, которой она долго и тщетно искала, была ей нужна, главнымъ образомъ, для того, чтобы получить все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество, какъ сказалъ самъ Наполеонъ въ своемъ воззваніи.

Величіе Кутузова и русскаго народа—въ томъ, что они все время, работая рука объ руку, неуклонно преслѣдовали одну цѣль—не дать врагу этого «нужнаго» и этимъ навѣрняка, безъ рискованнаго шага, безъ лишняго кровопролитія, уничтожить его.

Одинъ Кутузовъ все время твердо стоялъ на томъ, что Бородинское сраженіе было побѣдою, и онъ же все время удерживалъ наши войска отъ всякихъ увлеченій, будучи увѣренъ, что главная цѣль—избавленіе Родины отъ нашествія—можетъ быть постепенно достигнута безъ риска. Кутузовъ, съ его прозорливостью и огромнымъ военнымъ и житейскимъ опытомъ, понималъ, что послѣ того огромнаго потрясенія, которое перенесла подъ Бородинымъ Наполеоновская армія, пребываніе въ разоренной и опустѣлой Москвѣ будетъ для нея не отдыхомъ и подкрѣпленіемъ силъ, а наоборотъ—разслабленіемъ и разложеніемъ. По мѣткому выраженію графа Льва Толстого, подъ

Бородинымъ французамъ нанесена была смертельная рана, не перестававшая источать кровь до самаго конца войны. Прибавить можно, что въ Москвѣ въ эту открытую рану занесены были источники заразы, отъ которой и погибла французская армія.

Впустивъ непріятеля въ Москву, Кутузовъ выигралъ прежде всего *время*, то, что на войнѣ, по словамъ Суворова, «дороже всего». Это время было блестяще имъ использовано: мастерскимъ передвиженіемъ къ Тарутину богатые жизненные источники юга Россіи прикрыты, сдѣланы недоступными противнику и вполнѣ использованы для нашего усиленія, въ Москвѣ постепенно окружили врага тройнымъ кольцомъ партизанскіе отряды, народныя дружины и губернскія ополченія.

«Великая армія» въ Москвѣ истощается, распшатывается и лишается способности къ борьбѣ. Уже при выходѣ изъ Москвы войска Наполеона болѣе чѣмъ на половину утратили дисциплину и даже воинскій видъ... Привычка къ грабежу и мародерству пріучила непріятельскихъ солдатъ къ неповиновенію начальникамъ, что сказалось позднѣе, когда настали тяжелыя испытанія...

Роковое рѣшеніе возвращаться на старую Смоленскую дорогу, когда Кутузовъ такъ мастерски и во-время преградилъ французамъ доступъ на югъ, уже свидѣтельствовало объ одномъ, господствующемъ среди нихъ стремленіи—уходить, уходить какъ можно поскорѣе изъ этой ужасной, негостепріимной страны, гдѣ и войска, и населеніе, и климатъ,—все соединилось противъ нихъ... И потому какъ бы непроизвольно армія стала уходить *кратчайшимъ*, т.-е. прежнимъ, уже разореннымъ путемъ...

Только въ дни Березинской переправы въ этой обезумѣвшей толпѣ голодныхъ, измученныхъ страдальцевъ точно пробуждается сознаніе, и вспыхнувшій снова яркимъ свѣточемъ геній великаго предводителя не надолго успѣваетъ поднять духъ и потребовать величайшаго напряженія воли... Но надо, все-таки, помнить, что на Березинѣ вся львиная доля работы выпала на тѣ части «великой арміи», которыя (какъ корпуса Удино, Виктора, С.-Сира) подъ Бородинымъ *и въ Москвѣ не были* и не претерпѣли всего убійственнаго оттуда отступленія... Наполеонъ воспользовался ихъ болѣе свѣжими силами, а также своею гвардіей, которая до конца сохранила наибольшій порядокъ, да и не мудрено: о ней прежде всего заботились.

Напряженіе, потребовавшееся на берегахъ Березины, доконало французскую армію, и она почти безслѣдно растаяла къ самой границѣ...

Пророчество Кутузова исполнилось. «*Все это развалится и безъ меня*», говорилъ онъ, удерживая свои войска отъ стремленія быстро раздѣлаться съ непріятелемъ. За это фельдмаршала жестоко осуждали современники. Мы же не можемъ не преклониться передъ его выдержкой...

Тяжелое рѣшеніе отдать Москву на погибель врагу, искусный переходъ на Тарутинскую позицію и затѣмъ единственное въ исторіи параллельное преслѣдованіе, которое, закрывая все время противнику доступъ къ плодороднымъ губерніямъ, истребляло его постепенно безъ всякихъ сраженій,—одно это уже ставитъ имя Кутузова на ряду съ наиболѣе славными полководцами міра.

Но есть у Кутузова одно, лично ему, и никому, пожалуй, другому въ такой степени не присущее качество,—это то, что онъ дѣйствовалъ все время въ полномъ единеніи съ народомъ. Самъ народный избранникъ, онъ понималъ душу народную, и всѣ его дѣйствія согласованы съ желаніемъ народа... Русское сердце склонно всегда жалѣть, даже врага. Кутузовъ не стремился къ излишнему кровопролитію, къ истребленію обезсиленнаго противника въ бояхъ: онъ довольствовался тѣмъ, что само, такъ сказать, плыло ему въ руки, точно *жалѣя* своего врага, и безъ того осужденнаго на неизбѣжную гибель...

Вотъ эту-то *сердечность* и цѣнитъ въ Кутузовѣ русскій народъ; вотъ почему до сихъ поръ Кутузовъ, на ряду съ Суворовымъ, учившимъ также жалѣть побѣжденныхъ, такъ прочно живетъ въ памяти народной и ему отведено такое широкое мѣсто въ народныхъ преданіяхъ...

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ...
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ...
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;

Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ!..

(Пушкинъ.)

Та основная мысль, та какъ бы заповѣдь или клятва, которую съ самаго начала твердо и открыто высказалъ Монархъ—*не класть оружія, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ останется въ русской землѣ*—была воспринята и усвоена непоколебимо всѣмъ русскимъ народомъ... Какъ одинъ человѣкъ, поднялась на врага вся Россія, и каждый, чѣмъ только могъ, жертвовалъ на защиту Отечества.

Русскіе люди показали всему міру, въ достопамятную годину двѣнадцатаго года, что они способны, когда нужно, сдѣлать то, на что никто другой не отважится...

Медаль въ память Отечественной войны.

Приложеніе 1.

Составъ и численность русскихъ войскъ въ 1812 году.

1-я западная армія генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли.

1-й пѣхот. корпусъ графа Витгенштейна	23	тыс.
2-й „ „ ген. Багговута	17	„
3-й „ „ „ Тучкова 1-го	18½	„
4-й „ „ „ гр. Шувалова (потомъ гр. Остермана-Толстого)	15½	„
5-й „ „ вел. кн. Константина Павловича	20	„
6-й „ „ ген. Дохтурова	17	„
1-й резерв. кав. корпусъ Уварова	3	„
2-й „ „ „ бар. Корфа	4	„
3-й „ „ „ гр. Палена	2½	„
Летучій казачій отрядъ Платова	7	„

Итого 127½ тыс. при 558 орудіяхъ.

2-я западная армія генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона.

7-й пѣхот. корпусъ ген. Раевскаго	16	тыс.
8-й „ „ „ Бороздина	16	„
4-й резервный кав. корпусъ Сиверса	3½	„
Летучій казачій отрядъ Иловайскаго	4	„

Итого 39½ тыс. при 180 орудіяхъ.

3-я резервная обсерваціонная армія гр. Тормасова.

Корпусъ графа Каменскаго	10½	тыс.
„ „ Маркова	15½	„
„ барона Сакена	8	„
Кавалерійскій корпусъ графа Ламберта	5	„
9 казачьихъ полковъ	5	„

Итого 43 тыс. при 168 орудіяхъ.

Всего 210 тыс. при 910 орудіяхъ.

Приложеніе 2.

Перечень корпусовъ „великой арміи“ съ показаніемъ ихъ первоначальной численности:

Гвардія (маршалы Лефевръ, Мортье и Бессьеръ)			47½	тыс.
I	корпусъ	маршала Даву	72	„
II	„	„ Удино	37	„
III	„	„ Нея	39½	„
IV	„	вице-короля Италіи Евгенія (Итальянскій)	45	„
V	„	маршала кн. Понятовскаго (Польскій)	36½	„
VI	„	„ Сенъ-Сира (Баварскій)	25	„
VII	„	„ Ренье (Саксонскій)	17	„
VIII	„	„ Вандама, потомъ Жюно (Вестфальскій)	18	„
X	„	„ Макдональда (Прусскій)	32½	„
XII	„	„ кн. Шварценберга (Австрійскій)	34	„

Резервная конница короля неаполитанскаго Мюрата.

1-й	резервн.	кавал.	корпусъ	Нансути	12	тыс.
2-й	„	„	„	Монбреня	10½	„
3-й	„	„	„	Груши	9½	„
4-й	„	„	„	Латуръ-Мобура	8	„

Итого 448 тыс. при 1200 орудіяхъ.

Кромѣ того, 2 корпуса оставлены въ тылу для охраны сообщеній; изъ нихъ одинъ (IX) впослѣдствіи былъ притянутъ на театръ войны:

IX	корпусъ	маршала Виктора	34	тыс.
XI	„	„ Ожеро	60	„

Итого 94 тыс.

Всего 552 тыс. при 1200 орудіяхъ.

